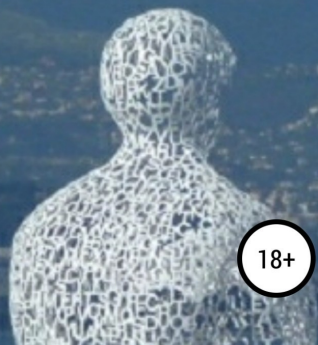

ЮРИЙ ГОРЮНОВ

Z E R O

**Удача
не бывает
случайной**

18+

Юрий Горюнов **Zero. Удача не бывает случайной**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39415602

SelfPub; 2018

Аннотация

Огромная немецкая овчарка словно зависла в прыжке. Я лежал на спине, чуть приподняв голову, повернувшись в падении лицом к ней, и видел её налитые злобой глаза, широко открытую пасть, из которой свисал тёмно-красный язык, а также нацеленные на меня клыки, которые в мгновение должны были сомкнуться на моём горле... Действие происходит в Латинской Америке. Книга 4 из серии Zero.

ZERO. Удача не бывает случайной

1

Огромная, немецкая овчарка словно зависла в прыжке. Я лежал на спине, чуть приподняв голову, повернувшись в падении лицом к ней, и видел её налитые злобой глаза, широко открытую пасть, из которой свисал тёмно-красный язык, а также нацеленные на меня клыки, которые в мгновение должны были сомкнуться на моём горле. Моя жизнь зависела от краткого мгновения, не секунд, мне их никто не дал, а именно от мгновения, выданного мне на удачу, судьбой или Всевышним. Но с ним я не был знаком, чтобы попытаться договориться, поэтому рассчитывать мог только на себя. Какие там мысли? У меня, как у животного остались одни инстинкты в минуты опасности – выжить.

Я резко «выбросил» правую руку вперёд навстречу, летящей на меня овчарки, и она влетела в её горло почти по локоть; пальцы мгновенно сжали её язык, и я с силой повернул руку, увлекая язык. Собака завизжала от боли, её клыки не успели сомкнуться, а я продолжал вращение. Тело овчарки чуть повернулось по направлению вращения моей руки и рухнуло на меня в конвульсиях. Ее была крупная дрожь, а глаза, смотревшие на меня со злобой, но если бы она была человеком, то я бы сказал, что с удивлением, стали туск-

неть. Жизнь покидала её, но моя жизнь оставалась со мной. Я вырвал, не сохранил, а именно вырвал свою жизнь из лап смерти в последнее мгновение. Челюсти так и не сомкнулись полностью, на моей руке.

Когда она утихла, я осторожно вынул руку из её горла и сбросил овчарку с себя. Она была уже мертва. Длинный язык вывалился из пасти, которая осталась открытой в смертельной агонии.

– Это было честно, – произнес я, глядя на неё. – Я тоже был без оружия. Либо ты меня, либо я тебя. Мне повезло больше.

Я откинул голову на траву и посмотрел на голубое небо сквозь ветви деревьев. Солнце слабо пробивалось сквозь густую крону деревьев, окружавших меня, и лишь отдельные его лучи достигали земли. Была приятная прохлада. Усталость от бега и нервное напряжение от схватки давали о себе знать. Я испытывал некую опустошенность и лежа на траве, чувствовал, как она приятно холодит разгорячённое тело, но вернулся мыслями к схватке за жизнь.

Я знал этот приём защиты от собак только теоретически, когда объясняли в учебке. Практики не было. Мысленно я поблагодарил своих учителей, которые научили выживать на одних животных инстинктах. Ни один мозг не мог дать команду на приём, только инстинкт и опыт на самосохранение.

Я улыбнулся. Надо же! Сколько у меня было в жизни ситуаций, а борьба с собакой впервые. И это для меня, развед-

чика-нелегала, у которого убийство – крайняя мера, только ради спасения собственной жизни.

Остаться рядом с собакой было опасно, за ней следовали мои преследователи, которым я не очень нравился. Посмотрев по сторонам, я увидел слева от себя кустарник, а справа небольшую поляну. Первая мысль – отползти в кусты, но я её тут, же прогнал, слишком просто. Они в первую очередь начнут прочёсывать кусты, зная, что я устал и далеко не мог уйти. Ещё раз взглянул наверх. Надо мной было большое толстое дерево, с густой кроной.

«Ну, что, надо попробовать» – сообщил я себе неприятное известие о дальнейших планах. – «Они не будут искать меня на дереве, считая, что я слаб, чтобы залезть на него. Но это они так думают, ты должен думать не стандартно». В голову пришло задание из учебки, требующего нестандартного мышления, когда меня ещё не готовили для индивидуальной работы нелегала-одиночки.

«Человек, каждое утро спускался на лифте, отправляясь из многоэтажного дома на работу. Вечером, возвращаясь, он поднимался до десятого этажа на лифте, а далее шёл пешком. Почему он так делал? Версий всегда было множество, а ответ один – он был карлик и не доставал до верхней кнопки».

Понимая, что я трачу драгоценное время на глупости, тихо поднялся, прислушиваясь к своему телу. Оно было уставшим, но без повреждений, лишь рука немного ныла, видимо

чуть зацепило клыками.

Обхватив по мере возможности ствол, я начал медленно влезать на дерево. Главное было не останавливаться и держать мышцы в напряжении; стоило их чуть расслабить и я упаду, а поднимусь ли второй раз, был для меня сложный вопрос. Упорно я поднимался вверх, как учили, и достиг середины кроны. Перебрался на ветку с противоположной стороны ствола, откуда предполагались преследователи, чтобы они не увидели меня издали, и затаился среди густой листвы. Ждать пришлось не долго, и вскоре я услышал голоса. Бегом к месту схватки приближалось трое мужчин: один худощавый, высокий, второй плотный среднего роста, а третий высокий, широкоплечий. У каждого из них висел автомат, поверх комбинезона.

– Смотрите. Сюда, – позвал худощавый, своих соратников, подбежал к собаке и остановился рядом с ней, разглядывая её. К нему присоединились остальные.

– Что он с ней сделал? – спросил худощавый. – На ней нет ни одной раны, но она мертва.

– Не простой видать парень, если смог убить нашего Боса, – сделал вывод другой и присел перед собакой. – Да у неё почти вырван язык! Ничего себе. – И резко поднялся. – Он где-то недалеко, время потратил на борьбу с Босом, да и устал, как и мы от бега. Надо проверить поблизости, посмотреть вон в тех кустах, – и он указал на кусты, в которые меня погнала первая спасительная мысль. – Иди, проверь, –

обратился он к художавому.

– Еще чего! – ответил тот возмущенно. – Если он с собакой мог такое сотворить, то, что ему стоит свернуть мне шею. Лучше я так, – он приблизился к кустам и начал поливать их огнем из автомата, который снял со спины. Тишину леса разрывали звуки выстрелов. Он поливал кусты свинцовым огнем, срезая ветки, которые с хрустом падали на траву.

– Хватит, давай посмотрим, – сказал широкоплечий.

– Вот идите и смотрите, я здесь постою и вас подожду, – художавый вернулся и встал под дерево, на котором я сидел. Его напарники стали осторожно приближаться к кустам, а художавый смотрел им в спины.

«Ну что же, – решил я, – ты сам выбрал себе путь на тот свет, если он существует. Во всяком случае, тебе его придется пройти. Если бы я там спрятался, то был бы уже мёртв, благодаря тебе», – и замер в ожидании момента.

Художавый устав наблюдать за медленным перемещением напарников, решил полюбоваться небом, поднял голову и замер с открытым ртом, увидев меня в кроне дерева. Давать ему повод, усомниться, что это не видение, а реальность, а уже тем более что-либо сообщить своим напарникам, я не собирался и рухнул на него, подминая под себя. Руки машинально делали своё дело, применяя «тихое убийство», а именно сворачивая ему шею, тут же подхватывая автомат из его ослабевших рук.

Его напарники обернулись на шум, но было поздно, авто-

матная очередь прошла по обоим, и они, не издав, ни звука с изумлёнными лицами упали в траву.

Я сел, прислонившись спиной к дереву, не выпуская из рук автомат.

«Многовато что-то в этой операции смертей, так много я ещё не убивал, не в моих это правилах» – думал я про себя. – «Ну, да не я это начал, это просто самооборона. А ваша беда, парни, что вас послали за мной».

Просидев минут пять, я поднялся, посмотрел, что в карманах преследователя, отцепил фляжку, и, открыв крышку понял, что это бренди. Нашел в кармане зажигалку и тоже прихватил с собой, а также нож. В дороге пригодиться. Всё, пора было покидать это место. Убежал я недалеко, и не факт, что за ними, ввиду их отсутствия, не пойдут другие. Надо было уходить. Беспокоило только, чтобы с другими, не было собаки. Задача стояла выйти на дорогу, а там разобраться, в каком направлении продолжать путь к свободе.

Приняв решение, я поднял автомат, ещё раз окинул взглядом поле боя, и сделал выстрел в собаку, чтобы была видимость, что она погибла от пули, а затем углубился в чашу леса. Лес был не такой уж и редкий, приходилось идти осторожно, чтобы случайно не наступить на сухую ветку. Косые солнечные лучи падали между деревьев и земля была в золотых пятнах. Тишина и покой леса нарушались лишь шумом веток, качаемых ветерком, но это спокойствие для меня могло быть последним, потому приходилось быть очень

внимательным.

Ушёл я не далеко, как услышал слабые голоса, лая собаки слышно не было, а значит, я оказался прав, за ними идут другие, видимо слышали автоматные очереди, и пошли на помощь. Не поддаваясь искушению идти быстрее, я взял ещё правее. Шёл медленно на Запад, почти весь день. Когда хотел пить, то в лесу находил либо ручей, либо болотце. Выкапывал рядом маленькую ямку, и вода, используя землю, как фильтр, наполняла её. Я черпал воду руками и пил, а затем запивал бренди из фляжки, как тогда в Африке, чтобы исключить вероятность отравления, используя алкоголь, как обеззараживающее.

Во время привалов я доставал записи, которые прихватил из офиса, откуда сбежал, где натворил бед и потому меня и искали, заучивал имена, изучал финансовые схемы. Нужно было всё это запомнить, хотя бы максимум. Опыт запоминания имелся, нас этому учили. Выходить с такими документами к людям я не мог. Я гонял свою память, повторяя прочитанное, и лишь когда понял, что она хранит, то, что мне нужно, я рвал листки на мелкие кусочки, перемешивал их и уже по пути, выкапывая ямки, по частям закапывал, чтобы исключить самую глупую случайность их найти. Ближе к вечеру я вышел на просёлочную дорогу. Не забывая голову направлением, я вновь повернул направо, подсознательно понимая, что база осталась слева.

Километров через пять, грунтовая дорога вывела на шос-

сейную. Куда и откуда она шла я не знал. Свернув вновь направо, я пошёл вдоль обочины, но не прошёл и две-три сотни метров, как услышал шум приближающейся машины, которая шла сзади в моем, же направлении. Встав за дерево, я стал дожидаться её появления, и вскоре увидел армейский открытый джип, в котором было два солдата в форме солдат американской армии.

Я решил рискнуть. Выбор был не велик, либо выйти к ним, либо самостоятельно искать выход. Повесив автомат на ладонь и, подняв руки, показывая мирные намерения, я вышел из-за дерева, когда машина была уже метрах пятидесяти от меня. Я не хотел получить пулю, напугав их своим неожиданным появлением с автоматом на шее, вот и повесил его на руку. В глухом лесу легче сначала выстрелить, а потом разбираться. Во всяком случае, в таком глухом месте это было бы нормально.

Увидев меня, водитель стал притормаживать, а сидящий рядом мгновенно достал автомат и направил на меня. Джип остановился

– Положи автомат и подойди, – приказал тот, что с автоматом. Я медленно положил его на землю и приблизился.

– Руки не опускать, – снова приказал он, и, увидев мою реакцию, сообразил, что я понимаю его.

Тот, что с автоматом был в звании сержанта. Он вышел из машины, это был крупный мужчина лет тридцати, ростом выше ста восьмидесяти сантиметров, широк в плечах.

Короткие волосы выглядывали из-под широкополой шляпы, защищая лицо, от жаркого солнца, и встал напротив меня, разглядывая, и было что. Одежда моя была испачкана, руки тоже. Его глубоко посаженные глаза внимательно изучали меня.

– Кто такой и как здесь оказался?

– Я Жан Марше, журналист, – ответил я по-английски. – Заблудился, вышел к какому-то полю, где меня обстреляли и отправились в погоню, но мне удалось убежать.

– А автомат тебе подарили преследователи? В догонялки играли или в войну? – иронично спросил он. – Дик, – обратился он к водителю, – посмотри у него документы.

Дик вышел из машины. Этот был помельче, но всё равно достойный экземпляр американской армии. Контрактники, – решил я.

Дик, подойдя ко мне, обыскал, достал паспорт, полистал его и подтвердил: – Он именно тот, как себя назвал, а уж журналист или нет, не известно.

– Возможно, только я не слышал, чтобы журналистам выдавали оружие. Ладно, позвони майору, сообщи ему о встрече. Пусть разбирается.

Дик залез в машину и по рации сообщил обо мне, а затем крикнул: – Джо, майор приказал привезти его к нему.

– Поехали, хоть нам и не по пути, оказывается, – известил меня Джо. – Достань веревку и свяжи ему руки, – приказал он водителю. – Так на всякий случай, – сообщил он, обра-

щаяся ко мне, – а то кто тебя знает, что ты умеешь, кроме того, как таскать автомат по лесу, пугая зверей.

Дик выполнил его указание, связав мне за спиной руки, а Джо, подобрав автомат с земли, сел со мной на заднее сиденье. Машина развернулась и поехала в обратном направлении. Вскоре мы проехали поворот, откуда я пришёл, и направились дальше, что меня порадовало. Километров через десять, машина подъехала к воротам, что были среди высокого забора, закрывавшего территорию от любопытных глаз. И всё это среди леса. Едва мы подъехали, как ворота открылись, видимо нас уже ждали.

Когда въехали на базу я осмотрелся, солнце уже почти скрылось за деревьями, но это не помешало мельком окинуть территорию; была она не очень большая, с компактно расположенными зданиями: несколько ангаров, здание с антеннами, и прочие строения, что так необходимы для армейской жизни. Все сооружения были одноэтажные и располагались среди деревьев. При строительстве вырубали деревья там, где только ставили строения. С воздуха сразу и не заметишь эту территорию, лес и лес. Мы подъехали к дому, с небольшой верандой, на крыльце стоял мужчина лет сорока, смуглый, загорелое лицо которого, с любопытством наблюдало за нашим приближением.

Выйдя из машины, Джо доложил майору, а это был он, и передал ему мой паспорт. Тот пролистал его, и приказал: – Развяжите. Пошли, – и, открыв дверь, вошел внутрь, не обо-

рачиваясь.

Мне развязали руки, и я в сопровождении Джо отправился следом за майором, заметив по пути на веранде кресло-качалку, что несколько удивило меня. Но у каждого свои слабости и, наверное, майор любил, покачиваясь в кресле, наблюдать за ходом жизни на беже. Пройдя по коридору, Джо указал на дверь, справа, что была открыта, где за столом уже сидел майор. Обстановка в кабинете была достаточно казенной. Из окна, за спиной майора, была видна лужайка, которая обтекала огромное дерево, листья которого не позволяли пробиться жарким лучам в кабинет.

– Присаживайтесь, – предложил он мне. – Сержант, поставьте кого-либо в коридоре, а пока закройте дверь.

Когда дверь за сержантом закрылась, он положил мой паспорт, что держал в руке на край стола, и, посмотрев на меня в упор, произнес:

– Расскажите мне, как вы оказались в этих краях, и что здесь искали?

Я не стал отводить взгляд и, придав своему лицу, выражение готовности к сотрудничеству, начал рассказывать. Обманывать сильно мне не было смысла, и я рассказал, почти все, начиная от выезда из Буэнос-Айреса.

За время моего повествования, майор ни разу меня не перебил, лишь следил за моей интонацией и мимикой. Когда я закончил, он вымолвил, проявив обычный интерес: – Звучит убедительно. Вы забыли сказать, сколько было преследова-

телей, и как у вас оказался автомат?

Вопрос был с подвохом, который мог быть проверен. Если скажу, что трое, то получается, что мне повезло. Автомат был тем аргументом против меня. Надо же журналист, а справился с тремя вооруженными людьми, и точно не простаков. Скажу один – то почему убежал. Всё же я решил пока не говорить всего.

– Точно не знаю, я оглушил одного, забрал автомат и побежал дальше.

– И как вам это удалось?

– Я залез на дерево, в надежде спрятаться, а тот бедолага, у которого я отобрал автомат, остановился под ним, и случайно подняв голову, увидел меня. Мне ничего не оставалось, как прыгнуть с дерева на него. Я не знаю, что у него было тогда на уме, но если меня преследуют с автоматом, я не имею привычки вставать на пути пуль.

– Хорошая привычка, и видимо не в первый раз. Крутой парень. Оставьте эти сказки для других. Не пройдет, во всяком случае, со мной.

– Не пройдет?

– Нет.

– Я не крутой, а просто мужественный.

– Ладно, – не стал погружаться в дискуссию майор, – как вы понимаете, я не могу верить вам на слово. Побудете пока у нас, а мы тем временем наведем о вас правки. Время позднее. На этом закончим. Разберемся.

– Я понимаю.

– Ваше понимание мне ни к чему. Вы должны радоваться еще одному дню жизни. Я пока не имею желаний вас убивать. Но кто знает, что будет дальше.

Он встал из-за стола, открыл дверь, и, выглянув в коридор, сказал: – Войди – и вернулся в кабинет к столу. За ним вошёл солдат

– Отведи его в казарму, запри в одиночной камере.

Я встал и обратился:

– Извините господин... – и замолчал, не зная, как к нему обращаться, он понял

– Майор Ренойльд.

– Извините, майор Рейнольд, а могу я умыться?

– Пусть умоется, и дайте ему поесть. Молите Бога, – обратился он ко мне, – чтобы вы оказались тем, кем представились. И ещё, подумайте, может быть, что вспомните поподробнее. Освежите память. Время у вас пока есть.

Я, в сопровождении солдата, вышел на территорию, и пока мы по ней шли, я внимательно изучал её расположение, хотя сумерки уже закрыли всё, а фонарями она не освещалась, лишь светом из окон. Ни одного вида техники, всё в ангарах, нет ни одного празднично шатающегося солдата. Было тихо и даже уютно. Войдя в казарму, мне дали возможность умыться, а затем отвели в камеру. Едва я вошёл, дверь закрылась. Помещение было маленькое с минимумом мебели: кровать, стол, стул, а в углу ведро, наполовину наполненное

водой. В его предназначении сомневаться не приходилось. Маленькое окно было забрано решёткой. Под потолком светила слабая лампочка, затянутая сеткой.

Помещение предназначалось видимо для своих провинившихся, а не таких гостей, как я. При желании отсюда выбраться не составляет труда, но вот зачем?

Мне принесли поесть, и затем унесли всю посуду, оставив большую кружку с водой.

Время у меня было; я лег на тонкий матрас, что закрывал доски кровати и предался воспоминаниям. Они начались с серого августовского дня на Монмартре в Париже.

2

– Грустим? – услышал я голос рядом. Я знал, кто это спросил, как и слышал его шаги. Это был Николя, владелец одного из многочисленных магазинчиков, здесь же на Монмартре. Мы познакомились на теме картин, которые я иногда покупал для своей галереи. Ему было за шестьдесят, но разница в возрасте никак не сказывалась на наших отношениях. Он был по-житейски мудр, а я был профессионально опытен. Здесь, в этом кафе, мы иногда и встречались, даже не договариваясь предварительно.

– Есть такое дело, – ответил я, не поворачивая головы. – Присаживайся, а то погода наводит скуку на моё одиночество, – намекая на моросящий дождь.

– Глядя на проходящих людей, я порой думаю, что я на маскараде, – высказал он мысль, все ещё стоя рядом.

– Надо знать правила маскарада.

– Я их знаю, так как сам ношу маску.

– Всегда?

– Нет, конечно, – хохотнул он, – но если не хочешь, чтобы тебя узнали, не снимай её.

Если бы он знал, как близок к истине, что я, надев маску много лет назад, так и не снимаю её.

– Знаешь, какое главное правило маскарада?– продолжил Николая.

– Нет.

– Не заглядывай под маску смерти.

Он стоял рядом со столиком, а я сидел. Мы оба смотрели на улицу, и каждый задумался о своём. Мелкий дождь выстукивал по листьям свою едва слышную мелодию. Окружающая обстановка навевала грусть. Август был теплым, но серая пелена дождя накладывала отпечаток на моё состояние. Не могу сказать, что я пребывал в расслабленном состоянии, что было роскошью для меня, но и находиться в напряжении не видел смысла. Опыт. То, что ожидало меня впереди, никуда не исчезнет.

Сегодня утром, проходя по галерее одного из крупных магазинов, я увидел сигнал, что в тайнике для меня оставлена информация. По метке я знал, в каком тайнике она лежит. Их было несколько, чтобы я не появлялся в одном и том

же месте часто, но на этот раз место было не самое удачное, прийти туда я не мог просто так, требовалось искусство перевоплощения.

Я был профессионалом, и об этом мне не следовало забывать, поддерживая, как нервную, так и физическую форму. Конечно, и у меня бывают перепады настроения, но моя жизнь отличалась от обычной. Я должен был уметь отключать неизвестно, какую часть мозга, которая в данный момент была не нужна для решения задачи. Но вот беда, всегда появляются посторонние мысли, которые пытаются сбить с толку, помешать, врываясь или вползая в мозг, и я должен был уметь противостоять. И умел, научили.

«Ну что же, – решил я в тот момент, – значит, закончилась моя спокойная жизнь». Я не стал забивать себе голову мыслями о том, что там может быть и как быстрее изъять информацию. Поспешность не была спутницей в моих делах. Задание было обязательно в другой стране. А здесь, в Париже, я жил. Наверное, это было исключение, что разведчик – нелегал, а я им и был, не работал в стране проживания. Но так было и так будет.

Сейчас я хотел подарить себе ещё немного времени, подарить наслаждение покоем и этим прекрасным городом, прежде чем покинуть его, не известно на какое время. Этого не мог знать никто, но я всегда надеялся вернуться сюда.

До прихода Николая, я сидел в одиночестве на веранде в своем любимом кафе на Монмартре, где любил сидеть и на-

блюдать за прохожими, где я мог погрузиться в свои мысли, изредка отвлекаясь, чтобы отпить вина из стакана. Легкая непогода рассеяла толпы туристов, обычно мельтешащих и толкающихся локтями на узких улочках у лотков с сувенирами. Сейчас было относительно тихо. Сюда не доносился шум машин, лишь речь туристов со всего мира, создавала неподражаемый шум языкового коктейля.

– Ну что стоишь? Садись. Или тоже грусть одолела? – предложил я вновь.

Николя сел рядом и посмотрел на площадь, что была перед нами: – Во всем надо видеть свои радости, мой мальчик, даже в такую погоду. Она позволяет подумать, а не рассматривать толпы туристов, оценивая их.

– Зачем их оценивать?

– Да мы это делаем произвольно, когда сидим, когда у нас больше времени, и нечем заняться, вот тогда и смотрим, кто, как идет, кто, как выглядит. Развлекаемся. И в этот прекрасный момент безделья, у тебя временное затишье и ты можешь погрузиться в себя. Так что не унывай.

– Да, в гости пришли воспоминания о прошлом.

– Эх, куда тебя занесло! – засмеялся он. – Ладно я, мне много лет, а ты-то что?

– У меня тоже есть прошлое.

– Прошлое есть у всех, но у тебя впереди больше, чем позади и ты его ещё можешь оставить не оборачиваясь. Каким бы оно не было. Надо учиться жить заново, если дверь в эпи-

зод твоего прошлого закрылась, как будто того прошлого и не было.

– Легко говорить, – ответил я, понимая, что неизвестно большее у меня впереди или уже позади.

– Легко, когда созреешь для этого, понимаешь, что не стоит жить прошлым.

– Но прошлое нельзя забывать. Не волнуйся, – обратился я к нему, также смотря на немногочисленных прохожих, – я не погружаюсь в него так глубоко, так, вспомнились отдельные моменты.

– Жизнь постоянно заставляет нас двигаться вперед и постоянно ставит перед выбором, от которого зависит, как сложится судьба.

– А может быть, наоборот? Судьба ставит нас перед выбором?

– Тоже не плохая мысль. Ты мой, друг не по годам рассудителен.

– У меня есть серое вещество, которое иногда работает, правда его наличие не служит гарантией успеха.

– Ты прав, ему тоже надо отдыхать.

Я несколько месяцев назад вернулся из своей очередной поездки и по прибытию зализывал душевные раны, физических, к счастью, удалось избежать. Если бы они были, то не сидеть бы мне сейчас здесь и не вести беседы. Не жизнь, а судьба ставит перед выбором, который передо мной возникает постоянно. Главный свой выбор я сделал давно, ещё тогда,

когда едва выкарабкался из лап смерти. Тогда, после тяжелого ранения я получил предложение перейти на нелегальную работу в разведку. Я не очень долго думал, находясь в закрытом госпитале в одной из стран. Да и о чём было думать? Близких родственников у меня не было; родители погибли, а дальних я почти не знал. Я мог вернуться на Родину, но что там буду делать, не представлял. Моя военная подготовка не очень подходила к гражданской работе. Я владел многими видами оружия, рукопашным боем, знал несколько языков. Много чему учили, чтобы выжить или убивать. Меня уже тогда поставили перед фактом, что для всех я погиб. Я не обиделся на столь поспешное решение. А может быть, и не осознавал ещё, лишь потом я понял, что оно было разумным. Если бы решил вернуться, то сочли бы мою гибель ошибкой и списали, но я уже вкусил плоды своей службы и согласился. Снова началась учёба в одиночестве. Тогда я, Егор Зотов, и взял псевдоним «ZERO». Что мой псевдоним? Когда-то я взял его, объяснив свой выбор, и лишь потом прочитал в «Тайной доктрине» Блаватской Е.П., что «ноль становится числом, только когда одна из других девяти цифр предшествует ему, являя, таким образом, его сумму и мощь». Это было про меня. Мой выход наступал, когда совершалось какое-то событие, не без участия человека. Мне всегда предшествовал кто-то. И я должен был показать свою силу и возможности.

И вот уже много лет я живу под чужим именем. Все, что

было потом в моей жизни, из памяти не выбросишь, особенно первую поездку в Китай. Но это уже было в прошлом. Настоящим было только одно – я жил во Франции и был её гражданином. В эту страну я возвращался после задания. Здесь меня знали, как Жана Марше. К себе на Родину я с тех пор так и не выезжал, после принятия того судьбоносного решения. Сколько лет прошло. Кто я на самом деле – знали единицы, да и в личном деле были только ссылки. Если почитать его не понятно кто я на самом деле, а тот уже давно погиб. Там был лишь псевдоним. Я не встречался лично со связниками, лишь только с тем, кого знал много лет лично – снижая опасность провала. Исключить этого нельзя, но снизить вероятность надо. Я помнил, что предавать могут только свои.

И вот я сидел в кафе, бездельничая, отдыхая, стараясь отвлечься от предстоящего задания, и выдавая себя за бизнесмена, каким я впрочем, и был. Официально я владел не большим арт-салонем, иногда публиковал статьи об искусстве, занимался коммерцией. Во всяком случае, финансово я был независим, и даже можно считать обеспеченным. Изучению искусства я посвящал свое время в Китае, тогда и сделал это направление одним из своих прикрытий. Это помогло и в общении.

– Жан, – услышал я голос Николая. – Вернись. Уже проглядывает солнце, и народ вышел на улицы.

– Да, я вижу.

– Ну и хорошо, а то я подумал, что уйдя в себя, вернешься ли? – улыбался Николая глазами.

– Это не для меня. Я люблю жизнь.

– Вот, правильно мыслишь, – изрек он, отпивая из стакана, – нечего бродить по закоулкам памяти. У всего в жизни есть срок, так что не стоит уходить в себя. В этом мире и так просто заблудиться и надо попытаться стать счастливым в любом переулке на пути.

– Так уж и в любом?

– Я же сказал надо попытаться.

– И куда деть груз прошлого?

– Да ты что!?! – удивленно посмотрел он на меня. – Ты еще молод, прекрасно выглядишь. Это мы старики уже потеряли свой лоск, хотя в душе ещё молодимся. Это нам приходится слишком много таскать с собой на душе. У тебя в ней ещё полно свободного места.

– Да она у меня бездонна.

– И хорошо. Тебя должно интересовать многое, особенно женщины.

– Ты думаешь, они меня не интересуют?

– Я так не думаю, но вот обрати внимание, – и он указал взглядом за веранду, где у лотка остановилась молодая женщина, среднего роста, в белой блузке, легком пиджаке, тёмно-синей юбке. – Видишь её. Очень привлекательная француженка.

– Она не француженка.

– Почему?

– В это время, такие, как она, здесь не ходят. Одета более строго. Не из офиса вышла сюда.

– А давай узнаем? – предложил Николая.

– И кто пойдет? – спросил я.

– Странный вопрос, ты, конечно. Если я прав, то ты платишь, если ты прав – я.

– Договорились, – согласился я, чтобы как-то разнообразить этот день. Захотелось небольшого приключения, хотя их в моей скрытой от посторонних глаз жизни, хватило бы на несколько человек. Я вышел с веранды и подошёл к женщине.

– Извините, – обратился я к ней, и она подняла голову. Глаза её были глубоко синими, нос чуть в веснушках. – Вы француженка?

– Нет, – ответила она с акцентом. – А почему такой интерес?

– Мы с приятелем поспорили. Он говорит, что вы француженка, а я что нет.

– Я ещё ни разу не была предметом спора.

– Ну, всё бывает когда-то впервые, – улыбнулся я. – Не обижайтесь.

– А почему вы решили, что я не француженка? – Поинтересовалась она.

– Время не для посещения Монмартра, более строгая одежда, ну и так чутье. Чтобы оправдаться перед вами, я

приглашаю вас за наш столик. Мой друг Николая приличный человек, он владелец одного из магазинов здесь, на Мон-мартре.

– А вы приличный?

– Не то слово, я не знакомлюсь на улицах, но вы исключение. Так согласитесь разрешить наш спор?

Она чуть задумалась: – Ну, хорошо, я попробую испытать приключение в Париже. Пойдёмте.

Мы вошли на веранду и когда подошли к столику, Николая встал.

– Николая, позволь тебе представить... – тут я замолчал, давая ей возможность назвать себя.

– Сара.

– Присаживайтесь, – предложил я ей и, подозвав официанта, заказал вино для неё. – Меня зовут Жан. Кстати, Николая, Сара из Англии.

– Откуда вы знаете? – удивилась она.

– По акценту понял.

– Верно, я из Англии. А вы лингвист? – обратилась она ко мне. – Или медиум, раз поняли?

– Нет, я коммерсант, но много езжу и стал отличать, кто есть кто. Если у вас будет желание и время, я расскажу вам об этом потом поподробнее, – и заметил, как улыбнулся Николая.

Официант принес вино, и мы просидели около получаса, в течение которого узнали, что Сара приехала в Париж по

делам, но не в первый раз. Она хоть и ходила по Парижу, но наспех, не было времени, а вот сегодня ей захотелось без прежней суеты побродить по Монмартру, а если удастся, и по городу.

– Это у нас впервые такой спор, – пояснил я Саре. – Так было грустно, и мы вели пустой разговор. Он уверял, что меня в первую очередь должны интересовать женщины и вот тогда обратил внимание на тебя.

– И интересуют?

– Конечно, но чтобы как-то скрасить наше пари, я предлагаю тебе экскурсию по городу. Интересно? – решил я по-пробовать занять себя этим днем, отложив вопрос задания на потом. Это я мог себе позволить.

– Разумеется, – ответила Сара, с интересом рассматривая меня, оценивая, насколько я подхожу для роли экскурсовода.

– Париж притягивает своей изысканностью, – начал я. – Это город, по которому надо ходить не спеша, это город романтики. Когда ходишь по его улицам, площадям появляется желание заморозить время, остановить его, чтобы почувствовать его. Знаешь, когда просыпаешься утром, и в окно светит солнце, хочется выйти на улицу, зайти в кафе, выпить чашку ароматного кофе с круассаном. Это туристы быстро ходят, превращая осмотр в суету, и не замечают романтики Парижа.

– А что надо чтобы почувствовать его?

– Остановиться на улице, на мосту, посмотреть по сторо-

нам, чтобы сердце наполнялось нежностью.

– Тогда пошли. Ты так интересно рассказываешь, что хочется увидеть и почувствовать.

Николя сидел рядом и с интересом слушал нас. Поняв, что ему пора, он поднялся:

– Ну, все дети мои, мне пора и не по пути с вами. Желая вам приятно провести вечер. Жан, покажи даме Париж, но так, чтобы она не умерла. Мы перед ней в долгу.

– Всё сделаю, – ответил я, и когда он направился к выходу, напомнил. – Не забудь заплатить.

Он кивнул головой.

– Ты когда уезжаешь? – спросил я Сару.

– Завтра.

– Тогда весь вечер наш. Я без машины, знаешь, люблю смотреть город не из окна автомобиля. Ты готова к пешей прогулке, она будет не проста?

– Готова.

Мы вышли из кафе и спустились вниз с Монмартра. Мы спустились из 18 округа к острову Сите. По пути я рассказал Саре, что Монмартр переводится как «Гора мучеников», в честь Дионисия епископа Парижа. По Новому мосту мы перешли на остров, посидели в сквере Вер-Галан, наслаждаясь видом Сены. Побродили по узким улочкам и, конечно, постояли на кругу перед Собором Парижской Богоматери – сердца Франции. Затем перешли по мосту на остров Сен-Луи, где всё выполнено в стиле старого-старого Пари-

жа, здесь узкие улочки, очень свежий воздух и удивительной красоты постройки. Зашли в шоколадные магазинчики, где она накупила сладостей, а в лавке с украшениями она приобрела сувениры для себя и своих друзей. Я считал себя парижанином, и не мог не угостить женщину, чуть удивив её. Всё это время я рассказывал ей о городе и местах, где мы проходили.

– А теперь, после небольшого похода по магазинам, приглашаю тебя в ресторан, – предложил я голосом, не терпящим возражения.

– Ты думаешь, я откажусь? Ну, уж нет. Даже если это обычный ресторан.

– О нет, это не обычный ресторан, которых множество в столице, так, что она забита ими.

Мы прошли мимо лавки с оливками, и подошли к старинной двери дома номер 39, где была надпись «Nos Ancetres Les Gaulois», что в буквальном переводе означало «Наши предки галлы». Это несколько необычный ресторан. В нем можно хорошо поесть, выпить, и всё это в атмосфере шумной таверны.

– Об этом ресторане малоизвестно туристам, – пояснил я Саре. – Туристы приходят сюда случайно или как ты, пришла со мной, знатоком таких мест. Это одно из лучших мест в городе, хотя бы по обстановке.

И я говорил правду. Официант, который меня узнал, усадил нас за длинный деревянный стол, какие раньше стояли

в пиратских тавернах в портовых городах.

– Тебя здесь знают, – заметила Сара.

– Да, бываю иногда, а иначе места не нашлось бы. Надо заранее заказывать.

И только после обеда мы позволили себе на десерт зайти в знаменитое кафе «Бертильон» (Berthillon), которое славится своим замечательным мороженым.

Мы прошли по набережной острова, с её неподражаемым колоритом, коим не наделена ни одна другая набережная Парижа. Сделали небольшой круг под кронами старых деревьев, спуститесь к самой воде, посидели на лавочке, любуясь видом вечернего Парижа...

– Ну, что, – подвел я итог. – Пора покидать этот маленький аккуратный остров, с его красивыми домами, улочками, которые производят впечатление сказочности, игрушечности. Пошли, еще что покажу.

Я пощадил Сару и на такси мы доехали по набережной до Лебединого острова, где находится Статуя Свободы.

– Обрати внимание, – рассказывал я ей, – лицо её обращено на запад – к своей «старшей сестре», а на табличке в ее руке выбиты две знаменательные даты – даты американской и французской революций. Вообще она родом из Франции, а её создателем был ни кто иной, как сам господин Эйфель. Статую Свободы в 1885 году Франция преподнесла Соединенным Штатам в качестве подарка по случаю столетней годовщины подписания Декларации Независимости

США. Правда, французы почему-то опоздали с подарком на несколько лет. Как известно, США стали независимым государством в 1876 году.

– Тебе бы гидом работать. Я вот и не знала этого. Не думаешь сменить профессию?

– Даже если и захотел бы, не получится, прикипел. В бизнесе есть свои прелести, а для души у меня есть ещё и салон, так, что приходится много читать, чтобы знать город, в котором живешь, в свободное время от работы.

– А оно у тебя есть, свободное время?

– Бывает, как, например, сейчас.

Сара оказалась приятной собеседницей и была очень общительна. Уже когда стемнело, по её просьбе, мы зашли в один из крупных магазинов, где она хотела что-то купить. Мне было не в тягость сопровождать её.

Сара купила всё, что хотела, мы ещё побродили по вечернему Парижу, воздух которого был наполнен благоуханием романтизма и любви.

– И что теперь? – спросила она, когда мы оба решили прекратить хождение по городу. – Я не знаю, как тебя благодарить, какова цена твоей услуги?

– Я денег не беру. Надо жить и духовной пищей, – ответил я, глядя ей в глаза.

– Это я как раз поняла. Кроме духовной пищи есть и иные. Поехали?

Я понял, что она имеет в виду. Всё привело к тому, что

Сара ночевала у меня.

3

Утро было солнечным и приятным, похожим на то, о котором я говорил Саре вчера. Единственное отличие было в том, что мы не пошли в кафе пить кофе, и есть круассаны. Кофе мы пили на кухне. Скванности от проведенной вместе ночи не было, взрослые люди, но вот времени провожать её, у меня не было тоже.

– У меня самолет после обеда, ещё надо заехать в отель забрать вещи, – сообщила мне Сара. – Не надо меня провожать, не будем портить воспоминания о вчерашнем дне, – предложила она, словно прочитав мои мысли. – Встретились – разошлись. Смысла встречаться ещё раз, нет.

– Почему? – спросил я из вежливости, хотя сам считал так же.

– К чему нам эти ненужные воспоминания? Мы же не будем продолжать отношения. Ты не склонен к семейной жизни. Ты эгоист.

– Даже так?

– В хорошем смысле. Эгоист по природе. Ты любишь жить один. Ты не спрашивал ничего обо мне и это замечательно, тебе это не надо, а мне тем более.

– Ты что секретный агент, что не можешь о себе рассказать?

– Кто знает. Чтобы я ни сказала, всё может оказаться ложью.

– Часто приходится лгать?

– Не больше чем другим. Если захочется увидеть тебя, где искать знаю – на Монмартре.

– Я бываю там, но не скажу, что часто, – выдал я ей долю правды, если правда бывает в долях.

Мы допили кофе, я вызвал такси, и Сара уехала, оставив после себя легкий аромат духов. Мне стало легче, теперь я был свободен, и пора было направляться к тайнику. Позволив Элен – директору моего салона, я известил, что задержусь, вздохнув с облегчением, что вновь остался один.

После ухода Сары, я должен был войти в норму своей привычной жизни, жизни своего дома, где был привычный для меня порядок. В нем был уют, созданный мной, чтобы заполнить пустое пространство квартиры, но я свикся с этим порядком. Я привык к тишине, наверное, даже сжился с ней, как и с одиночеством в доме, когда я мог сидеть в кресле, размышляя, зная, что никто не будет меня отвлекать. Неизвестно, смогу ли я вообще жить с кем-либо под одной крышей, чтобы меня не раздражали, пусть и самые приятные люди. Даже временные красотки становились в тягость, как только их роль исчерпывалась. Цинично, конечно, но факт.

И главное, живя с кем-то, обрастаешь привычками. Став нелегалом, я знал, что таких, как я, вычисляют по привычкам, и старался не забывать об этом. Иногда я носил очки,

иногда нет. У меня было любимое вино, но старался не отдавать ему предпочтения, периодически меняя сорта и марки вин. Ходил в самой разнообразной одежде: тёмных и светлых костюмах, джинсах с футболками. Кстати об одежде.

Место, куда мне следовало ехать, требовало подготовки и очень тщательной. Это был район Сен-Дени, достаточно беспокойный район, где жило много иммигрантов из бывших колоний. Днём ещё можно пройти, проехать, как туристу, но у меня была иная задача, я должен был извлечь информацию. Почему её там заложили, я мог только догадываться – видимо связник либо приезжал туда, либо там жил и ему удобнее было провести закладку там. Возможно, он был арабом, а значит и мне предстояло им стать. Искусству гримироваться меня научили.

Около часа я потратил на грим, но оделся более привычно для Парижа: рубашка, джинсы, кроссовки, но достаточно дёшево. В зеркало на меня смотрел мужчина-араб, лет под пятьдесят.

Выждав время, чтобы не попасться на глаза кому-либо из жильцов дома, следующих на работу, я спустился в гараж и выехал.

На машине я доехал до метро, и, припарковав её, спустился на платформу, а затем по 13-ой ветке доехал до станции Базилик-де-Сен-Дени. Далее я углубился в улицы. Мимо, без сирены, проехала машина скорой помощи в сопровождении полицейских. Иначе нельзя появляться в этом райо-

не, были случаи нападения на врачей. Изредка вглядываясь в ряды домов, я прошёл вдоль улицы, и возле обшарпанного дома, свернул в грязный, безлюдный переулок, в который едва слышно доносился шум улицы. «Не могли найти место получше», – в очередной раз подумал я, так как изучал все места тайников заранее, чтобы не тратить время на их поиски и не вызывать подозрения. Я должен был ориентироваться свободно. «Могли бы и в другом районе заложить, арабов по улицам Парижа не гоняют. Ну что ворчать, – успокоил я себя, – как есть, так и надо выполнять задачу».

Я подошёл к невысокому старому дому, построенному более полувека назад. Потемневшие стены, выложенные белым кирпичом, не придавали ему красоты. Между домами-двойниками была небольшая ниша, которую можно заметить, только проходя мимо. Солнце туда не проникало, за счет общей крыши соседних домов, и антрацитовая темень, могла укрыть, если было необходимо. Я, не замедляя шага, шагнул в нишу и в стене одного из домов нащупал щель, из которой извлек маленькую плоскую коробочку, бросил её под картонное дно сумки, которая висела на плече, и вышел, не спеша, направляясь в обратную сторону.

– Эй, приятель, подожди, – услышал я голос за спиной. Обернувшись, понял, что убегать себе дороже. Я увидел направляющихся в мою сторону парней-арабов лет по двадцати.

– Ты что там делал? – спросил один из них. – Мы тебя

раньше здесь не видели.

– Да вот приспичило, – пробормотал я, придав голосу извиняющиеся нотки.

– И ты посчитал, что у нас здесь общественный туалет! Ты ушёл, а мы должны здесь всем этим дышать и жить с запахом твоих нечистот?

– Да я там не первый, – робко произнес я в ответ.

– Но ты здесь чужой. Покажи-ка, что у тебя там, в сумке? – и, видя, мою нерешительность, тот, кто начал разговор, протянул руку и взялся за сумку. Я решил пока не вступать в конфликт, а посмотреть, что будет дальше и принимать решение по ситуации.

Парень открыл сумку, посмотрел и достал из неё пакет, где были бутерброды с сыром, и бутылка воды. Всё это я предварительно положил ещё дома.

– Не густо. Где живешь?

– В Лионе.

– А сюда зачем?

– Вот захотелось посмотреть Париж.

– Посмотрел? Ты что туалеты здесь смотришь? Покажи-ка, что у тебя есть из денег.

Я достал из кармана смятые бумажные деньги, коих было не много: – Вот, всё что есть, – и разжал ладонь.

Он сгреб их у меня с ладони: – Забери, свое барахло, – и протянул мне сумку. Проверять её на ощупь он не стал, и это избавило меня от крайних мер.

– Уматывай.

Я, повесив сумку, повернулся, и в это время один из них, пнул меня ногой, так, что я еле удержался.

– Поторапливайся, а то ещё накостыляем, – и они засмеялись.

Я ускорил шаг и вышел из переулка. Ввязываться в драку мне не хотелось – это привлечь к себе внимание, хотя на них мне потребовалась бы всего минута, другая. Во всех случаях я предпочитал искать мирные решения, а не оставлять после себя лежащих или вообще трупы. Убивать меня учили. Я старался не терять навыков и тренировался систематически в неприметных залах. Использование своих навыков – крайняя мера, иногда надо было и потерпеть.

Проделав обратный путь, я сел в машину и направился в Булонский лес, там припарковавшись, снял грим, и лишь затем направился домой, где первым делом снял одежду и пошёл в душ, смывать остатки запахов и грима.

Уже потом, сидя с чашкой кофе, я приступил к расшифровке послания. Мне следовало отправиться в Латинскую Америку и желательно в Аргентину или в Бразилию. В последнюю ехать было сложнее, там государственный язык португальский, я его почти не знал. В Аргентине испанский, это для меня почти родной. Выбор, въезжать в страну под своим именем или нелегально под чужим, оставался за мной. Всё зависело от возможностей. После того, как я найду канал для выезда и буду готов, мне сообщат данные для связи.

Я сжёг записку, а затем отправился в салон, предварительно выбросив в контейнер для мусора металлическую коробочку и одежду, в которой был в Сент-Дени.

4

В салоне было тихо, лишь Элен просматривала какой-то каталог.

– Что нового? – поинтересовался я.

– Всё не плохо, но надо обновлять экспонаты, в последнее время они хорошо продавались и коллекция поредела.

– Ещё бы, что я зря кручусь возле богатых, обеспеченных клиентов.

– Ладно, кто возле кого крутиться ещё вопрос. Ты, конечно, уделяешь им внимание, но у тебя удивительная способность увлекать их собой – они больше стараются завоевать твоё внимание.

– Неужели это так! – деланно удивился я. – Не замечал. А на женщин это тоже действует?

– К сожалению, – поделилась она. – Видимо есть в тебе что-то.

– Я знаю, что, – уверенно заявил я. – Холост, вот и вся причина. А ты-то как выдерживаешь?

– Пью успокоительные, – улыбнулась она. – Что касается обеспеченных, то сам не прибедряйся. – Элен не знала всех моих возможностей, но, безусловно, догадывалась, что фи-

нансово я был обеспечен, иначе, откуда деньги для покупки произведений искусства. У меня был стартовый капитал в начале своей деятельности, а затем я заработал денег на китайской операции, да и так занимался иногда иной коммерцией.

– У тебя есть предложения, что нам надо приобрести?

– Вот читаю, куда движется мода в области искусства.

– Элен, мода движется туда, куда её направят специалисты, в том числе и мы с тобой. Но ты права, надо что-то свежее. Как ты думаешь, уклон в Латинскую Америку пройдёт?

– Не ново, но можно подумать.

– Вот и думай. Есть у нас специалист по культуре Латинской Америки?

– Мишель Рено.

– Значит, мне надо с ним встретиться.

– Жан, как понимаю, ты собрался за океан?

– Почему бы и нет! Что-то засиделся я здесь, а то скоро завою от скуки.

– В ближайшее время в Лувре будет выставка, один день отдан журналистам и специалистам. Там думаю, будет Рено. Да, ты его знаешь, – сообщила Элен.

– Это такой невысокий, плотный, чуть с залысинами и немного картавит?

– Именно он.

– Пригласительный мне доставать или ты?

– Не утруждай себя. Принесу.

Знакомство с экспертом было важно для дальнейшей деятельности, он мог вывести на нужных и не бедных людей, которые часто и влияют на жизнь и действия тех или иных органов государства. Оплатить поездку Центр мне не мог, но польза от поездки должна быть определённо. Въезжать в Аргентину чисто под видом покупателя произведений искусства, мне не хотелось. Эта поездка неизвестно сколько могла продлиться, хотя я и мог себе это позволить, но это трата средств; надо было искать и другие варианты для поездки.

Если бы я был у себя в Центре, там нашли бы возможности, но отправлять меня из Франции, им было не под силу. Помочь могли только документами для нелегального въезда, но тогда мне пришлось бы исчезнуть из Франции и добираться через третьи страны, а легально только я сам.

Рассчитывать на удачу, было глупо, её надо было организовать. Любую встречу, любое знакомство я должен был направить на достижение цели, тогда удача и не пройдет мимо.

Элен принесла мне приглашение, и в нужный день я был в Лувре, где и «случайно» встретил Мишеля Рено. Я ему представился, он меня узнал и мы сев в уголке, и поговорили о выставке. Я его расспрашивал об особенностях культуры Латинской Америки, а он обстоятельно рассказывал, найдя в моем лице благодарного слушателя. Слушать его было приятно и интересно. Под конец разговора он заметил:

– Я вижу, что вы разбираетесь в живописи, скульптуре. Если надумаете работать в этом направлении я дам вам ре-

комендации.

– Буду очень признателен, – с благодарностью ответил я.

Когда он ушел, то я прошёлся еще раз по залам и направился к выходу, где почти столкнулся с Сержем Дюпоном – журналистом одной из газет, с которым был давно знаком, и в газете, где он работал, иногда публиковали мои статьи.

– Привет, Жан, – окликнул он меня. – Что это ты со стариком Рено беседовал? Интересует культура Латинской Америки?

– Есть такое дело, начал проявлять к ней интерес.

– И в чем он, если не секрет? Пойдем, посидим, выпьем по чашке кофе? Я угощаю.

– И я расскажу тебе о своих планах? Так что ли? – засмеялся я.

– Примерно.

Я не возражал и мы, выйдя из Лувра, направились вдоль набережной, дойдя до ресторана Luncha, зашли, разместившись на открытой веранде.

– Так какой у тебя интерес к Латинской Америке? – начал допытываться Серж.

– Есть мысль съездить, но кратковременная поездка не очень интересна, а длительная затратна, – всё это было правдой, но сама идея у меня появилась, едва я увидел Сержа. Идея, которая хоть и была бредовой, но могла и выжить от скудоумия, в котором я пребывал в поисках канала выезда.

Серж потер кончик носа: – Есть одна идея, только не гово-

ри, нет, сначала подумай над ней. У нас в ближайшее время вернётся из Аргентины корреспондент, а замены пока нет.

– И ты предлагаешь подумать об этом мне? – вымолвил я несколько лениво.

– Предлагать не могу, могу подбросить идею главному редактору. Ты, кажется, знаешь испанский?

– И английский и много чего.

– Вот видишь, – он замолчал, что-то обдумывая, а я не тропил. – Там сложно работать, – признался Серж.

– Догадываюсь. Также как и то, что я не журналист.

– Да брось ты, твои статьи написаны не хуже тех, кто учился журналистике. Зато у тебя может появиться возможность побыть там подольше. Не часто бывает, чтобы удалось совместить личное с работой.

Идея Сержа была, как нельзя, кстати. Это и была удача. Мне было нужно не напрашиваться, а чтобы инициатива исходила от него.

– Не часто, – согласился я. – Мне надо подумать.

– Суток хватит?

– Что ты так торопишься?

– Да я начальник отдела, вот и тороплюсь, а то отправят меня, а у меня здесь семья, а ты один. Так что?

– И чтобы вы без нас холостяков в этом мире делали?

– Нашли бы себе занятие.

– Знаю я ваши дела. Ладно, завтра позвоню.

– Если дашь согласие, тогда я пойду к главному.

Вечер я провел в раздумьях, хотя думать было не о чем и так всё было ясно. Я должен был взять паузу, и нужно было продумать условия, на которых я мог бы поехать, не ущемляя себя в правах перемещения и особенно возможности вернуться. На другой день я позвонил Сержу и дал согласие, но известил, что у меня есть условия.

– Как не быть, – отреагировал Серж. – Я поговорю с главным, и потом тебе перезвоню, условия обговаривать будешь с ним.

– Звони. Мяч на вашей стороне.

Интересоваться, как долго мне ждать ответа, я не собирался, всё должно быть построено так, чтобы они нуждались во мне больше, чем я в них.

Примерно через пару дней Серж позвонил и предложил приехать к ним в редакцию. Когда мы с Сержем вошли в приёмную, секретарь вежливо поздоровалась и разрешила войти к главному редактору. Главный предложил нам присесть и произнес:

– Присаживайтесь. Так вот, разговор у нас с вами серьёзный, а времени маловато. Совсем нет времени. Приступим к делу. Прежде чем принять решение, я хотел бы что-то узнать о вас, – поинтересовался он из вежливости, зная ответ.

– Не возражаю, а что именно вас интересует? – спросил я

– Что сочтете нужным сообщить.

– Я знаю несколько языков, интересуюсь искусством. У меня есть интерес к Латинской Америке. Да, что возможно,

вам будет интересно – не женат, так что в этом направлении обо мне печалится из-за моего отъезда некому. У меня ясный ум, я прилежный и приложу все усилия, чтобы оказаться достойным вашего доверия, оказанного мне с вашей стороны, как нанимателя

– Шучу здесь я, – прервал мой рассказ о себе главный. – Если бы не необходимость, то я не выступал бы в роли нанимателя.

Я знал, что это его манера разговора, Серж предупредил меня, что ему нравится, когда его принимают за злодея, хотя был очень порядочным человеком.

– Иезуитских оправданий не будет, – парировал я.

– А вы знаете их девиз?

– Цель оправдывает средства.

– Верно, только цель есть, мы её поставим, а вот средства фиксированы. Не забывайте об этом.

– Учту.

– Мы предварительно обсудили возможность сотрудничества с вами, и о направлении вас в Латинскую Америку в качестве нашего корреспондента, – продолжил главный. – Ваши статьи я прочитал, слог хороший, но там надо не об искусстве, а событиях. Сможете?

– Пока не напишу, не знаю. Гарантий дать не могу.

– Это понятно, – вздохнул редактор. – У нас сложная ситуация. Наш корреспондент заболел и видимо надолго. Его возвращать надо, а человека умеющего писать и знающего

язык, коммуникабельного, сейчас нет, не готовы мы были к этому. Серж предложил вашу кандидатуру, и если я правильно понимаю, вы не возражаете.

– Получается, что я для вас, как затычка, – не считал я нужным подбирать слова, прощупывая их заинтересованность. – Есть брешь и её надо заткнуть, а потом подберете другого, а затычку выбросим.

– Грубо, конечно, но в целом, похоже, – согласился редактор, – кроме последнего слова «выбросим». Должен признаться, что на текущий момент ваша кандидатура случайная наша удача, случайная находка.

– Удача не бывает случайной, – заметил я, и обратил внимание, что редактор в согласии кивнул головой.

– Возможно, вы правы, – снова согласился редактор, – но ваша фраза лишь подтверждает, что вы способны коротко и ясно выразить мысль. Вы умеете думать.

– А для чего еще нужен мозг? Если им не пользоваться, то он отмирает, как не нужный орган, – все чуть улыбнулись, а я продолжал. – Так что потом, когда найдете? У меня там есть и личные интересы.

– Это известно. Как только находим замену, вы можете остаться там нашим внештатным сотрудником, но платить уже тогда будем только за материал представляющий интерес.

– Это уже интереснее. Меня такие условия устраивают и чем быстрее вы примете штатного сотрудника, тем лучше.

Конкуренции я ему составлять не буду, а личного времени будет больше.

– Это всё?

– Мне нужна будет официальная аккредитация и визы в ближайшие страны.

– Я думаю это реально. Насколько я понял, вы планируете побывать и в других странах?

– Это было бы желательно. Мишель Рено, специалист по культуре Латинской Америки, обещал дать рекомендации. Глупо было бы не воспользоваться этим.

– Согласен. Если вы пришлете интересный материал, то примем.

Далее мы обсудили вопросы взаимодействия с редакцией, условия оплаты. Уже когда разговор закончился, главный редактор в упор посмотрел на меня и произнес: – Учитывая, что у вас там дела, не имеющие отношения к редакции, если что с вами случится, пойдет что-то не так, то не связывайтесь со мной, потому, как я не пойму, о чем вы мне, черт возьми, толкуете. Избавьте меня от ваших проблем. Я буду глух. Понятно?

– Более чем.

Все это он сказал, не обращая внимания на мою реакцию. Получив наставления, я покинул здание.

После редакции я поехал в салон и сообщил Элен о своем решении.

– Опять! – грустно вздохнула она.

– Опять, – ответил я. – Но ты уже привыкла. Я тебе буду писать, и присылать открытки.

– Лучше бы сам вернулся, а открытки я могу и здесь купить.

– Вернусь.

– Надолго?

– Не знаю, – пожал я плечами.

На другой день я составил записку в Центр и заложил в тайник.

«Определился канал выезда в Аргентину. Время выезда ориентировочно сентябрь – октябрь. Жду данных о связном на месте. ZERO».

Коротко и ясно. Тот, кто получит, не должен знать под каким видом я туда приеду, под каким именем. В Центре даже не знали моего французского имени, за исключением одного человека. Я не мог попросить у них дополнительные документы, чтобы не знали, кем я могу там ещё быть. Эту задачу я должен был решить я сам. Чем меньше информации обо мне, тем больше степень моей защиты. И я её решил просто. В одном из банков, в сейфе, у меня были паспорта на граждан различных стран. В этот раз я решил прихватить паспорт аргентинца и англичанина.

Я начал готовиться к поездке, встретился с Мишелем Рено и получил от него адреса и телефоны его коллег в различных странах Латинской Америки. Но это было не самое главное. Я начал практиковаться в испанском, изучать карты стран

латиноамериканского континента, дороги, планы городов с улицами, привычки, и местные обычаи. Это хорошо в Центре, там подготовят информацию, а здесь всё приходилось делать самому.

Через неделю я получил сообщение о способах связи, что касалось самого задания, то я его получу по прибытию на место. Это с моей точки зрения было разумно, зачем тащить задание, пусть и в голове, через океан, мало ли, что может произойти. А там я буду уже на месте. Но характер работы я представлял. Задача нелегала – добывать информацию, данные, а анализировать её будут другие. Иногда это было плохо. Только если знаешь сам источник и факты, можно принимать решение. Любой аналитик пропускает данные через себя, и сухая информация преподносится в чуть облагороженном виде. Я рассчитывал, что моя информация не корректируется, а подается в том виде, как я её передал.

Работать в одиночку всегда тяжело, не с кем обсудить. Решения я принимал сам, как сам и выкручивался из ситуаций. Никто меня не признает в случае провала, и никто не обменяет. Меня не было, я давно умер, но как, ни странно, чувствовал я себя очень даже не плохо.

Так прошел месяц, и в начале октября я вылетел в Аргентину.

Едва я вошел в самолет, у меня взяли плащ и проводили к месту в салоне бизнес – класса. Полёт предстоял долгий; примерно тринадцать часов. Около полуночи самолет компании Air France поднялся из аэропорта Шарль Де Голь, и взял курс на Буэнос-Айрес в аэропорт Министро Пистарини.

Как только самолет набрал высоту, в салон вышла стюардесса, проверить пассажиров. Она шла по проходу, с приветливым взглядом, и на просьбы пассажиров участливо откликалась. Её поведение, манера, скорее напоминали не стюардессу на работе, а актрису, играющую роль стюардессы. Мало кто из пассажиров не поддавался её чарам. Иссиня-чёрные волосы, дерзкие зелёные глаза, которые словно рентген просвечивали мужские сердца. Когда она подошла ко мне, я чуть поднял голову.

– У вас всё в порядке? Вам что-нибудь принести?

– Зелье для хорошего настроения.

– У вас что-то не так? – вежливо поинтересовалась она.

– Тоска от разлуки с родиной, хотя там у меня никто не остался, – уточнил я для её сведения, что холост.

– К сожалению, в нашем меню есть только слабительное, – приняла она манеру разговора, понимая игру. – Принести?

– Только если одновременно со снотворным... Но, знаете, принесите мне что-то попить. Если я потом буду спать, то не будите на обед.

Она, молча, кивнула и вскоре принесла бутылочку кока-колы. Я, отпивая напиток, всматривался в темноту ночью.

го неба, предаваясь раздумьям, и незаметно вернулся в своё далёкое прошлое.

Я вспомнил, все три учебных заведения, в результате учёбы в которых и стал тем, кем был сейчас. Но память вернула впечатления лишь двух последних.

Когда я учился в учебке, то нас там учили группами. Учили быстрому переодеванию, когда надо было перебежать из одной комнаты в другую, закладке тайников, передаче информации при касании в общественных местах, хотя мне это ни разу не пригодилось, потому как работал в одиночку и не светился. Интересны были занятия по запоминанию цифр, номеров телефонов. Цифры запоминали по цветам. Каждой цифре свой цвет, например, один – белый, девять – чёрный. В итоге, можно было описывать комнату. А телефоны, когда идёшь по проходу, мимо проходят и называют номер, в это время проходят навстречу, и тоже называют номер. Надо было всё запомнить. Учили слежке, технике ведения разговора, выживанию, тихому нападению, всем видам оружия. Радовали нас занятия по слежке, когда мы выходили в город, стояли перед витринами, в которых отражалась улица, сигналам связи. Нам вдалбливали, что слежка – тень человека. Научили запоминать любые детали и мелочи, развивая всё виды памяти, когда, даже увидев что-то мельком, и не обращаешь на это внимания, а память фиксирует увиденное. Можно запомнить всё, а потом вспомнить увиденное, даже если и не собирался запоминать.

– Вам принести ещё? – Спросила меня та же стюардесса. Я обнаружил, что выпил кока-колу. Ещё ранее, когда она только подходила, краем глаза заметил её, но не стал предварительно обращать на неё внимание.

– Спасибо, не надо. А что у вас соринка в глаз попала? – поинтересовался я.

– Откуда вы знаете?

– Вы чуть-чуть смазали тень в уголке глаза. То, что нака- тилась слеза, не хочется думать. Вынули?

– Да, подруга помогла.

– И как вынула?

– Уголочком платка.

– В следующий раз позовите меня, соринку надо выни- мать кончиком языка.

– Да вы что!?! – искренне с некоторой радостью удивилась она. – Но будете ли вы рядом?

– Многое зависит от вас.

– Я учту ваше предложение.

– Только долго не задерживайтесь.

– Хорошо, сейчас пойду, брошу себе пыль в глаза.

– Лучше пустите её кому-либо другому.

– Например, вам?

– Можно и мне, но тогда вам придется чистить мне глаза.

– И об этом подумаю.

Она отошла, я а лишний раз убедился в том, что трени- ровки не прошли даром, я заметил её приближение, а затем

вернулся к своим воспоминаниям.

Всё это было интересно, но более близко к диверсионной работе. Лишь когда меня, после ранения, начали готовить индивидуально, вот тогда всё было иначе. Это был новый этап подготовки профессионала агента-одиночки: отработка навыков рукопашного боя, радио, компьютер, работа с психологом, тайнопись, фотодело, визуальная разведка объектов и многое-многое другое. Такую нагрузку мог выдержать не каждый, но в меня поверили. Время проходило напряженно, я был постоянно занят, но не был лишен комфорта быта. Жил я тогда на вилле, в одной из стран. Преподаватели приходили на «дом». Вилла располагалась на огороженной территории, где я мог иногда прогуливаться. У меня отшлифовывали владение языками, тогда я и выучил китайский, который был нужен для моего первого задания. К своему удивлению я научился бегло говорить по-французски, неплохо говорил на арабском, правда, с письмом были сложности, испанский, а английский знал с детства. Изучал микро – и макроэкономику и другие заумные вещи.

Единственной издержкой всего этого, было отсутствие личной жизни. Я был холост, а для многих и мертв. Ещё за время моей предыдущей казарменной учёбы я, в какой-то мере, отвык от женского общества, если не считать отдельных эпизодов. Видимо, чтобы тебе кто-то понравился надо встречаться, общаться, строить отношения на сближение, всего этого я был лишен, при этом добровольно.

Индивидуальная подготовка выбила из меня мои славянские корни по привычкам, произношению и вычислить их стало просто невозможно.

Что делать? В разведке личного не должно быть, а личной привязанности к женщинам, я должен был избегать, помня, что за каждым преуспевающим мужчиной, всегда стоит женщина, она же могла его и погубить. Это слабость нелегала. За моей спиной никого не было.

Так я пришел в этот мир юнцом, а вышел в великолепной форме, но без друзей. Одиночество не тяготило. «У шпиона нет друзей» – мелькнула у меня банальная мысль. Да и кого они есть, в истинном смысле этого слова? Скорее хорошие знакомые. Хотя, если в общепринятом смысле, то у меня их было множество, которыми я обзавелся, что-то делая, или наоборот, не делая.

Я обречён был в этой, своей второй, жизни, принять облик человека одинокого, родители которого умерли вдали от родины, но я, как и они, остался французом.

– Месье, я вижу, что вы не спите, – вывел меня из раздумий голос стюардессы. – Будете обедать?

– Разве только за тем, чтобы чем-то занять себя, – ответил я на предложение. – Вы же не согласитесь скоротать моё время?

– В вашем вопросе заложен ответ – не соглашусь. Я на работе.

– А вне работы? Я научу вас технике вытаскивания сори-

нок из глаз.

– И только? – усмехнулась она.

– У меня много других скрытых достоинств.

– Видимо, очень они скрыты, иначе, почему вы холосты?

– Поняли, потому что меня никто не ждёт во Франции?

Не люблю показывать достоинства своей души. Как только они проявляются, всё, расставание. Какая женщина захочет быть на вторых ролях? У неё же нет столько достоинств. Но самое главное достоинство – холостяк, иначе я был вам не интересен. Так что скажете?

– Всё возможно, – уклонилась она от прямого ответа. Её зеленые глаза излучали лукавство.

– Тогда, если нам суждено будет ещё увидеться, то моё предложение остаётся в силе, но в Аргентине.

– Договорились.

– А что вы предложите мне сейчас?

Я выбрал блюда, перекусил и после обеда немного поспал. Когда проснулся, то за иллюминатором, на безоблачном небе, светило солнце. Полёт подходил к концу. Мы прибывали около девяти часов местного времени, так что день только начинался, а в Париже было ещё пять часов утра.

Под крылом замелькали здания, вереницы машин на шоссе. Посадка прошла по расписанию. Фонари посадочной полосы слились в сплошную линию. Юркий диспетчерский «форд» подкатил к самолету, и огромный лайнер, ревя моторами, послушно двинулся за ним.

Самолет подрулил к зданию аэропорта. Открыли дверь самолета, и в салон, горячей волной, ворвался тугой воздух, сдобренный асфальто-бензиновыми запахами аэропорта. Рукав подвинулся к выходу самолета. Я вышел последним. Уже на выходе я спросил, обращаясь к стюардессе?

– А как вас звать, в будущем? – хотя на её бейдже было имя, но мне хотелось услышать, от неё, как возможность для дальнейшего знакомства.

– Жаннетт, – улыбнулась она, и в её интонации не прозвучало дежурного ответа.

– А меня Жан. Всего доброго, Жаннетт, до встречи, – и пошёл по проходу.

Таможня, пограничный контроль отняли не более получаса. Получив свой чемодан, я вышел в зал прилёта, где стояли встречающие с табличками, на одной из которых я увидел своё имя. Её держал лысый брюнет, лет сорока, одетый в светлую рубашку и брюки.

– Здравствуйте, это я – и указал ему на табличку, что он держал.

– А меня зовут Андре, – весело произнес он. – Будем знакомы. Нам предстоит часто видеться. Пойдёмте.

Я подхватил чемодан, и мы вышли на стоянку, где погрузив вещи в его машину, отъехали от здания аэропорта. Мне было интересно наблюдать за пейзажем, проносившемся мимо. Трудно представить, что я снова в Южной Америке, где когда-то был проездом, хоть и вынужденным. По дороге из

аэропорта не было пышной листвы, и зной витал в воздухе.

– Впервые здесь? – поинтересовался Андре.

– Да, – ответил я, не собираясь посвящать его в предыдущие свои посещения Латинской Америки.

– Как и любая страна, она имеет свой колорит, особенно славится карнавалами и жгучими женщинами. Это надо видеть, но у тебя всё ещё впереди. Об этом можно говорить и писать сколько угодно, но всё будет не то. Это надо видеть. Давно занимаешься журналистикой? – перевёл он разговор.

– Достаточно, – не вдавался я в даты.

– Испанский знаешь, как полагаю?

– Есть такое дело. Немного и английский.

– Тогда порядок, здесь в ходу много языков, кто только не живет: китайцы, арабы, итальянцы. Вообще, Буэнос-Айрес в Латинской Америке имеет статус Парижа. Здесь, как вавилонское столпотворение, наложенное на латиноамериканскую основу. Тебе придется окунуться в эту жизнь напоказ.

– Не понял? – искренне удивился я.

– Здесь любят показывать больше, чем имеют в действительности. Любят вечерами ходить в кафе, рестораны, в общем, вести жизнь вне дома. Пока начнется лето, а оно здесь с декабря, привыкнешь, а потом уже дожди.

– А машину арендовать где?

– Подберем.

– А что с прежним журналистом, – поинтересовался я. – Чем он заболел?

Андре засмеялся: – Заболел! – Но затем резко оборвал свой смех. – Не болел он ничем. Что произошло, никто не знает. Избили его и сильно, но шум поднимать не стали. Видимо влез, куда не следует, хотя здесь народ добрый, но, как и везде, есть свои тайны жизни. Ты если что, спрашивай, наши кабинеты рядом.

– А почему попросили тебя встретить?

– Так пока никого не было от вас, я помогал вашей газете. Не бесплатно, конечно. У нас общая секретарша, чтобы заниматься бумагами и отвечать на звонки.

Так за разговорами мы въехали в город и влились в поток машин. Я с интересом рассматривал архитектуру зданий – испанское барокко. Андре вёл машину по загруженным улицам города уверенно, и проезжая по одной из них, указал мне на трехэтажное здание: – Вот здесь наш офис, а я тебя отвезу в гостиницу, что рядом, чтобы было не далеко добираться.

– А квартиру снять?

– Это тоже решаемо, всё зависит от возможностей. Понятно, жить в гостинице сложнее, все-таки не на один день приехал туристом. Симона поможет.

– Это наша секретарша? – уточнил я.

– Она, милая, она.

– Даже милая?

– С ней иначе нельзя, но для меня она только коллега.

– Думаю, для меня тоже будет.

– И это правильно.

Проехав мимо здания, где располагался офис, он ещё проехал метров двести, и, свернув направо, въехал в узкую улочку, остановившись перед небольшой гостиницей. Фасад здания был светло бежевого цвета. Дверь цвета мореного дуба пропустила нас в холл, где улыбаясь, нас встретил администратор – молодой мужчина.

– Номер для Жана Марше, – известил его Андре. – Ты устраивайся, – обратился он ко мне. – Мне надо идти, дела, а завтра я загляну. Отдыхай, все-таки разница во времени и перелёт. Или прогуляйся по улочкам, только не заблудись. Всё, я пошел, до завтра, – и Андре вышел на улицу.

Оформив проживание, я поднялся в свой номер, что располагался на втором этаже. Номер был достаточно удобным, среднего размера; окна выходили на улицу, по которой мы подъехали. На противоположной стороне был жилой дом, где на подоконниках стояли яркие цветы в горшочках.

Распаковав вещи и приняв душ, я переоделся и сел в кресло возле письменного стола, продумывая план действий на сегодняшний день и на ближайшее будущее. Надо было выйти в город известить Центр о своем прибытии, чтобы ждать задания, а пока вживаться в роль журналиста, потом посетить местного знатока искусства, адрес которого мне дал Мишель Рено.

Поразмыслив, я не стал откладывать дела и покинул гостиницу. Город был мне знаком, его карта была у меня отпе-

чатана в голове, немало потратил я времени не её изучение. Потом, когда найду квартиру, приступлю к более детальному изучению. Я доехал до улицы Флорида, где посидел в самом старом кафе страны и вернулся в гостиницу.

6

Утром Андре заехал за мной в половине девятого.

– Завтракал? – поинтересовался он, после приветствия.

– Да, в кафе рядом с гостиницей.

Я проснулся рано и, узнав у администратора, где можно позавтракать, выпил чашку кофе и съел два элеконадас (маленькие пирожки с рубленным мясом, оливками и яйцом).

– Тогда в путь?

– Ты же сказал, что офис близко?

– Но я, же за тобой заехал?

Через пять минут мы зашли в офис, который состоял из общей комнаты, где располагалась наша секретарша – Симона. Она сидела за большим столом, на котором стояли телефон, факс, ксерокс, лежали папки, на отдельном столике компьютер. В комнате было два шкафа и пара стульев возле её стола. Налево и направо две двери.

– Твоя дверь направо, – объяснил мне Андре, и после познакомил меня с Симоной. Это была крупная, но не толстая, высокая женщина, лет тридцати пяти. Чёрные волосы, спадали на плечи, выразительные глаза смотрели на меня с лю-

бопытством. Андре объяснил, что она замужем и у неё двое детей.

– Ты с какой целью мне сообщил об этом? – задал я вопрос.

– Только с познавательной.

Симона улыбнулась: – Будем знакомы, – у неё был приятный грудной голос.

– Предлагаю провести маленькое совещание прямо здесь. Свой кабинет посмотришь потом. Симона сделай кофе, – попросил Андре.

Мы расположились на стульях вокруг её стола. Когда кофе был готов, Андре начал своё введение меня в курс дел.

– Буэнос-Айрес очень славный город, добрый и приветливый. Аргентинцы доброжелательные люди, очень общительны и тебе надо будет привыкнуть к тому, что они болтают без умолку, и могут нести всякую чушь, лишь бы говорить. Поэтому, если дорожишь временем, то сначала подумай, готов ли ты к долгому разговору ни о чем, или извиняйся и спешно уходи.

– А кроме чуши, что ещё говорят?

– А вот ты и проявишь свои способности, чтобы отделить суть, что тебе интересна. Ещё одна особенность – они часто не обязательны и не пунктуальны, – при этом он посмотрел на Симону, а та улыбнулась в ответ на его взгляд, подтверждая его слова, – так, что если ждешь женщину, – продолжил Андре, – то имей в виду, это не значит, что она придёт

вовремя.

– А что, в других странах женщины иные? – удивлённо спросил я.

– Везде одинаковы, – согласился он, – но здесь это относится и к мужчинам.

– У меня не дойдет дело до свидания с мужчинами, – произнес я, придав голосу уверенность. Симона легко засмеялась, а Андре хмыкнул. – Надеюсь. Эту страну иногда называют «Маньяния», от слова «manapa» – завтра. Я правильно говорю? – обратился он к Симоне, и та утвердительно кивнула головой. – Их обязательства – завтра. Что ещё?

– А ты сам здесь давно? – спросил я

– Уже три года, с женой, – уточнил он, – дети взрослые остались во Франции. Насколько мне известно, ты не женат.

– Верно.

– Всё впереди. Может быть, встреча ждет тебя здесь, но учти, женщины здесь, очень знойные, могут и сами пойти на контакт.

– Все!?

– Ну, что ты, нет, конечно, но они такие страстные. Ещё запомни, что здесь три приоритета: футбол, секс, мясо. Все остальное вторично.

– Футбол все-таки на первом месте?

– Это когда идет матч. Что ещё сказать.

– О районах, – напомнила Симона.

– Все районы к югу опасны, что на севере – престижно.

Район Палермо – всегда ночная жизнь. На улицах Defensa и Chili много баров с живой музыкой. Есть вопросы?

– Хотел бы найти квартиру, арендовать машину, познакомиться с коллегами.

– Ты посмотришь график различных мероприятий, куда нас, журналистов приглашают. Выберешь сам, Симона подаст документы на твою аккредитацию, даже если их подвали из Франции. При первой возможности я познакомлю тебя с коллегами из других газет и журналов. Машина... Симона даст адрес салона, а квартиру через агентство, она также даст тебе телефон. Приготовила?

– Всё у него на столе.

– Умница. Тогда приступай, знакомься с бумагами, знакомься с городом. Тебе его показать?

– Спасибо не надо, хочу увидеть его своими глазами, чтобы иметь своё представление. Ещё. Как по поводу цензуры?

– Если ты имеешь в виду, будешь ли ты представлять интерес для спецслужб, то думаю, будешь. Впрочем, как и везде. Но все-таки не лезь, куда не надо.

– А куда не надо?

– В их внутренние разборки, в их отношения с США, как и в дела контрабанды. Береги свою жизнь. Это понятно?

– Более чем.

– Тогда у меня всё.

Я прошёл в свой кабинет. Это была небольшая комната. Напротив двери стоял стол, кресло спинкой к окну, которое

было закрыто жалюзи. Имелся кондиционер. Слева от входа шкаф для бумаг, справа небольшой диван, а у стола стул. Я прошёл и сел за стол, на котором лежал список приглашений и встреч, куда я мог пойти, телефон агентства по аренде квартир и автосалона. Позвонил в агентство, договорился о встрече, аренду машины отложил, надо изучить город, пройдя его пешком и на общественном транспорте. График особо не заинтересовал и решил всё-таки начать с жилья. Надо было открыть счёт в местной валюте. В какой банк обратиться, я знал, ещё в Париже мой банк дал мне сведения, обеспечив дорожным чеком.

Выйдя в приемную, я известил Симону:

– Пойду, займусь знакомством с городом и поиском жилья. Сегодня уже не буду. И мне нужен банк, – и сказал ей название.

– Это здесь рядом, выйдешь, сверни налево и через пять минут будешь на месте. Не заблудись.

– Постараюсь, – и, попрощавшись, вышел.

Войдя в прохладное помещение банка, я очутился в небольшом, но уютном вестибюле. Было немногочленно, царил тишина, присущая подобным организациям. Едва я вошёл, навстречу мне подошла милостивая девушка:

– Добрый день. Вы у нас впервые?

– Да, хочу открыть счет.

Она предложила мне следовать за ней, и, постучав в дверь, вошла в кабинет, где за столом сидел смуглый красавец.

– Господин, Орселе, к вам клиент, хочет открыть счет.

– Очень приятно. Вы откуда?

– Из Франции.

– Присаживайтесь. Как вас зовут?

– Жан Марше. Я приехал, как журналист.

– Если вам удобно, то могу говорить по-французски, – предложил Орселе.

– Не надо, я понимаю, да и для практики полезно.

– Как вам будет угодно. Я заместитель управляющего данного отделения. Вы свободны, – обратился он к девушке, и когда та вышла, спросил: – На какую сумму хотите открыть счет? В какой валюте?

– В песо, но пригодится и счет в иной валюте. Деньги я переведу из Европы. А сумма? Я думаю пару сотен тысяч в долларовом эквиваленте.

Ни один глаз не моргнул у Орселе, хотя думаю, что не часто журналисты открывают такие счета.

– Вид счета простой или номерной?

– Простой, но так чтобы я смог снимать деньги без ограничения по карте банка или по чековой книжке.

– Никаких проблем. У вас будет чековая книжка на ваше имя, и вы можете получить ваши деньги во всех отделениях банка страны.

– А в других странах?

– Также и там, где есть наши представительства.

– А как у вас с отделениями в районах?

– Смотри, какой район. Карточки, чек, а иногда и наличные.

– Понял.

– Ваши документы, удостоверяющие личность? – попросил он.

Я протянул ему паспорт, он внимательно просмотрел его, а затем по телефону вызвал служащую.

– София, подготовьте документы для открытия счета и чековую книжку для поступления денег.

– Не надо ждать, – и я подал ему дорожный чек, на озвученную сумму.

– Вы его так просто носите?

– Он же именной

– Тем не менее, надо быть осторожнее. Всё упрощается. Выпишите книжку по этому документу, – он отдал девушке мой паспорт. – Пройдите вместе с ней, подождите, пожалуйста.

Я вышел вслед за Софией, а Орселе отправился проверять мой чек. Через десять минут он вернулся и, подойдя к Софии, взял у неё чековую книжку, посмотрел и отдал мне.

– Спасибо, что выбрали наш банк, мы будем всегда к вашим услугам и будем стоять на страже ваших интересов. Карточка будет через пять минут.

– Я бы хотел получить часть наличными.

– Получите их по чековой книжке. Я прощаюсь с вами, – он пожал мне руку, и улыбка исказила его лицо, ещё бы жур-

налист, а открывает счет на приличную сумму. Глаза его оставались холодно-изучающими, настороженным.

– Всего доброго, – ответил я, и после получения карточки и небольшой суммы наличных, вышел из банка.

Чековая книжка была нужна, не всегда можно рассчитаться с карточки. Дел у меня было не мало. Город я предварительно изучил по карте ещё во Франции, но теперь надо было ходить пешком, откладывая в памяти дворы, улицы, переулки.

В последующие несколько дней я изучал город, выбирал квартиру, и остановился на одной в районе Палермо. Квартира располагалась в трехэтажном доме, который удачно вписался среди многоэтажных собратьев. Квартир в доме было не много. Моё жилище состояло из двух комнат, кухни, туалета, душа, балкона, выходящего во внутренний двор. Мебель была добротная. В спальней большая кровать, тумбочка, шкаф для одежды. Пол был устлан пушистым ковром, который заглушал шаги. В зале светло-зелёный диван, два кресла, стол, вокруг которого стояло четыре стула. В углу телевизор, вдоль стены шкаф с посудой. Светлые стены. Пол был также устлан ковром. На кухне было всё, что необходимо для приготовления. Что радовало, так то, что квартира не была похожа на казенную с типичной мебелью. Был кондиционер, но учитывая, что дом был не высок, то солнечные лучи не прогревали квартиру, от них защищали высокие деревья. Движение по улице было односторонним, рядом бы-

ло кафе и булочная, где можно по утрам купить свежую выпечку. До офиса было уже не так близко, но с машиной пока не торопился. Я перевёз немногочисленные вещи из гостиницы, прикупил кое-что по хозяйству.

В офисе я появлялся каждый день, но не надолго.

– Когда будешь на встречах? – поинтересовался Андре, в тот редкий случай, что я застал его в офисе.

– Скоро, дай устроится, – и, сообщил ему и Симоне свой адрес и номер телефона.

Но были и не очень приятные моменты от осмотра города, когда я его изучал. На другой день, после посещения банка я обнаружил «хвост», видимо господин Орселе сообщил о журналисте. По манере поведения я понял, что ребята местные и просто идет проверка. Они особо не скрывались, во всяком случае, моего опыта хватило их обнаружить. Я зашёл в магазин и вышел через другой вход, пройдя за остановку, наблюдая за их растерянными лицами. Они смотрели по сторонам, выискивая меня в толпе прохожих. Выбрав момент, когда они отвернулись, я вышел и стал смотреть на витрину, дав им возможность обнаружить меня. Когда они меня вновь увидели, я, насладившись эффектом, пошёл вдоль улицы.

Вообще в любом незнакомом городе, прежде чем приступить к работе, надо проводить проверку на предмет слежки, так, на всякий случай, чем чёрт не шутит, а его шутки в моём деле могут быть и скверными.

В один из дней я «естественным» образом ушел от слеж-

ки, надо было сообщить о своем прибытии. Единственное, что мне дали во Франции, это первоначальные каналы связи. В одном из районов, не самом престижном, я оставил метку, поставив крест на рекламе на автобусной остановке, как хулиган, выбрав момент. Завтра утром в потоке машин проедет машина оперативного работника местной резидентуры, он на ходу «снимет» сигнал и в тот же день Центр будет знать о моем прибытии.

Город был красив и интересен: улицы располагались в геометрическом порядке, а не запутанно, как в Париже. Как и сказал, Андре, богатые люди жили в северной части города, где только «свои». Популярны районы «кантри» с частной охраной, шлагбаумом. Кто победнее, живут в городе, в хороших районах типа Палермо, где стал жить и я.

Бродя по городу, я не только изучал его, я искал вторую квартиру и нашел её в не самом престижном районе. Важно то, что в ней был второй выход. Снимал я её, предварительно немного изменив свой внешний вид, а также одежду. Я стал усатым, одет попроще. Эту квартиру я не искал через агентство, чтобы не светиться лишний раз. Просматривал объявления, отмечая расположение домов, где сдавались квартиры. В конечном итоге я нашёл то, что меня устраивало. Не самый богатый район, но и достаточно спокойный. Я встретился с хозяйкой, а где её найти мне подсказали местные жители. Ей было лет пятьдесят, была она смугла, худощава и подозрительна.

– А вам она, для каких целей?

– Чтобы жить? – удивился я.

– Я не хочу, чтобы у меня из-за жильцов были проблемы.

– Я вас понял. Я живу тихо.

– Вы один?

– Да, я здесь в командировке, но часто буду отсутствовать, много поездок.

Она попросила паспорт, и внимательно изучив его, попросила плату за полгода. Мы поторговались и когда сошлись в цене, она вручила мне ключи. Паспорт был английский.

– Въезжайте.

Так я стал квартирантом конспиративной квартиры, которая по комфорту уступала другой, где я жил официально. Я купил необходимые вещи, чемодан и всё разместил в шкафу, зная, что хозяйка может явиться без меня, а пустые шкафы вызывают подозрения.

Закончив бытовые вопросы, я продолжал изучать город. Как-то вечером я забрёл в район Palermo Viejo – местный квартал красных фонарей, хотя с виду достаточно приличный район.

По прошествии недели, я стал бывать и на различных мероприятиях, куда приглашали журналистов. Почти одновременно с этим, примерно через неделю после того, как разместился на квартире и хождения по городу, я отдал Симоне написанную статью, чтобы она перепечатала и отправила. На другой день она мне сказала:

– А ты оказывается профи. Так написано, что я сама узнала много нового о городе, где живу всю жизнь.

Вошёл Андре: – Читал, мне понравилось. Давай я предложу в местную печать. Это их город глазами иностранца.

– Предложи, я не против. А скажи-ка мне, что это за район около автовокзала Retiro? Там полицейские и шлагбаум.

Андре усмехнулся: – Да, есть такое место, его даже на карте города нет, так зелёное место, словно там парк. Это Villja – 31 – трущобы. Там почти тридцать тысяч населения, кстати, профессиональных манифестантов. Обычные аргентинцы редко ходят на демонстрации протеста. Там много нелегалов. Полное сплетение узких улиц. Этого района, как бы нет, хотя, как ты понял, он находится в центре города между самыми дорогими районами. Полицейские стоят, чтобы предупредить об опасности посещения данного района, но запретить его посещение, не могут. Это только издали он кажется мирным, спокойным, что нет карманников, бандитов с ножами. Там, кстати есть школа, стадион. Тихий быт, и кажется обычный спальный район хоть и мрачноватый.

– Я был рядом, там дома с нагромождением этажей друг на друга, при отсутствии крыши, и впечатление, что оставлено для надстройки следующего этажа. Я заметил издали, что там даже в тапочках ходят, готовят на улице. Но понравилось, что дома выкрашены веселой краской.

– Веселый район. Но всё это обман, не зрительный конечно.

– И что об этом писать нельзя?

– А как писать, если там не был.

– Я понимаю, что опасно, но не до такой, же степени?

– Ты хочешь туда сходить? У тебя хорошо с головой? Симона, он болен, – обратился он к ней. – Ты оттуда выйдешь без штанов в прямом смысле этого слова, даже если они стоят не дорого, там их всё равно снимут. Это их территория, они ненавидят чужаков и относятся к ним крайне агрессивно. Это очень опасно, Жан, очень. Это не шутки.

– Да, Жан, Андре прав, выбрось из головы идею сходить туда, – поддержала его Симона.

– Хорошо, я не обещаю, но подумаю.

7

Во время прогулок по городу, я часто менял направления, маршруты, пусть те, кто присматривает, думают о моей любознательности. Интересно, полезут ли они за мной в этот район, но вскоре «хвост» исчез.

В один из дней, произошло одно интересное знакомство, которое имело последствия. Мне понравилось одно кафе, хотя я не любил иметь привычки, но в роли журналиста, это было даже необходимо. Вечером, там часто бывало многолюдно. И вот одним вечером, когда я зашёл, свободных столиков не было, лишь у окна сидела красивая брюнетка. Она сидела, глядя в окно с безучастным видом.

– Извините, можно сесть за ваш столик? – обратился я к ней.

Она повернулась ко мне, откинулась на спинку стула и спокойно посмотрела на меня. В её глазах сквозило равнодушные, но она кивнула головой. За спиной я услышал возглас удивления, и понял, что я первый кому это разрешили.

Чуть выждав паузу, я сказал:

– Извините, но вижу, что вы как-то равнодушно смотрите на мир. Красивая женщина с равнодушным лицом вызывает беспокойство. Пусть это банально, но вы привлекательны.

Её тёмные глаза, что взглянули на меня, были той глубины, что затягивали.

– Вы имеете в виду мою сексуальность?

– В пристойном смысле.

– Да в каком угодно. Я понимаю, что вы имели в виду, но думаю, что с таким смыслом и сами не сталкивались. Смысл всегда один.

– Не могу не согласиться.

– Вы психолог?

– Нет, всего лишь журналист. Но знаю, что красивая женщина вызывает мысль, что у неё кто-то есть, и, к сожалению, часто одна, ибо не достается никому, либо тому, кто на такую мысль не способен.

– Я не переходящий приз, чтобы кому-либо доставаться, – сухо заметила она.

– Я не хотел вас обидеть.

– Это сложно сделать. На обделённых умом я не обижаюсь, хотя если вы специалист, то возможно это к вам не относится.

– Хочется надеяться, но я, почему спросил? Увидев вас грустную, захотел отвлечь разговором.

– И познакомиться?

– Как получится.

– Лаура.

– Жан.

– Откуда, Жан? Франция?

– Из самого Парижа. Вы здесь часто бываете?

– Не часто, но бываю. Давно занимаетесь журналистикой?

– С месяцц.

– Не поздновато начал? На юного ты не похож, – усмехнулась она.

– Это временно. Скажем так, подменяю своего заболевшего коллегу, а сам занимаюсь бизнесом.

– Если хочешь услышать вопрос, каким, то я спросила.

– Всё, что приносит деньги, в том числе и искусство. У меня своя галерея.

– Торгуешь вечным.

– Отчасти, но не торгую временем.

– У него и без тебя есть продавцы.

– Это как?

– Те, кто имеет возможность сократить, забрать твою жизнь. Или оставить.

– Не задумывался об этом.

– Счастливый.

– У тебя неприятности?

– Всё в порядке, так отдыхаю, от суеты. А ты смотрю здесь не давно, ещё не успел загореть, но это поправимо. Скоро появится женщина, с которой будешь чаще бывать на воздухе.

– Почему так решила?

– Опыт жизни, если, конечно, не с семьей.

– Её нет, и не панируется, да бывает, что и один могу загореть. Для этого не нужна женщина.

– Для этого возможно, что касается остального, – она улыбнулась, и её улыбка могла означать лишь одно, что иного ответа она и не ожидала.

– Я не собираюсь доказывать. Хочешь, верь, хочешь, нет, но перспективы жениться не ставлю.

– А пора бы уже.

– Это совет или предложение?

– Как бы я ни старалась, но вряд ли смогу полюбить тебя.

– От такой женщины это особенно горько слышать. Я думаю, что понятно, что визжать и злиться по этому поводу не буду, даже если я так плох.

– Нет, не плох, но связывать судьбу с иностранцем не хочу. Темперамент разный.

– Жаль, а то мне сказали, что женщины здесь знойные.

– Многое зависит от мужчины, но я подумую. А чем же

мы женщины так обидели, что ты один?

– Ничем, просто так складывается жизнь. А ты чем занимаешься?

– Наблюдаю за жизнью.

«Это я здесь наблюдатель, – подумал я про себя, – а вот кто ты?» Но вслух произнес: – Хорошая профессия, и каков результат?

– Зависит от времени года и суток.

– Понятно, если есть где отдохнуть и с кем, то вечером все кошки серы и время прекрасно.

– Не надо меня опускать до такого уровня, хотя у мужчин в отношении женщин вечные проблемы: то не по вкусу, то не по зубам, то не по карману.

– И что из перечисленного относится к тебе?

– Второе. Первое отпадает, потому, как не плоха, а последнее – не продаюсь.

– С тобой интересно разговаривать, но и трудно делать умное лицо, потому как в голове поселилась мысль, и представляет тебя в ином виде.

– В постели и голой, – уточнила она.

– Я этого не говорил.

– И не надо, хотя надо отметить, что у тебя спокойный взгляд, а не масляный, как у тех, кто пытался присесть за столик, и слюни не текут.

– Опыт, как и у тебя, – поведал я. – Сама сказала, не юн.

– Это от возраста не зависит, значит, не слюнявишь жен-

щин.

– Как и они меня.

– Приятно видеть иногда умное лицо мужчины, но если хочешь, чтобы женщина дала положительный ответ, вопрос должен быть соблазнительным.

– Я не любитель соблазнений. Что касается твоей классификации, то первое не обсуждается, третье не для меня, остается второе, проверить насколько крепки зубы.

– Не боишься? – очень по-доброму улыбнулась.

Я похлопал себя по карманам.

– Что ищем?

– Ваша улыбка достигла кармана, не потерять бы.

– А до сердца?

– Пока нет.

– Это мой промах, надо проверить. Пошли, – заявила она и это бы не вопрос.

Увидев моё несколько удивленное лицо, при чём удивление было искренним, Лаура засмеялась.

– Зубы бережешь? Я не кусаюсь, почти. Так что идём, пить кофе, а там посмотрим.

Мне не хотелось искать себе приключений, но вот так оставлять её тоже не входило в мои планы. Уйти всегда успею. Но была ещё одна причина, что я не мог отказаться.

– Хорошо, – и мы вышли из кафе. Лаура направилась к белому «Пежо». Её стройная фигура приковывала взгляд, крепкие бедра обтягивала юбка. За время пути она не про-

изнесла ни слова. Она лихо отъехала от тротуара и вскоре припарковала машину возле многоэтажного дома, в районе, который был мне знаком, это было спокойное место.

– Не бойся, здесь спокойно, – пояснила она, видя, как я осматриваюсь. Не успели мы сделать несколько шагов к подъезду, как из припаркованной машины вышел мужчина лет тридцати и направился к нам, что не осталось незамеченным.

– Маркос, – обратилась к нему Лаура, – ты, что здесь делаешь? Следишь? Я тебе всё сказала.

Маркос посмотрел на меня: – Я бы посоветовал оставить эту женщину в покое. Я дам вам денег на такси.

Лаура с интересом наблюдала за нами, ситуация её забавляла.

«Этого мне ещё не хватало, – подумал я, – ревнивый ухажер. Ну, вот и нашел себе приключение, находясь на задании». Уйти я не мог, и не по причине сохранения мужской гордости. Причина, была иная, по которой я, ещё в кафе, дал согласие пойти с ней. За время моего изучения города, Лаура уже попадала в поле моего зрения, и даже в том кафе, где я бывал. В этот день я решил проверить свои подозрения.

– Я не беру денег у незнакомых людей.

– Считайте, что мы знакомы.

– У знакомых тем более, не люблю быть обязанным.

– Хватит Маркос. Пошли, Жан, я сварю тебе кофе.

Мы, оставили мужчину с его мыслями, а сами поднялись в

её квартиру, которая состояла из трех комнат и не могу сказать, что была проста, так как обставлена со вкусом и даже с претензией на шик. Светлый большой зал, на окнах опущены жалюзи. Вдоль одной стены стенка, в которой стояли телевизор и музыкальный центр. Включив музыку, Лаура ушла на кухню готовить кофе, а я расположился на диване.

– Вообще Маркос не очень приятный тип, но я об этом узнала потом. Он очень самолюбив. Считает, что он один такой, но когда его узнаешь, то думаешь: «И, слава Богу!». – Это она мне поведала, когда принесла кофе. – Но и ты не ретировался.

– Было бы стыдно всю оставшуюся жизнь.

– Неужели никогда не приходилось отступить?

– Только в моральном плане, когда уступал интеллекту.

– Битва умов.

Я окинул взглядом комнату и сказал: – У тебя хорошая квартира. В ней есть всё. Здесь мог бы поселиться мужчина, всё уже готово.

– Мог бы, – согласилась она, – но это должен быть стоящий мужчина, которого хочется видеть каждый день, а главное, чтобы он был здесь кому-нибудь нужен. Знаешь, эта комната у меня для бесед, а спальная вон там, – указала она дверь в глубине комнаты, – а ванная напротив кухни.

– Что уже?

– А зачем оттягивать удовольствие.

Уже стемнело, когда я собрался уходить.

– Не хочешь остаться?

– Не хочу, чтобы ты утром пожалела. Приятно просыпаться в привычной обстановке, и с тем, кого хорошо знаешь. Мне не хочется банального, типа: «Ты меня не забудешь? Я тебя не zapomню».

– Это верно, да и мне надо быть утром в форме.

– Не думаю, что ты её потеряешь до утра.

– Только потому, что буду спать. Сам знаешь, с красивой девушкой сложно, спать не дает. Если ещё увидимся, то увидимся. Я вызову тебе такси.

Когда такси, приехавшее за мной, отъехало от дома Лауры, я заметил, что следом отъехала ещё одна машина. Показывать, где я живу, в том числе и таксисту, не входило в мои планы, и назвал адрес в трех кварталах от моего дома. Дорогой я подумал, что Лаура не очень интересовалась, где конкретно я работаю, видимо знала.

Расплатившись с водителем, я чуть задержался, ожидая группу «сопровождения», которая уже подъехала. Из машины вышли двое парней, крепкие, один чуть выше другого.

– Тебя же предупредили, лягушатник, – сказал один из них.

– Если ты думаешь, что оскорбил меня, то зря стараешься. А что касается женщины, то не надо навязывается ей, когда она этого не хочет. Надо оставаться мужчиной.

– Вот мы и проверим, что ты за мужчина, если им оста-

нешься, – недобро усмехнулся второй.

«Ну, вот опять. Все мнят себя суперменами, не зная противника», – мелькнула мысль и тут же исчезла, так как, высокий бросился на меня, занеся руку для удара. Его кулак просвистел мимо, и он, не удержавшись, свалился на асфальт, правда, не без моей помощи. Второй не заставил себя ждать. Мне было жаль времени на разговоры, и я решил покончить со сложившейся ситуацией побыстрее. Чуть повернувшись в пол-оборота, я позволил ему также проскочить мимо, и сделал сильный удар по гортани, он схватился за горло и рухнул. В это время второй поднялся, и в свете Луны блеснуло лезвие. Хруст сломавшейся кости руки и резкий крик, нарушили тишину улицы.

– Вот и всё, – сказал я, и, посмотрев в машину, зная, что там сидит Маркос, поднял большой палец, и вошёл в переулок, чтобы окружным путём пройти к дому.

После этого эпизода я пару дней внимательнее присматривался, нет ли слезки, но было чисто. Я понял, что Маркос был случайностью, а вот Лаура вряд ли, хотя наше более близкое знакомство наверняка не было запланированным.

На другой день, проходя по торговому центру Moll El Palermo Shopping, я обратил внимание на мужчину. На плече у него висела сумка с надписью «Adidas», а из её бокового кармана торчала газета «Таймс», обращенная наружу названием. Всё бы ничего, но это был сигнал, что для меня имеется информация в тайнике. Этот мужчина приходил в дан-

ное место в определённые дни, в определённый час. Если бы газета лежала иначе, сигнал к опасности, что он под наблюдением.

8

Да, пора приступать к работе, прошло уже два месяца моего пребывания в Аргентине. Слежка местных уже прекратилась, а другим я дорогу ещё не перебежал. Ясно, что любой разведчик оставляет след, даже такой одиночка, как я, который не выходит на реальный контакт, не получает денежные средства, потому как обеспечивал свои операции сам, был на самофинансировании, что в какой-то степени спасало от провалов, если их вообще можно избежать, хотя пока удавалось, но это пока. Да и не было у меня заданий, где требовались большие деньги, хотя, что такое большие – относительно. Мои двести тысяч не были малыми, но и не громадными для меня. Вообще я был миллионер, если учесть всё мое состояние.

Я задумался о странностях судьбы. Нет, если сложить все составляющие моей жизни в ту мозаику, детали которой перемешаны, то можно получить общий рисунок. По тому, как я появился в Аргентине после получения задания. Те, кто давали задания, не знали, где я живу, кто по национальности, а тот, кто закладывал информацию в тайник, и получал её, тоже не знал от кого. Цепочка была замкнута по передаче,

но не по реальным встречам. Поэтому, если даже меня взять, то реальных доказательств нет, только догадки по стечению обстоятельств, но и в этом случае узнать на кого я работаю не возможно, если я сам не скажу, а это вряд ли произойдет.

Моё положение всегда было на грани риска. Трудности мои начинались с получения задания, они были неизбежны, и в данном случае вытекали из моёго текущего статуса – журналист, владелец галереи, но никто не может гарантировать мне выполнения задания.

Я выждал день, и отправился в Ботанический сад. Прежде чем там оказаться, я по привычке проверился на наличие «хвоста» и, пропетляв по улицам, приехал к входу. На территории сада я погрузился в атмосферу тишины, где не чувствовалось присутствие мегаполиса, скрытого за кронами крупных деревьев. Пройдя по красным дорожкам, усыпанным мелкими камешками, я вышел к старинному особняку, красного кирпича, где располагалась библиотека ботанической литературы. Позади особняка, я присел на скамейку, в тени большого дерева, напротив ажурной конструкции из стекла и кованого железа – оранжереи для растений.

В торце скамейки, под доской снизу, я нащупал углубление и зажал между пальцами капсулу. Посидев ещё немного, я отправился в обратный путь, предварительно погуляв по дорожкам сада.

Дома извлек из капсулы записку и через сильную лупу расшифровал сообщение. Мне передавались новые адреса

для тайников, телефон для связи, пароли. И совсем коротко о задании. Интересовало, есть ли объекты, где присутствуют американцы в том или ином виде. Их интерес. Мне предстояло узнать местную элиту, в которую запустило щупальца ЦРУ.

Но было ещё одно, что несколько беспокоило меня. Это была информация, о возможном выполнении отдельного задания. Но именно это задание могло привести к печальным последствиям, даже к моёму провалу, чего так долго удавалось избежать. Мог ли я проигнорировать задание? Мог, конечно, меня трудно найти. Я не сообщал, где живу, и не имел контактов с другими агентами. Но о необходимости выполнения этого задания мне сообщат дополнительно.

Записку я сжег, пепел смыл, капсулу сломал, а её части, потом выбросил в разных местах на другой день.

Спокойное время закончилось, относительно спокойное, За это время я побывал на разных пресс-конференциях, написал несколько заметок, статей. Их принимали, как и ту первую, что перепечатали в одной из центральных газет Аргентины. Тогда мне Андре сказал: – Теперь ты знаменит.

– Я к этому не стремился, просто выполнял свою работу, – я не хотел быть на виду, но иначе в данной обстановке было нельзя.

Я намечал план действий. Выход на элиту мне мог обеспечить Густаво Саборидо – уважаемый аргентинский искусствовед, рекомендацию к которому мне дал Мишель Рено.

Все богатые люди любят себя окружать произведениями искусства, а, следовательно, через него можно было завести с ними знакомство.

Вечером этого же дня я позвонил Густаво, и он предложил встретиться в субботу в галерее универмага Galeria Pacifica, поинтересовавшись, знаю ли я где это, и, получив утвердительный ответ, назначил время.

Мало, кто из местных знал, что на третьем этаже данного универмага находилась галерея, но вход туда был несколько запутан.

До встречи с Саборидо, произошло ещё одно событие, которое повлияло на дальнейшее развитие событий.

В четверг была пресс-конференция, одного из членов правительства. Я обычно не задавал вопросов, стараясь оставаться в тени, не привлекая к себе внимания, насколько это было возможно. Если что представляло для меня интерес, то я свои мысли высказывал коллегам, как бы, между прочим, ещё до начала конференции. Так по крупицам я собирал информацию. Я был аккредитован во всех учреждениях Аргентины, и моё присутствие там было законным.

Во время конференции, один из журналистов, которого я на тот момент не знал, спросил:

– А что вы скажете по поводу военных баз и прочих непонятных объектов в «зоне трех границ».

Я знал, что «зоной трех границ» называли место границ Аргентина – Бразилия – Парагвай.

– Я думаю, что данный вопрос лучше адресовать СИДЕ (SIDE), управлению внутренней разведки (отвечает за сбор информации). Это их компетенция, я же курирую западно-восточные провинции, – поведал чиновник.

– Вот потому и спрашиваю.

– Если у вас есть конкретная информация, а не слухи, то я готов её передать в соответствующую службу, если конечно ваш вопрос не вызван спровоцировать меня, и что вы не являетесь их сотрудником.

Я спросил Андре: – Кто этот журналист?

– Мартин, он как раз из того района. Возможно, что-то знает.

На конференциях я пытался понять общий настрой, а не уклончивые ответы отвечающих. После пресс-конференции, все разошлись готовить материалы для своих редакций, но предварительно договорились встретиться вечером в кафе.

Меня заинтересовал Мартин. Вопросы, подобного типа, у журналистов не возникают на пустом месте, они всегда базируются либо на информации, либо на слухах, которые при их работе, пропускать мимо, было нельзя, как и мне при своей.

Вечером, в кафе, нас собралось человек десять, в том числе и Мартин. В процессе разговора я спросил его, наклонившись:

– Твой вопрос относительно баз, подтвержден, чем либо?

Он мельком окинул меня взглядом: – Ходят слухи. Общался с местными. Видели людей в военной форме, но не нашей.

– Но ты спросил про американцев?

– Никто не видел явных янки, но те, которых видели, отличались от местного населения, говорили по-английски, да и раньше шли разговоры о разрешении открытия им базы. Да об этом многие знают, но не хотят говорить.

– Ты же рассчитывал на прямой ответ.

– Нет. На такой вопрос никто не даст прямого ответа. Хотел посмотреть на реакцию.

– И как?

– Ожидаемо, но в том, что они есть, не сомневаюсь.

– Проверить не пытался?

– Если честно, то я побаиваюсь. Места там глухие, всякое может случиться. Там и контрабандисты пошаливают.

– Чем промышляют?

– Алмазами.

– А где конкретно?

Он внимательно посмотрел на меня, но, не задавая вопросов, сказал, что в провинции Мисьонес, а точнее в районе Сан-Педро, это возможно.

– А тебе это зачем?

– Интересный материал.

– Прежде, чем залезать в это, подумай, – сказал он, – но конкретнее только местные расскажут.

– Я подумаю. Иногда хочется щелкнуть по носу.

– Чтобы получить потом удар, о которого не оправится, или пулю, – резюмировал он. – А так если хочешь пощeko-

тать себе нервы, обращайся, подскажу, но без ссылок на меня.

Больше я к этому разговору, в этот вечер, не возвращался, и мы включились в общую тематику: футбол, женщины и политика.

– Жан, – обратился ко мне журналист американской газеты, – а ты заметил, какие здесь женщины?

Этот американский журналист держался в тени, особо не вступал в разговоры и был не заметен, как старая дева на банкете у знаменитости. Он чаще всего сидел и улыбался, слушая других, изредка подключаясь к разговору. То, что он обратился ко мне, в данном случае было обусловлено тем, что он слышал наш разговор с Мартином, но надо было как-то проявить себя ничемным вопросом.

– Конечно, я же не слепой. Большинство брюнетки, потому как их предки испанцы и итальянцы. Следят за своей внешностью, хорошо одеваются, часто достаточно провокационно. Кожа чистая.

– Да они без депиляции жить не могут, а ещё жалуются, что нельзя загорать без купальников.

– Это же какой стресс будет для мужчин!

– А познакомился с кем?

– Извини, но я свои знакомства с женщинами, не обсуждаю в частности, да и вообще не обсуждаю знакомых женщин, – и вспомнил Лауру, которую больше не видел.

Засиделись допоздна, домой я приехал за полночь. На

другой день я взял в аренду машину – небольшой внедорожник.

9

Около полудня, я поднялся в галерею. Посетителей почти не было: суббота, время обеда. Как выглядит Густаво Саборидо, я не знал, и при входе обратился к служащему:

– Кто из посетителей Густаво Саборидо?

Он указал мне на двух мужчин, которые беседовали возле одной из картин: – Тот, что пониже.

При моём появлении возле них, они прервали разговор и вопросительно посмотрели на меня. Густаво Саборидо был среднего роста, очень просто, даже пренебрежительно одет. Длинные седые волосы оттеняли его смуглое лицо. На вид ему было около шестидесяти.

– Добрый день, – обратился я к обоим и, повернувшись к Густаво, представился

– Я, Жан Марше, мы договаривались о встрече. Я от Мишеля Рено.

– Да, помню. Познакомьтесь, – представил он мне своего собеседника – Матиас Рамиро, мой коллега. Так о чём вы хотели со мной поговорить? Я думаю, Матиас нам не мешает?

– Нет, конечно.

– Давайте пройдем и присядем, – предложил он.

Мы прошли в дальний конец зала, где разместились в глубоких креслах вокруг маленького столика.

– Слушаю Вас, – произнес Густаво.

– Я здесь в командировке, представляю одну из французских газет, но журналистика не основное моё занятие, даже скажу вообще не моё. Меня попросили временно заменить их журналиста. У меня есть свой бизнес, одним из направлений которого является – арт-галерея, – и я протянул им свои визитные карточки. – У меня хорошие связи с людьми, что увлекаются или коллекционируют произведения искусства. И вот я решил открыть в этом деле новое направление – искусство Латинской Америки.

– Думаете, будет спрос?

– Спрос надо формировать.

– Разумно. И что конкретно интересует?

– Пока не знаю. Я плохо знаком с творчеством народов Латинской Америки, исключая, конечно, известных мастеров. Интересно всё: гобелены, фигурки по дереву, по кости. Наверное, получается больше народное творчество, но индивидуальное. Моя просьба заключается в том, чтобы подобрать образцы для салона, но не только из Аргентины, из других стран Латинской Америки, где у вас, возможно, есть коллеги, кому вы можете меня порекомендовать.

– Есть, как не быть. Помочь можно. Что касается образцов, то пойдемте, покажу для примера, – и он, поднявшись, направился к стене.

– Вот посмотрите, – указал он мне на дощечку. – Это ручная работа, творчество индейцев Уичоль. Они в основном живут в Мексике, но есть и у нас. Работы наших, отличаются от мексиканских, цветовой гаммой, характером рисунка, хотя технология изготовления сохраняется веками. Технология такова: наносится пчелиный воск, сосновая смола, на которую накладываются шерстяные нити. Уникальная работа.

На дощечке был изображен какой-то культовый обряд. Цвета были жёлто-голубые.

– Я в выходные был на улице Флорида, и посмотрел, что там разложили. Были интересные фигурки из кости и дерева, – поделился я.

– Это все массовое, – махнул рукой Густаво. – Этих торговцев называют «Manteros» – «покрывальщики», потому что раскладывают товар на тряпках на земле. Если вам интересно, то надо ехать в глубинку и там подбирать экземпляры, прямо у местных жителей. Например, на северо-восток, в провинцию Корриентес. Здесь вам лучше подскажет Матиас. Что скажешь Матиас?

– Подобные вещи хорошо делают на севере страны, – согласился он. – Я помогу вам сориентироваться. В своё время я бывал там и есть некоторые глухие деревни, где можно что-то найти. Они на этом не зарабатывают, их деятельность сельское хозяйство, оттого их произведения в некотором смысле уникальны, делают в единичных экземплярах для себя. Надо побывать и в провинции Мисьонес.

– Я буду вам признателен, если поможете. Если у вас есть сейчас время, то приглашаю вас в ресторан на обед, там и поговорим, – предложил я.

Мы вышли и разместились в ближайшем специализированном мясном ресторане, что называют Parrillada. Мы заказали красное местное вино, стейк с соусом Чимичурри, достаточно пикантный, а на закуску provoleta (жареный сыр). От десерта тирамису они отказались.

Через два часа я имел базовые представления о направлениях творчества народов Аргентины, и как примерно определить качество. Густаво подарил мне свою книгу, которая в дальнейшем помогла в изучении особенностей аргентинской культуры.

Перед тем, как расстаться, я спросил:

– А есть ли возможность, познакомится с местными коллекционерами?

Густаво задумался: – Возможность есть. Учитывая рекомендации Мишеля, я могу пригласить вас завтра к одному коллекционеру. Там собираются только свои и достаточно интересные люди.

– Буду очень признателен.

– Жду вас завтра у себя около четырех, – и он назвал адрес.

Дома, за чашкой кофе, я оценивал возможность войти в круг элиты столицы. Это был тот шанс, который упускать было нельзя. Там крутились большие деньги, а они не всегда

честные.

На другой день я заехал за Густаво, и мы направились в один из районов «кантри». На въезде у нас попросили документы и сверились со списком гостей. Меня там, конечно, не было, но вписали, так как я был с Густаво.

Я остановил машину возле трехэтажного особняка, среди прочих автомобилей гостей. Сам дом располагался в глубине сада и мы, пройдя по дорожке посыпанной гравием, подошли к стеклянной двери, которую тут же распахнул служащий при нашем приближении. Едва мы вошли в холл, как нам навстречу устремился невысокий полноватый мужчина, с почти лысой головой, в просторной рубашке и хлопчатобумажных брюках.

– Дорогой Густаво, как я рад, что ты смог приехать.

– Я же обещал. Познакомься, мой коллега из Франции – Жан Марше, – представил он меня, – но по совместительству журналист.

– Это интересно, Диего Перон, – представился он. – Очень приятно. Густаво, посмотришь мое новое приобретение?

– Если покажешь!

Пока они перебрасывались словами, я успел мельком осмотреть обстановку и присутствующих. Было человек пятнадцать, все одеты не для официальных приемов, как мужчины, так и женщины. Холл был большой и в нём, на стенах, висело несколько картин, вдоль стен стояли диваны и кресла. В углу разместилась барная стойка с напитками. Пол был

выложен плиткой двух цветов: светло-коричневого и коричневого. Стены бежевые. Размеры холла позволяли не загромождать его мебелью.

– Жан, пойдёмте, посмотрим, – предложил мне Густаво.

Мы пересекли холл и вошли в комнату, где по стенам были развешаны картины, в центре стоял небольшой столик красного дерева, у стен кресла. Стены были задрапированы тёмно-зелеными обоями. Мы подошли к одной из картин, на которой были изображены горы, окутанные облаками и освещённые солнцем, они словно погружались в синеву ночи.

– Что скажешь? – обратился ко мне Густаво.

– Я ещё не так хорошо знаю природу Аргентины, но это не здесь написано. – Я всмотрелся в картину поближе, и продолжил, – картине примерно лет тридцать. Написана она в стиле Николая Рериха, в его «Гималайский период». Она близка к его «Голубые горы». Автор стремился к максимальной чистоте тонов, яркости цвета и умеет передать изысканность красоты гор. Он явно находился под влиянием творчества Рериха, с его бархатистыми тонами и можно сказать, звонкими цветами. Возможно это Гималаи. Но я не знаю этого автора.

– Изумительно, – произнес Диего. – Я действительно купил её, когда был в тех краях. Но её только что прислали. Картине уже пятьдесят лет. Да это в стиле Рериха. Вы с ним знакомы?

– С Рерихом?

– С творчеством, – засмеялся Диего.

– Довелось изучать, но лично его картины не проходили через мои руки.

– А что у тебя во Франции?

– Салон. Я здесь, чтобы посмотреть ваше искусство, и Густаво согласился мне помочь.

– Осмотритесь, прогуляйтесь, а мы пока побеседуем, – предложил мне Диего, – там, в холле, напитки.

Я вышел в холл, подошел к стойке и попросил красного сухого вина, а затем отошел к одному из диванов в углу, изучая издали публику. Мое внимание привлекала стройная красивая брюнетка, которая улыбаясь, направлялась в мою сторону. Как её было не узнать – Лаура, и я встал, когда она приблизилась.

– Добрый день, такая неожиданная встреча, – она поцеловала меня по местным обычаям.

– Я тоже не ожидал тебя встретить здесь.

– И что делает здесь журналист или ты в ином качестве?

– Я здесь в качестве ценителя искусства, да и завести новые знакомства.

– Мог попросить меня.

– Откуда я знаю твои возможности, да и расстались мы без обещаний на дальнейшие встречи.

– Да, это наше упущение. Ты хорошо тогда доехал? Без приключений?

– Как видишь, цел и невредим.

В это время к нам подошел Диего.

– Лаура, ты уже познакомилась с Жаном?

– Да, только что.

Я не счёл нужным возражать.

– Позволь мне познакомить его с другими гостями. Ты знаешь, он очень хорошо рассказал о моей новой картине, даже сказал, что это Гималаи.

– Даже так! – внимательно посмотрела она на меня. – Это приятная новость, что есть ещё эксперты. Он мне ничего об этом не говорил.

– Я по природе скромн, – ответил я.

– Я это поняла, – уголки губ изобразили улыбку, но глаза остались спокойными и изучающими.

В этот вечер Диего познакомил меня со многими своими гостями, среди них были военные, сотрудники правительства, иностранцы. Я общался со всеми, а Диего рассказывал о моём заключении по картине. Это привлекало внимание и в итоге, я был приглашён в некоторые дома для консультаций.

К вечеру Лаура снова подошла ко мне: – Знакомство состоялось?

– Думаю, что да.

– Тогда обрати внимание на мужчину, что в светлом костюме, возле вазы с цветами.

– Важная персона?

– Он занимает большой пост в СИДЕ. Он уже не так мо-

лод, но еще крепок. Старая боевая лошадь, доброе сердце, можно сказать золотое, но упрямяно глубоко и надежно. Ты с ним познакомился?

– Да, но надеюсь, мне не пригодится знакомство с ним.

– Кто знает. Подобное знакомство может позволить избежать неприятностей.

– Надо их не создавать или в них не попадать.

– Не думаю, что ты настолько наивен, чтобы самому верить в сказанное. Неприятности относятся всегда к свежему продукту, как и трудности, их не предугадаешь. А ты с кем здесь?

– Меня пригласил Густаво.

– Тогда всё ясно.

– Но мне не ясно, как здесь оказалась ты. Чем занимаешься?

– Я работаю и этого достаточно. Зачем тебе это?

– И то верно.

– Жан, мы обратно едем вместе? – услышал я голос Густаво.

– Конечно. Извини, – обратился я к Лауре, – но нам пора.

– Снова до случайной встречи?

– Почему бы и нет, но вот, возьми, звони, если я на месте, – и протянул ей визитку с номером домашнего телефона.

– А если тебя не будет?

– Тогда надо искать.

– Это не так трудно, как ты думаешь.

– Надеюсь, – ответил я многозначительно.

Я отвез Густаво, поблагодарил его за то, что он помог мне познакомиться с такими людьми и вернулся домой. Начало положено. Приглашения, что я получил, могли быть полезны.

Утром я известил Андре и Симону, что собираюсь на Север страны, побывать в деревнях.

– Надолго?

– Думаю дня на два.

Потом я позвонил Мартину и попросил о содействии, он не отказал, а также Матиасу, который сказал к кому мне подойти, а он позвонит туда.

Вечером того же дня, я собрал небольшую сумку, в которую положил смену белья, бутылку воды, взял чековую книжку и наличные, карточку предпочел оставить дома и рано утром выехал по трассе четырнадцать на север страны. Дорога не была сильно загружена, машина, тихо урча, несла меня вперед. Ехал я спокойно, так как местная полиция любила устраивать засады на нарушителей, задерживаться с ними на обсуждение правил дорожного движения, не хотелось, а путь был не близкий.

Мартин встретил меня в Посадос – столице провинции Мисьонес, когда я туда добрался, день близился к закату. Мы вместе поужинали, и пока сидели за столом, он поинтересовался:

– Куда думаешь направиться?

– Дальше на север.

– Темнишь.

– Нет, я по рекомендации одного из искусствоведа встречаюсь с местным сотрудником культуры, а там посмотрим.

– Если тебя интересует искусство, то ищи его в деревнях района Сан-Педро. Там густые леса и много, что можно найти. Я так думаю... – сказал он многозначительно.

– Ты это к чему? – поняв его, решил я все-таки уточнить.

– Так к слову.

– Тогда ладно.

Пока мы ужинали, в ресторан вошёл мужчина, окинул взглядом зал и сел так, чтобы видеть вход. Я отметил его профессиональный взгляд. Этот присмотр мне пока не мешал

Переночевав в гостинице, я рано утром встретился с деятелем культуры, он подсказал мне, где и что можно посмотреть, как разговаривать, и сколько это стоит, если надумаю, что купить. Он также показал мне на карте деревни, где можно побывать. Когда я выходил со встречи, то в припаркованной рядом машине сидел вчерашний знакомый из ресторана. Он сопровождал меня до выезда из города, и отстал. Штат в небольшом городке не велик, но присмотр нужен, это я понимал.

Не доехав до городка Сан-Педро, я свернул на ничем не примечательную асфальтовую дорогу. Пока я по ней ехал, с интересом рассматривал окружающую местность. Провин-

ция была покрыта холмами и горами, на которых росли тропические и смешанные леса. Влажность в этом районе, при наличии высокой температуры, была высока, не редки ливни, и от влажности тело быстро стало липким. За день я побывал в нескольких деревнях, где беседовал с местными жителями, иногда с трудом понимая, что они говорят. Их наречие отличалось от того, на котором разговаривали в столице. Здесь был иной уклад жизни. Жители так редко видели чужаков, что с удовольствием показывали, свои поделки. Я почти ничего не покупал, так мелочи для сувениров, а только присматривался, но между делом интересовался, есть ли где ещё деревни рядом, какие-то объекты, где я мог что-то ещё посмотреть. Сельские жители были добродушны и рассказывали много. В одной из деревень мне сообщили, что если проехать дальше, то там есть глухая деревня, но жители живут как-то обособленно, к ним надо свернуть направо по лесной дороге. Также поведали мне, что через их деревню проезжают иногда машины с людьми в форме, а куда дальше они не интересовались.

– Мы не любим ходить далеко в лес, – пояснил мне один пожилой индеец.

– Почему?

– Чужие люди, зачем нам проблемы. Плохие люди.

– Откуда знаете?

– Чувствую.

Я поблагодарил его и поехал дальше. Отъехав километров

пять, я, по ходу движения, справа увидел узкую лесную дорожку, которая вводила в лес, притормозив, свернул на неё. После дождя дорога была ещё в лужах, но солнце, даже сквозь густые кроны деревьев, уже начало подсушивать красную глиняную ленту земли. Дорога была узкой, деревья подступали почти вплотную и, проехав километров шесть, я стал подумывать, что пора возвращаться, но развилки не было, а развернуться не представлялось возможным. Была полянка, но осталась сзади километрах в трех. Надо было вернуться, но только потом я понял, что мои приключения начались не в Париже, а этом глухом лесу.

10

Я петлял среди леса и понял, что заблудился. Старенькая машина натужно ревела на поворотах. Мысленно проклинал себя, за нерешительность, что надо было давно развернуться; ночевать в лесу не хотелось, а сумерки в лесу уже начали сгущаться. Осознав бесполезность и глупость дальнейшего передвижения вперед, я решил, что как только дорога станет по шире, совершить разворот. Найти то, что мне надо ночью – гиблое дело. Радовало то, что дорога не смотря, на глухомань на удивление была ровной, и земля была хорошо утрамбована. Видны были следы от шин. Видимо неосознанно я поддался искушению, что раз есть следы, то дорога приведет к людям. И привела.

Совершенно неожиданно за поворотом, поперек дороги лежало бревно. Я резко затормозил и машину занесло. Она боком сползла на обочину и остановилась на примятой траве. Искушение узнать, что там дальше было велико, и я знал, что лучший способ преодолеть искушение – поддаться ему. Но черта с два! Там могло быть что угодно. Я сидел в машине и осматривался, бревна, поперек дороги, просто так не лежат. Я услышал звук шагов, перекрывший шелест листвы, который через открытое окно заставил меня взглянуть в зеркало заднего вида. Трое мужчин в защитной одежде стояли позади машины, у каждого был в руках автомат. Чуть выждав, двое обошли машину с обеих сторон, а один остался стоять позади. Тот, что подошел с моей стороны, произнес:

– Двигатель! Выключи двигатель!

Я выполнил его просьбу, и сразу наступила почти полная тишина.

– Выходи из машины, – приказал он.

Я, молча, открыл дверь и вышел из машины. Стоящий сзади подошёл и осмотрел салон, а затем обратился к напарнику:

– Джино, обыщи его, – а сам чуть отошёл в сторону.

Мне ничего не оставалось делать, как подчиниться. Это только в кино всё делается легко и быстро, что можно расправиться с незнакомцами с автоматами, а в реальной жизни всё не так просто. В зоне моей досягаемости находился лишь Джино, а он предварительно закинул автомат за спи-

ну, чтобы исключить вероятности мне дотянуться до курка. Тот, что отдавал приказы, сам отошел и наблюдал за обыском, а другой вообще стоял по ту стороны машины, так что получить пулю я мог в любой момент. Хоть у меня была и не плохая реакция, но не до такой, же степени, чтобы увернуться от пули на расстоянии двух метров, и когда автомат уже направлен в грудь.

Ребята были умелые. Джино профессионально провел обыск, достал паспорт и протянул, видимо старшему, а сам, отошёл и перебросил автомат на грудь.

– Что ты здесь делаешь? – спросил старший, посмотрев документы.

– Заблудился.

– Заблудился!?! – криво усмехнулся он. – А табличку, что была по дороге, видел, что въезд запрещён?

– Так я никуда ещё и не въехал, да и смеркается уже, что там разберешь. Хотел быстрее приехать, рассчитывая, что дорога приведёт к жилью.

– Она и привела. Твой маршрут заканчивается здесь. Рамиро, – обратился он к стоящему по другую сторону машины, – садись и езжай, а мы пешком пройдемся за тобой следом до базы.

Рамиро проворно сел в машину, а Джино отодвинул бревно, и, дождавшись, когда машина проедет, положил его обратно.

– Пошли, – сказал старший, и кивнул мне на дорогу.

Я понимал, что попал на закрытую территорию и сомнения, что мне отсюда просто так не выбраться прочно поселились в моей голове. Солнце уже почти зашло, и его последние лучи ещё пробиваясь сквозь кроны деревьев, слабо освещали дорогу. Шли мы не долго, минут пять, и вскоре вышли к небольшому комплексу зданий, огороженному забором. Меня провели ко второму от ворот дому. В сгущавшихся сумерках я смог увидеть, что это какая-то база подготовки. Мы вошли в коридор, который освещался слабой лампочкой, а по левую сторону была дверь. В комнате, что мы вошли, за столом сидел мужчина тоже в защитной полевой одежде, лет сорока, с небольшими усами, и плешивой головой. Он не был толст, а скорее даже строен. Он откинулся на спинку кресла и принялся сверлить меня тусклыми глазами. Под потолком гудела лампа, а из небольшого кондиционера едва чувствовалось дуновение ветерка. Я взглянул за окно, где уже наступила ночь. Здесь рассвет и закат, как вспышка, приходят и уходят быстро.

Мужчина посмотрел на меня, сопровождающий протянул мои документы, тот взял и промолвил:

– Не люблю не званых гостей, – и вцепился в меня взглядом.

– Согласен, – подтвердил я его мнение, – но так случилось.

– То, что случилось, не доставит тебе удовольствия. Мы чужих не любим. Как ты оказался здесь? Почти ночью?

– Я хотел посмотреть резьбу по дереву в одном из селений

для своего салона.

– Салона? И где он твой салон?

– Во Франции. Я занимаюсь искусством. Приехал в Латинскую Америку изучать и подбирать произведения искусства.

– Ты думаешь, я этому поверю? Здесь в глуши? Искусство? Здесь нужно всего одно искусство – выживать, – и он взглянул на меня. – Ты думаешь, ты это умеешь? Надо проверить, – и он взглянул на стоящего рядом. В тот же момент я получил сильный удар по почкам. Боль пронзила тело, и я чуть согнулся.

– Не перестарайся, – сказал плешивый. – Ему надо еще что-то придумать для нас, чтобы вставить в свой рассказ.

Несмотря на боль, я лихорадочно искал варианты выхода из ситуации. Ясно, что церемониться они со мной не будут, но подождут. Мне стало легче. Теперь я был подготовлен к неожиданностям, но показывать вида, что мне не больно, не мог. Снижение болевого порога достигается либо лекарствами, либо тренировками расслабления мышц в нужный момент.

– Значит, так. Это было так, предупреждение, чтобы ты понял, что говорить надо правду. Шутить я люблю в компании друзей, но не здесь и не сейчас. Так что думай. Я сегодня не расположен к беседе. Отведи его, – обратился он, – а завтра поговорим. Обращаться ко мне – господин Дуарте.

Меня вывели из дома и отвели в рядом стоящий бетонный

сарай, где и заперли.

Помещение было с маленьким окном под потолком. В углу валялся старый матрац. Стены толстые и охраны никакой приставлено не было. Я лег на матрац и задумался. Ситуация была не из лучших. Надо думать, как действовать хладнокровно, спокойно, не торопясь, иначе мне отсюда не выбраться. Я не знал, какие планы у них относительно меня, и лишь на другой день понял, когда проснулся, задремав под утро.

Утром ко мне зашли и, дав поесть, отвели в здание, где располагался спортзал. В зале было два «курсанта». Я понял, для чего я им стал нужен, из меня захотели сделать «куклу», для отработки приемов. Это была база подготовки нелегальных боевиков, а также видимо использовалась как перевалочный пункт по контрабанде.

– Я тут поразмышлял, – сообщил мне Дуарте, который тоже вошел в зал, – и решил, что ты можешь принести пользу. Если выдержишь пять дней – отпущу, нет, значит, нет. Твоя задача проста – выстоять против моих ребят. Сегодня ты занимаешься с ними, – и он указал на стоящих крепких парней. В углу на стуле сидел не молодой худой мужчина.

Теперь я убедился в своих выводах, на мне должны отрабатывать удары и приемы. Снисхождения не будет, это не учебный бой. Я – «кукла». Отвечать будет надо, но не в полную силу, иначе какой я искусствовед, хотя было ясно, что никто меня отсюда не отпустит. «Куклы» должны молчать,

поэтому их забивают до смерти. Умирать в мои планы не входило. В некоторых странах в «куклы» определяют уголовников. Сколько смогу продержаться? Надо хотя бы день, пока еще есть силы. Противники у меня были крепкие парни лет двадцати пяти.

– Вот вам партнер, – сказал им Дуарте. – Он поможет усвоить уроки борьбы.

– И во что мне это обойдется? – поинтересовался я. – В возможное уродство?

– В жизнь. Даром у нас только смерть, – и засмеялся.

В сложившейся ситуации я мог лишь обеспечить снижение болевого порога и, изображать попытки любителя уходить от ударов. А дальше я знал, что делать.

И началось. Я, как мог, уходил от ударов, бросков, но по лицу удары не наносились. Я бы мог их блокировать и просто убить одним ударом, надо знать, куда бить, а я знал, но не сейчас. Меня же здесь и пристрелят зрители, в лице Дуарте. Когда я уже поднимался с трудом, подошёл мужчина, до этого тихо сидевший в зале в углу, маленький и щуплый. Это был местный врач. Он осмотрел меня.

– Пусть отдохнет, – предложил он, – поестъ дайте. Сейчас час отдыха, потом обед, потом ещё час на отдых и можете продолжать.

– Как скажешь, док, – согласился Дуарте. – Выполняйте.

Мои спарринг-партнеры отвели меня в камеру, по пути, обсуждая технику борьбы. Нам никто не встретился на пути.

Я шёл медленно, чуть приволакивая ноги. Едва вошёл, как упал на матрац и закрыл глаза, изображая сон. Дверь заперли. Мысли проносились в голове в поисках выхода. Он был один – побег. Я задремал от усталости.

Разбудил меня голос: – Поднимайся. Ешь, – и я, открыв глаза, увидел одного из «курсантов», что были в зале. Он поставил на пол миску и кружку, а затем вышел. Кормили меня хорошо: кукурузная каша с большими кусками мяса, в кружке чай. Ел я медленно, давая возможность пище перевариться, чтобы потом не стало плохо во время борьбы. Я снова задремал. Прошел час, как голос снова вывел меня из сна. Снова отвели спортзал. Все повторилось вновь: удары, броски. По лицу снова не били. Примерно через час я принял решение, что пора, и после одного из бросков, когда я упал на пол, то потянул за собой «курсанта» и имитировал удар головой об пол, когда он упал на меня. Я замер, притворяясь почти мёртвым, чуть замедлив удары сердца, благо лично меня этому учили. Потерять сознание надо уметь, хотя это относится лишь к тем, кто его вообще имел. Подбежал доктор, пощупал пульс, оттянул веко и посмотрел в глаза.

– Вы что! Куда торопитесь? Он сознание потерял, сотрясение мозга, пульс чуть прослушивается.

– Ну, что делать, если он такой хлипкий, – произнес «курсант»

– Дурак, – услышал я голос Дуарте, приход которого я не заметил, – глаза надо иметь. Я ещё утром заметил, что он

работает искусно, делая попытки ухода от ударов и бросков. Он работал не в полную силу, хотя имитировал хорошо. Вам этого не понять. Думаете, что накачали мышцы и всё? Не всегда сила способна победить опыт. Не прост француз. Что скажешь док? Может он прикидывается?

– Пульс почти не прослушивается. Если он и симулирует, то я такого не встречал, а тебе ли не знать мою практику.

– Это верно. Так что?

– Отнесите его, пусть отдохнет. Есть он, пока, не сможет, будет рвать. Как очнется, пусть поест.

«Недооценил я Дуарте, – думал я про себя, – простоватый вид ввел в заблуждение. Профи. Глаз наметанный. Переиграл я где-то, значит, тем более пора уходить».

– Что стоите, – рявкнул Дуарте. – берите и отнесите в камеру.

Меня подхватили под руки и под ноги и понесли. Я полностью расслабился и превратился в куль.

В камере меня положили на матрац, по звуку я понял, что поставили кружку с водой. Док ещё раз осмотрел меня: – Зайдите к нему вечером, а потом утром. Если что, зовите меня.

Дверь закрылась, оставив меня со своими мыслями. Приходить в себя не было необходимости, я и не выходил из состояния.

Глазка в двери не было, что дало мне возможность пошевелиться, не будучи замеченным. Можно было изображать

паралитика, но это верная смерть, кому нужен нахлебник. Я приводил свои мысли и тело в порядок. Медленно открыл глаза. Лежать вот так, без дела, пусть и немного побитым, доставляло удовольствие. Я расслабил свои избитые в синяках мышцы и снова закрыл глаза. Так пролежал достаточно долго. Вечером зашел охранник, один из тех «курсантов», чуть коснулся меня ногой, я застонал.

– Значит, жив, – изрек он удовлетворенно, – тогда до утра оклемаешься, – и ушёл, оставив миску с едой.

Выждав, когда шаги стихнут, я отпил воды, заглянул в миску, где был мясной бульон. Предстояла не легкая ночь, а значит, питание было необходимо. Я съел всё и ещё немного поспал. Альтернативы у меня не было. Я восстанавливал силы и единственным моим оружием был я сам. Сбежать я хотел утром, когда придут проверять. Ночью в лесу тяжело будет бежать, да и силы восстановить не мешает.

Когда рассвело, мой слух уловил звук поворота ключа. Кто-то вошёл и закрыл за собой дверь. По звуку шагов я понял, что пришёл один.

– Съел! – произнес вошедший радостно, – значит жив. Вставай, что разлегся, – и он пнул меня ногой. Этого я и ждал.

Удар был не сильным, но важно было касание, чтобы знать, где его нога. Я резко повернулся, схватил его за ногу, и, используя её как опору, резко оторвал тело от пола; встав почти на голову, носком ботинка ударил в его лицо. Удар

был сильным и резким. Этого он не ожидал и инстинктивно, в падении, схватился за лицо руками, когда моей ноги уже там не было. Его руки были заняты, и это дало возможность исключить их из защиты. Я перевернулся через голову, так, что упал на него. Мое лицо было у его ног, руками зажал его ногу, быстро откатился, не выпуская ноги из рук, и резко повернул, в ноге хрустнуло, и он с криком перевернулся на живот. Позволить ему кричать я не мог и ударом по шее, заставил замолчать. Он обмяк, как может обмякнуть труп. Я проверил его карманы, оружия при нем не было, а мелочь меня не интересовала.

Приоткрыл дверь и выглянул на улицу, всё было тихо, территория была пуста. Медленно вышел, запер дверь ключом, что торчал снаружи в замочной скважине, вынул его, отбросил в траву, и направился к главному зданию, что не охранялось. В коридоре горела все та же маломощная лампочка, а из-под двери кабинета Дуарте пробивалась полоска света, от окна.

С того момента, как я покинул камеру прошло минуты две. Потолок был не высок и я, достав до лампочки, вывернул ее. Мои движения всё-таки не остались незамеченными. Я находился у двери кабинета Дуарте, из-за которой тоже слышался шум, выжидая, прислушиваясь. Время тянулось невероятно долго, хотя прошло всего несколько секунд, как дверь открылась, и в проёме возникла фигура Дуарте. Увидев меня, он на мгновение замер от неожиданности, но этого

мгновения мне хватило, чтобы нанести ему удар в солнечное сплетение и чуть толкнув, заставить задом ввалиться в кабинет. Чтобы он не упал, я придержал его и вошёл следом, закрыв дверь. Дуарте жадно хватал воздух. Я быстро обыскал его, на наличие оружия, которого при нём не было, а затем прислонил к столу; он почти пришёл в норму. Взгляд его не выражал ужаса или удивления, в нём мелькали искорки бешенства, что он так попался.

– Значит, не показалось мне, что ты не тот, за кого себя выдаешь, – выдавил он из себя.

– Не показалось, – успокоил я его подозрения.

– Надо же мне так расслабиться. Засиделся я на этой даче, нюх потерял.

– Теперь уже поздно его искать. И спать надо по ночам, а не работать и деньги считать до утра, – кивнул я на стол, где лежали бумаги и несколько пачек денег. – Где мои документы?

Он кивнул на сейф в углу комнаты.

– Ключи.

– На столе.

– Хорошо, но для начала скажи. Чем занимается ваша база?

– Догадался, наверное, уже сам.

– Я не люблю догадки, предпочитаю факты, их упрямство. Они, надо полагать в сейфе. Открывай и без глупостей. Вероятность, что там у тебя пистолет велика.

Он взял со стола ключи и открыл сейф, я резко чуть отстранил его, не давая возможности взять, что-либо из него, но оставаясь при этом сзади него. В сейфе были две тонкие папки, маленький мешочек, несколько пачек денег, пистолет отсутствовал, значит, в столе, решил я. Не выпуская его из вида, одной рукой достал папки, мешочек, и положил на стол, но недооценил Дуарте. Он вдруг оттолкнул меня и занес руку для удара, но я сумел его блокировать. Одной рукой отбил удар, а другой схватил карандаш, что лежал на столе и воткнул его ему в ноздрю. Он только чуть вскрикнул от боли. Кричать в таком положении очень неудобно. Воткнул я не очень сильно, но чтобы было чувствительно. В таком положении человека можно водить за собой, как быка за кольцо, и он будет очень послушным, безропотным и безвольным. Глаза Дуарте помутнели от злости и боли.

– Я же предупреждал – без глупостей. Экий, ты не послушный, – и чуть ослабил давление, чтобы ему было легче говорить.

– Кто ты? Отпусти. Можем даже вместе выйти, уедем на моей машине до ближайшего города, а там ты свободен.

– Я и так свободен.

– Тебе одному отсюда не выбраться без машины.

– Это я еще подумаю. Но беда в том, что ты меня видел, а у тебя хорошая память.

– Тебя видели и другие.

– Верно, но те, кто привел – местные, я им без надобности,

охранник – уже ничего не скажет. Доктор тоже будет здесь сидеть тихо. Риск быть узнанным есть, как без него, но что делать, это работа. Ты вот совсем другое дело. Ты профи.

– Зачем французу... , чеёрт, какой ты француз я не знаю, но ты не полез бы. Французам мы не интересны. Значит...

Он не успел договорить, как я его опередил: – Ты правильно думаешь, но я тот, кто не любит, чтобы его знали люди типа тебя.

Я, молча, смотрел на него. Он все понял.

– Значит...

– Да, Дуарте, да – и резко отпустив карандаш, схватил его за голову и повернул, позвонки хрустнули. Обычно это делают сзади, но у меня не было времени просить его повернуться ко мне спиной. Руки, молча, сделали свое дело из разряда «тихое убийство». Придерживая его за голову, я медленно опустил тело на пол.

Быстро достал из сейфа свой паспорт, и бегло просмотрев документы, вырвал их из папок и положил в карман. Деньги трогать не стал, не мои они, и кому платить в лесу? А в городе разберусь с документами. Заглянул в мешочек, догадываясь, что там. В слабом свете, блеск алмазов ударил мне лучами в глаза. Что они контрабандные не было сомнений. Оставив мешочек на столе, осторожно выглянул за дверь и, пройдя по коридору, выглянул на улицу. Тихо выскользнул за дверь и, пробежав до первого здания, скорчился во влажной траве. Залаяла собака, и не так далеко, чтобы не обра-

щать на нее внимания. Тихо обошел дом и, подбежав к забору, ухватился за него и рывком бросив свое тело вверх, перемахнул забор, чуть зацепив и порвав брюки. Сзади раздались крики и снова собачий лай. Видимо обнаружили тело.

Теперь оставалось полагаться на свои ноги. Пистолет я в столе в спешке не посмотрел, поэтому моей защитой были ноги. Бежал я быстро, но не как обычно бегают. Всему меня учили, даже правильно ходить и бегать. Шаг мой был размеренный. Я словно перекачивался с наружной стороны пятки на большой палец ноги. Походка от этого казалась расхлябанной, но зато позволяла идти или бежать легко и долго, не задыхаясь. Так можно пройти десятки километров, а не запыхаться через один, два.

Через полчаса я услышал сзади себя лай собаки, которая нагоняла меня. Соперничать с ней в скорости я не собирался. Оглянулся и увидел, что она меня почти нагоняет большими прыжками. Уйти не было никакой возможности. Собака была одна, охрана отпустила ее по моему следу.

Я остановился, дожидаясь ее приближения, и когда она была совсем рядом, упал на спину.

11

Всё это в прошлом, а теперь я лежу в комнате казармы на базе американцев. Мои воспоминания, приведшие меня сюда, закончились. Ночь. За окном тишина, которую, казалось

бы, ничто не нарушает, но всё это обманчиво. Тишина никогда не бывает абсолютной, она складывается из крошечных звуков, вот и сейчас, её нарушают скрипы, шорохи.

Я лежу с закрытыми глазами. Лампочка, хоть не так ярка, и поначалу мешала спать, но нагрузка предыдущих дней давила на веки, и я уснул.

Проснулся, когда за окном уже всюду светило солнце, раздавались звуки моторов, голоса. Посмотреть, что там происходит, было сложно, окно располагалось высоко, а кровать и стол были привинчены к полу.

Лампочка погасла и комната погрузилась в легкие сумерки, но света было достаточно, чтобы видеть. Ключ в замке повернулся, и в открывшуюся дверь вошёл рослый солдат. Он, молча, поставил тарелку и кружку, а затем ушёл. Это очень вовремя, принести поесть, так как желудок уже начал сигнализировать о своей пустоте легким недовольным урчанием. В тарелке были макароны с сыром, которые я не спеша съел, понимая, что спешить некуда, раз меня не предупредили об этом. В кружке был кофе, но по вкусу далек от того, чтобы им называться, ну, да выбора у меня не было. Через час снова зашел, тот же солдат:

– Пошли, – не вдаваясь в подробности, произнёс он. Он был явно не многословен. Я не заставил себя уговаривать, а тем более спрашивать куда идти, здесь меня мог принять только один человек, и то без желания.

– А умыться? – поинтересовался я. – А в туалет?

– Пошли, – повторил солдат, и я вышел за ним, оставив посуду в комнате. По пути мне позволили сходить в туалет, умыться, и мы вышли на территорию.

Солнце заливало своим зноем открытые места, а именно там, сейчас стояло человек пятьдесят солдат, а сержант им что-то выговаривал, но что именно я не слышал. Дорога была та же, что и вчера, но в обратном направлении к кабинету майора.

– Присаживайтесь. Кофе, – предложил он мне

– Если такой же, как и на завтрак, то лучше не надо.

– Нормальный, – он подошел к столику, взял стеклянный кувшин, в котором была тёмно-коричневая жидкость, налил в бумажный стакан и протянул мне. Я с удовольствием сделал глоток настоящего сваренного кофе, хоть чуть-чуть и остывшего.

– Я сделал запрос о вас, пока там разберутся, пройдёт время, но у меня есть вопросы, на которые я хотел бы получить правдивые ответы.

– А вы сумеете их проверить?

– Зависит от того, будут ли они мне интересны. Итак. Умеете ли вы читать карты?

– Если бы речь шла об игральных, то ответ был бы положительным, но полагаю, вас интересуют другие.

Он, не отвечая на мой глупый ответ, которым я решил проверить его настроение, молча, достал из стола армейскую карту и разложил на столе.

– Мои солдаты подобрали вас вот здесь, – и он карандашом показал место на светло-коричневой ленте, что означала дорогу. – Попробуйте отследить свой маршрут в обратную сторону.

– Что значит, подобрали, я сам к ним вышел, – возразил я, встал со стула, и немного наклонившись над картой, стал её изучать. Моя тренированная память пыталась её запомнить. Я сразу определил место, где находился сейчас, сам же делал вид, что пытаюсь её понять.

– А какой масштаб?

– Здесь европейский. В одном сантиметре один километр, – пояснил майор.

Я тут же прикинул, что от этой базы до ближайшего населенного пункта километров десять. По другие стороны от базы дороги не было, значит, путь к ней один, если не считать лесных троп, которые мне были неизвестны.

– Я вышел на дорогу, где встретился с вашими солдатами вот с этой дороги, – и указал на место, где вышел из леса. – Я всё время шёл на запад, – рассуждал я вслух, – шёл почти весь день, иногда отдыхал, и прошёл, думаю, километров двадцать.

– Не преувеличиваете? – услышал я над собой его голос, и, подняв голову, увидел его внимательный взгляд.

– Всё может быть.

– А точно на запад?

– Солнце было передо мной.

– Так не бывает. Если вы пошли утром, то сначала оно было у вас за спиной, к тому же одна нога всегда делает шаг больше, так что легко можно идти не по прямой.

– Вы правы. Не знаю, как по поводу шага, но солнце было сначала за спиной, а потом передо мной, также учитывал, что с южной стороны лишайник и ветки на деревьях гуще. Но ясно, что строго по прямой идти не мог.

– Не плохо для журналиста.

– Я учился в школе, и мы ходили в походы с ночевкой.

– И что до сих пор ходите, раз так хорошо помните приемы?

– Помню. Итак, примерно двадцать километров на восток, затем на север, километра два. Получается, – я взял со стола линейку отмерил двадцать сантиметров по карте на восток, и два сантиметра на север. – Примерно здесь, – ткнул я пальцем в место, где не было обозначено никакого населенного пункта, а лишь лес.

– Понятно. Лес и ничего.

– Это ваша карта, если я возьму обычную, то думаю, что ваша база на ней тоже не будет отмечена.

– Хорошо, а откуда вы приехали к тому месту?

Я стал просматривать карту и увидел знакомое название.

– Вот. Я приехал отсюда.

– Дороги к месту, где вас встретили, нет.

– Но это по вашей карте, – возразил я, – а мало ли в лесу неизвестных дорог.

Майор еще раз посмотрел на карту, свернул её и убрал в стол.

– Хорошо, сейчас вам дадут бумагу, ручку, напишите, всё, что говорили.

– Не выйдет. Я журналист и знаю силу печатного и рукописного слова. Если вы записываете наш разговор – ваше дело. Я благодарен вам за помощь, но писать не буду. Написанное имеет силу документа. Я не знаю, чем это в последствии обернется для меня, и зачем это вам.

– Чтобы проверить ваши слова.

– Я не знаю, что за гипотезу вы пытаетесь раскрутить, пока она не примет реальные очертания, но она может и лопнуть, а бумага останется. Я не могу себе позволить жить вашими гипотезами обо мне. Запрос отправлен, и вам ответят, кто я. Надеюсь, я не заключенный?

– Нет, но подозрительно встретить гражданского человека в глухом лесу.

– Если бы я не хотел, то мог бы и не выходить к вашим солдатам.

– Это меня тоже интересует. Почему?

– Я хотел есть. А если серьёзно, то здесь нет войны и вы не враги, поэтому рассчитывал на помощь.

– Это, смотря, что понимать под словом «война». Она есть везде и всегда – философски изрек он. – Вам, как и говорил, придётся ещё задержаться у нас.

– А можно получить газеты, посмотреть телевизор, раз-

мать ноги?

– Не все сразу, – усмехнулся он. – Вы для нас пока ещё подозрительный тип, – и позвал солдата из коридора.

– Отведи под душ, дай другую одежду. Надеюсь, вам не очень дороги эти обноски, – указал он на порванные брюки.

– Да забирайте, если хотите, – великодушно ответил я.

Меня отвели под душ, выдали легкие хлопчатобумажные брюки, футболку, куртку. Ботинки оставили мои. Затем отвели назад в комнату, и вскоре принесли газеты, правда, двухдневной давности.

Оставшись один, я пролистал газеты, ясно, что в эти дни ничего не могло быть такого, что я не знал. Понятно, что меня, возможно, хватились и ищут. Стоп. А это надо будет сказать майору. Я уже несколько дней не даю о себе знать и должен был выйти на связь и вернуться. Сразу на поиски не бросятся, но в полицию заявят, хотя она не полезет в лес меня искать, а то, что меня видели в поселке, так уехал и сгинул. В лесах много кто может встретиться. Я мог нарваться на тех, кто не хотел, чтобы их видели. Лес он и есть лес. Мне ничего не оставалось делать, как ждать

Я начал снова читать газеты, но более внимательно, чтобы занять себя, а потом заснул.

Майор встретил меня достаточно спокойно, несколько, даже равнодушно, но в этом спокойствии я почувствовал напряженность. Он любезно предложил мне кофе, и когда

условности были соблюдены, поведал:

– Мы навели о вас справки. Сделали запрос по инстанциям в штаб, а те далее в разные страны. Интересные факты выяснились. В отдельных случаях нами, или нашими партнерами, намечались операции, но непостижимым образом они иногда срывались или шли не по плану. Трудно было понять почему, но чувствовалось, что появлялся некто неизвестный, а после исчезал. Всё проходило аккуратно, но эффективно, – и замолчал, глядя на меня.

Я, сделав заинтересованное лицо, молчал. Он не дожидаясь проявления моего интереса, облаченного в слова, спросил:

– Вам не кажется это странным?

– Я о таких вещах не задумываюсь. Если вы ждёте комментариев, то напрасно. Откуда я знаю, что и где вы делаете? Мне интересно знать об операциях спецслужб. Всё что скрыто интересно, но и только. Я не любопытен. Как понимаю, вы подозреваете меня?

– До этого ещё не дошло.

– Тогда зачем весь этот рассказ о мифическом человеке?

– Для общего развития, что странные случайности возможны даже в лесу.

Я понимал, что он блефует, понятно, что навели справки, но увязать меня с операциями они явно не могли, а так, выстрел на удачу. Майор продолжал: – Ещё она тонкость. Этому человеку сопутствует удача. Случайно ли это?

– Удача не бывает случайной. Чтобы быть удачливым надо много работать.

– Как вы?

– Я не трудоголик, и, к сожалению, не всегда удачлив, – развеял я его сомнения.

– Я бы так не сказал.

– Почему?

– Попасть в лесу в руки тайной базы и уйти оттуда – разве это не удача?

– Мне не известно, тайная ли это база. Это ваши выводы, не мои. Всё остальное – это смекалка, умение оценивать ситуацию и правильно её использовать.

– А вас не интересует, почему я вам об этом говорю?

– Рассчитываю, что будет продолжение.

– В местах, где были сложности в проведении операций, появлялись вы.

– И что тайно появлялся и исчезал?

– Нет, просто уезжали. Но вывод напрашивается сам собой, при том, как, ни странно единственный.

– Вы военный человек и понимаете, что это частное доказательство, которому нельзя доверять, а уж тем более делать единственный вывод. Где я, там у вас проблемы.

– Послушайте, Марше, или кто вы там. Факты, пусть и косвенные, но это факты, а не иллюзии.

– Значит у меня не простая задача, сделать вас партнером по иллюзиям.

– Сомневаюсь, что у вас это получится.

– Вероятность есть, хотя здесь вступает в дело то, что нельзя победить лжецов, говоря им не правду.

– Вот и скажите правду.

– Что я и сделал, сообщив сведения о себе. Не надо ошибки, недоработки сваливать на меня. Мне приятно, что могу помешать коварным планам военных, что говорит о моей исключительности, но вы преувеличиваете мою фигуру.

– Вашей фигурой займутся другие. Я дал вам информацию, чтобы вы могли подумать о том, что даже не случайная удача может привести в тупик. Вы слышите шум винтов? Это за вами, там будете им рассказывать о том, что в тех местах вы оказались случайно, просто так, волею судьбы

Мой слух уловил шум винтов, и я проснулся. Странный был сон, признался я себе. Отложив газету, что лежала на животе, я встал на стол, но он был далековато от окна и я видел лишь дальнюю часть территории. Сняв матрац, я потрогал доски, они не были прикручены к кровати. Вынул одну и положил одним концом на стол, а другим на маленький подоконник. Конструкция была хлипкой. Я вынул остальные и положил их друг на друга, а затем лег и стал двигаться к окну, равномерно распределяя нагрузку, чтобы они не сломались. Добравшись, осмотрелся. Ворота одного из ангаров справа были открыты, и перед ними стояло два вертолета,

винты которых были запущены. В каждый вертолет могло поместиться человек пять. Интересно, не мой ли маршрут проверять полетели?

Вертолеты поднялись и исчезли за кромками деревьев. Я осторожно спустился и все вернул в первоначальный вид. События развивались, и я думаю, что не ошибся по какому сценарию. Я также не верил, что у них была забота о моей одежде. Они были профессионалы, их сомнения были понятны. Вероятнее всего, её отправят на анализ. Мелкие крошки могут много сказать. Но с этой стороны я был спокоен, всё, что они найдут, всё из леса.

Все эти размышления привели к одной грустной мысли, что отсюда я так быстро не уеду, как мне хотелось бы. Чтобы занять время, я тренировал память, восстанавливая карту, и сведения из бумаг, что захватил с собой.

Через час, я снова услышал шум винтов. Вертолеты возвращались. Смотреть на их прибытие не было смысла, если что интересное, то позовут. Ещё через час за мной пришли, но когда я по привычке свернул к дому майора. То меня остановили:

– Не туда, – и сопровождающий указал мне на дом стоящий, позади здания, где находился кабинет майора. Мы вошли в столовую, которая была пуста, свернули в левую дверь и оказались в комнате, где было несколько столов, за одним из которых сидел майор.

«Офицерская столовая», – понял я.

– Проходите, присаживайтесь, – предложил майор. Сопровождающий вышел. Стол был уже сервирован, и мы приступили к обеду. После салата, я спросил:

– Я слышал шум винтов. У вас есть вертолеты?

– У нас много что есть. Но вы правы, вертолеты вылетали, и надо сказать вы достаточно точно указали место вашего пленения. Там действительно есть база среди леса.

– Это плохо?

– Это подозрительно, что вы так точно указали место.

– Я журналист и должен уметь подмечать тонкости.

– Да вы не только журналист – заявил он, отправляя кусок мяса в рот.

– Что вы имеете в виду?

– То, что сказал, журналист вы временный.

– Быстро работаете.

– А как иначе! Позвонили, запросили, получили ответ.

– Я хотел спросить, меня, что не ищут?

– Уже забеспокоились. У нас нет телефонной связи, что я могу вам предоставить, а свою не могу. Но мы проинформировали, что вы живы и здоровы и скоро вернетесь.

– Вскоре это когда? Раз всё в порядке, значит, могу ехать?

– Вам придется пожить у нас. На машине не получится.

Погостите.

– В запертой камере? – с иронией спросил я.

– Вам выделяют комнату, но без права выхода на территорию. Вы с этим согласны?

Я отодвинул тарелку и провел рукой по щеке, на которой уже была щетина.

– И бритву вам дадут, – заметил он.

– Вот за это спасибо. Но мне выбирать не из чего. Буду ждать. А что вы подразумевали, говоря временный журналист? – любопытствовал я.

– Ничего особенного, кроме того, что вы занимаетесь искусством. Мы ошиблись?

– Нет, всё верно. Думаю мое руководство не в восторге от того, что я пропал.

– Это вы разберетесь между собой.

После кофе, я в сопровождении солдата прошёл в дом, что был не далеко от въезда. Видимо он предназначался для гостей. В нём было несколько входов. Мне досталась небольшая, но уютная комната: стол, кровать, на которой свежие простыни, на окнах жалюзи, кондиционер, платяной шкаф, а в углу стоял маленький телевизор. Когда я остался один, то принял душ и побрился. Приведя своё лицо в порядок, включил телевизор, где была только одна местная программа, но и это был глоток цивилизации, что было приятно.

Так я провел ещё два дня в гостях. Я завтракал, обедал и ужинал с майором. Но на этом наше общение заканчивалось. Я не спрашивал, когда смогу покинуть его, зная ответ. Все эти дни я не испытывал тревоги, я был в ожидании развития событий. То, что обнаружили базу, не говорило, что она была им не знакома. Но даже если и не так, то моё пребывание

здесь было свидетельством того, что проверяют, что это за база, и пока не будет им понятно, я останусь здесь. Я мог видеть, что не должен был видеть.

Наши беседы за столом с виду были просты и даже светски, мы обсуждали всё, что взбрeдёт в голову. Майор интересовался моей жизнью, много ли я повидал. Когда он этим поинтересовался, я ответил:

– Не могу похвастаться, что видел всё, но многое. У меня была возможность побывать во многих местах. Как, впрочем, и у вас.

– Если вы имеете в виду мое пребывание здесь, то я выполняю приказ, да и курортом это не назовешь.

– Зато за казённый счет.

– Я бы предпочел отдых на океане, а не в лесу... У вас много друзей? – сменил он тему. – А врагов?

– Не считал. Друзей много не бывает, думаю врагов больше.

– Что так?

– Невозможно всем нравится, да и не нужно. Я не расстраиваюсь. Даже интересно, когда говорят плохое, я всегда найду, что добавить про себя.

– Самокритика?

– Констатация фактов. Я не хочу терять время на своём пути на злопыхателей. Кто-то сказал «ты никогда не пройдешь, свой путь до конца, если будешь останавливаться, чтобы бросить камень в каждую тявкающую собаку».

Майор усмехнулся: – Это мне очень знакомо.

– Кому, как вам военным, не знать это, находясь на чужой территории. Вас не встречали здесь с цветами.

– Я не люблю цветы, предпочитаю виски. Если вы интересуетесь, зачем мы здесь и что делаем, то почитайте прессу, там ваши коллеги пишут много с разных точек зрения.

– Хотелось бы иметь свою.

– Так вам никто не мешает. Времени у вас много.

– Я бы не хотел провести здесь остатки дней.

Моя реплика осталась без ответа.

Вот так вот и прошли два дня. На четвертый день моего пребывания, ближе к полудню, я услышал шум винтов вертолета. Из окна моей комнаты не была видна вертолётная площадка, поэтому я вышел на крыльцо, куда выходить запрета не было. Тяжелый армейский вертолет сел около ангара. Лопасты продолжали крутиться, когда из него вышел высокий мужчина в гражданской одежде, и в сопровождении майора, что встречал его, скрылся за домом.

Начальство прибыло или важный человек, – решил я и вернулся в комнату, а через час за мной пришли.

12

Меня вновь проводили в кабинет майора. Там всё было по-прежнему, только у стены в кресле сидел мужчина, которого я видел, выходящим из вертолета. Он был высокого ро-

ста не менее ста восьмидесяти пяти сантиметров, худощав, но широк в плечах. Такой тип мужчин не склонен к полноте, даже если не умерен в еде, но судя по здоровому цвету лица, кревоугодием он не страдал. Лицо чуть квадратное, я бы сказал мужественное, суровое. Верхние веки чуть опущены, что характерно для зрелого возраста. Ему было за пятьдесят. Его серые глаза без особого любопытства рассматривали меня, как объект, о котором всё известно, но требуется уточнить детали визуально.

– Здравствуйте, – вежливо поздоровался я, и без приглашения позволил себе сесть на стул, возле стола майора, лицом к незнакомцу. Майор наблюдал за моими передвижениями, молча.

– Здравствуйте, – ответил незнакомец. – Меня зовут Джеймс. Кто вы я знаю. Я прилетел сюда за вами, но прежде чем мы отправимся в столицу, я хотел бы с вами немного поговорить. Надеюсь, вы не против?

– Можно подумать, что это зависит от меня, но я не против, и надеюсь, что наш разговор не ограничит мою свободу и я действительно смогу уехать.

– При любом варианте мы улетим оба. Это просто возможность поговорить с вами в спокойной обстановке.

– А вы считаете, что в столице она не спокойная? Но я слушаю.

– Итак, – Джеймс взглянул поверх моей головы, словно на стене позади меня было написано, что он должен сказать. –

Вы попали сюда выйдя из леса, уходя от погони. Подчиненные майора проверили информацию, что вы предоставили, о месте вашего пленения, а мы проверили: кто там и зачем находится. Нам потребовалось время на проверку, что и послужило причиной вашей задержки здесь... – он сделал паузу. – Но выяснились очень любопытные факты. Кто там, на базе, это отдельная тема и мы не будем её поднимать. Нас заинтересовали вы, – и он снова сделал паузу, чем я не преминул воспользоваться.

– Кого это вас?

– Если вы ещё не догадались, во что я не верю, то мы это служба США, а какая столь ли важно. Так вот. После посещения вами той базы, там остались пять трупов, вернее шесть, если считать и собаку. Не плохо для журналиста и любителя искусства. Почерк не любителя.

– Давайте уточним. На базе пять трупов?

– Согласен, на базе два и еще три в лесу, как и собака. Так что по поводу любителя искусства?

– Одно не мешает другому? Быть журналистом и спасти свою жизнь это разумно. Но кто вам сказал, что эти трупы моих рук дело, и что они остались после меня? Я не знаю, что там происходило, сейчас всё можно списать на меня. Да, я действительно убегал, завладел автоматом. Но зачем приписывать мне убийства стольких людей? Есть свидетели?

– Ясное дело, что прямых свидетелей нет. Да и судить вас никто не собирается, как и передавать в руки правосудия.

– Ну, вот видите!

– Но почерк профессионала, – подчеркнул он.

– Я не графолог, чтобы изучать почерк. Каждый в чём-то хочет быть профессионалом.

– Похвальное пожелание, но что нам другие. Мы говорим о вас. Характер убийств говорит о многом.

– Надо полагать, там написано обо мне, – съязвил я. – И кто-то на последнем издыхании вывел мое имя кровью на земле.

– Ну, зачем же так. Нет, конечно. А вот вы, как журналист, как бы описали то, что вам приписывают, и что случилось с вами на базе?

Я перевёл взгляд на стену, а затем снова на Джеймса.

– Некто, не умышленно попадает на базу, где проворачиваются тёмные дела, возможно контрабанда, подготовка террористов. Он видит то, что не должен видеть и понимает, что если не предпримет попытки убежать, то будет убит. Любая попытка, это вероятность выжить и он принимает решение. В подходящий момент он оглушил вошедшего охранника и выскользнул из камеры. Утро было раннее, и его никто сразу не заметил. Когда он подобрался к забору, то понял, что обнаружен. Перелез через ограду и бросился бежать. Видя, что могут догнать, залез на дерево, рассчитывая, что преследователи не смогут его там найти. Преследователи остановились под деревом, где он сидел. Между ними возникла ссора, и один убил других. Прячущийся, понимает, что может быть

обнаружен и также убит. Пользуясь моментом, он прыгает с дерева, оглушает стоящего под деревом, забирает автомат и убегает.

– Красиво, но не очень правдоподобно.

Я пожал плечами, показывая, что хотите, верьте, хотите, нет.

– Есть некоторые детали, – произнес Джеймс, так, как будто делал одолжение. – У охранника, сломан шейный позвонок. Начальнику свернули шею, у того, что без автомата тоже свёрнута шея. Двое других убиты, что верно из автомата третьего. У собаки прострелена голова, но что удивительно, у неё вывернут язык. Что здесь можете предложить?

«Ну, что ты мне голову морочишь, – подумал я, – не слишком ли ты подробно всё знаешь. Если по поводу людей, тебе могли рассказать, просто кто-то с базы, но вот что касается собаки, то это только те, кто реально видел её в лесу, а значит, отчет был дан тебе подробный. Стоило потревожить тело собаки и не выяснить по поводу языка. Ладно, – решил я, – Выводы сделаю потом.»

– Обычные разборки среди людей подобного рода, – ответил я невозмутимо. – Охраннику могли свернуть шею, обнаружив его в камере без сознания. Это очень удобно, он не сопротивлялся. Кому-то он не нравился. Начальника, возможно, из-за денег. Я не удивлюсь, если у него хранились деньги или просто кому-то надоел. Двое убиты, как вы сказали из автомата третьего. Что касается другого, то при падении

всякое может случиться. Спортсмены иногда травмируются также. А здесь сильный удар сверху падающего тела, неудачное падение и, как итог, травма не совместимая с жизнью. У кого-то была хорошая возможность свести старые счеты.

– А собака?

– А что собака! Она застрелена. Когда я уходил, вдруг побежала вот и выстрелил. Жаль её, но выбора не было.

– Пусть будет так, хотя её нашли уже мёртвой, и она была с теми с первыми. Как-то не очень правдоподобно. Есть ещё версии?

– Не собираюсь их специально придумывать. Времени для более изящной фантазии, которая понравилась бы вам, у меня нет. Экспромт. Правду я уже рассказывал ранее. Есть ещё вопросы подобного плана?

– Подобного нет, но вот один, не дает покоя. Кто вы?

– Ясно. Вы мне не верите.

– А вы бы себе поверили?

– А что в данной ситуации есть выбор?

– Согласен, выбор не велик. Документы у вас подлинные и вы, в самом деле, журналист, а вот ваше описание побега сильно притянута за уши.

– Какие уши, такой и рассказ.

– Я повторюсь – это почерк профи. Специалиста.

– Слушайте, а если бы я сказал, что прошел специальную подготовку, вы бы поверили?

– Разумно, но тогда я бы спросил, зачем вы к ним попали?

– Ну, вот видите, ответы порождают новые вопросы. И чтобы не запутаться во лжи, которую вы бы хотели от меня услышать, я выдаю вам то, что если кажется бредом, то, как минимум, не провоцирует новых вопросов, а как максимум, вам ли не знать, что порой самое неправдоподобное и есть правда.

Джеймс поднялся из кресла, подошёл к окну и, постояв, повернулся:

– Да, каков бы ни был ваш рассказ проверить или опровергнуть его нет возможности. Здесь вас трудно уличить, свидетелей нет. Знаете, что если бы это были вы, то ваши действия достойны восхищения. Это я, как профессионал, говорю.

– Если бы это был я, то в глубине души был бы польщен, но радости не высказал бы, да и вообще не вышел бы к вашим солдатам, а добрался до населенного пункта и вернулся в столицу. Я всё-таки что-то видел в этом мире и понимаю, что люди, к которым вы меня относите, не любят свидетелей.

– Увы, вы даже не представляете, к какому типу людей я могу вас отнести.

– Наверное, к специальным войскам. Такие подвиги.

– Не совсем так. Они действуют по указанию и более прямолинейно – ликвидировать, уничтожить базу. Здесь была битва за выживаемость и методы борьбы были просто, как самооборона. Если в одном лице, то это более высокий уровень.

– И кто же?

– Агент.

– Ну да. Французский агент проник на территорию базы.

– Почему бы и нет? То, что там могло быть, интересует многие страны.

– И вашу?

– И нашу.

– Ну и как? Интересна вам база, что с моей помощью обнаружили?

– Возможно, но не в ней суть, таких много в мире.

Я не стал привлекать внимание новыми вопросами, но то, что он спрашивал, и каким будничным тоном это сказал, ещё раз заставило меня усомниться в том, что эта база была ему не известна. За эти несколько дней они проверяли меня, потери, утечку информации. Если майор мог быть не в курсе, то сделав обо мне запрос, он запустил механизм и когда запрос дошёл до Джеймса, многие уже знали, что я жив, убрать меня уже было сложно, а случайность – глупо. Пришлось менять правила игры по отношению ко мне. Но не думаю, что оставят меня в покое сразу. Но это всё потом.

– Так вы меня возьмёте с собой? – поинтересовался я.

– Как и сказал, Собирайтесь.

– Нищему собраться только подпоясаться. Всё мое на мне. Разве только документы у майора.

– Верните ему документы, – приказал Джеймс, и обратился ко мне. – Сейчас вас снова проводят к себе, а перед поле-

том пригласят.

Майор достал мой паспорт, протянул мне, а я положил его в нагрудный карман куртки. Через два часа, после того, как я их покинул, за мной пришли, и мы вылетели в Буэнос-Айрес.

Пока летели, Джеймс не задавал вопросов, казалось, он вообще забыл о моем существовании и был погружён в свои мысли, глядя в иллюминатор, а может быть, действительно, просто смотрел. Мне очень хотелось знать, о чем он думает. То, что без внимания он меня не оставит, я не сомневался, но пожалуй, стоило самому предпринять шаги, и дать ему повод для встречи. Как это сделать пока не знал, как не знал и того, что встреча будет действительно случайной.

Я подумал о том, какие дальнейшие мои планы. То, что я увидел обе базы, особой ценности для меня не представляло, но это надо было использовать для дальнейших действий. Но пока никакого чёткого плана не было, я не стал утруждать себя мыслями и смотрел на проплывающие внизу пейзажи. Вертолет сел на каком-то небольшом аэродроме, где нас ждала машина. В город мы въехали с северной стороны.

– Вас домой? – задал вопрос Джеймс.

– Разумеется, – назвал адрес, хотя был уверен, что он его знает.

Выйдя из машины, я вошёл в дом, достал запасной ключ, что прятал в холле, и вошёл к себе в квартиру, которая встретила меня своим уютом, к чему я уже привык.

Приняв душ, лег в постель, в надежде расслабиться,

успнуть, но не получилось, потому, как мысли крутились вокруг произошедших событий и требовали их анализа. Мой мозг не привык засыпать, когда были не решенные задачи, и надо было работать, а тут ещё и желудок напомнил о себе. В холодильнике были консервы, что характерно для одинокого мужчины. Семейной жизни я не испытал, но я свыкся с этим. Мне не светило жить, как живет большинство людей, но всё равно не был лишен обычных человеческих слабостей. Если я иду по улице, разглядывая витрины, любясь женскими ножками, то приходится смотреть и за тем, кто возле меня, и случайно или нет. А общение? Часто люди говорят, а потом уже обдумывают, что сказали, получая проблемы. Я же сначала думал, взвешивал свои слова, а потом говорил, потому что и других проблем хватало. Любой человек, кроме меня, может считать, что у него есть личная жизнь, но не я.

Отогнав мысли об одиночестве, я сварил кофе. Его аромат разнесся по комнате, и я с удовольствием пил его маленькими глотками.

Время шло, и надо было сообщить о себе. Набрав международный номер, я позвонил Сержу, учитывая, что с Парижем разница в четыре часа, а значит, рабочий день в разгаре.

– Привет, – произнес я, и на какое-то время в трубке повисла тишина.

– Привет, Жан! Как я рад тебя слышать. Тут такое творилось! Согласись – один журналист ранее был травмирован, другой вообще пропал. Нам сообщили, что ты в порядке. Ты

из дома звонишь?

– Да, сегодня прилетел.

– Как себя чувствуешь?

– Хорошо, отоспался.

– Извини, что сразу к делу. Будет что опубликовать?

– Не уверен. Думаю, что главный не пойдет на это. Я тебе звоню, сообщить, что я на месте и завтра всё возвращается на круги своя. Так что, пока.

– Пока.

Положив трубку, я сел в кресло и включил телевизор, подумав, что хорошо бы написать, но не получится. Там, где военные, там часто запрет. От созерцания телевизора меня отвлек телефонный звонок. Это мог звонить главный редактор, остальные пока не знали, что я дома. Сняв трубку, я убедился, что не ошибся.

– Добрый вечер, – глухо произнес он. – Вляпался! Я же тебе говорил, что личные дела не моё.

– Ну, во-первых, не вляпался. Во-вторых, я не просил помощи, и, в-третьих, самое приятное для меня, я жив, спасибо американцам, помогли.

– Потому и звоню, что жив, что звонить покойнику, у меня ещё нет связи с Всевышним.

– Жаль.

– Не очень. Всё шутишь. Это хорошо. Я так полагаю, что подобные приключения интересны и даже бывают горячими.

– Мне не жжет.

– Можешь материал прислать?

– Могу, но вы уверены, что нас не прослушивают, после моих приключений?

– Нет.

– Вот и я о том же. Но пусть слушают. Отправлять экспресс-почтой, может не дойти.

– Отправь через посольство. Я им позвоню. Не будут же у тебя вырывать статью, на улице. В посольстве напиши. Голова у тебя при себе?

– Пока при мне. Написать могу, но думаю, публикация не пройдет.

– Почему?

– Не по телефону. Есть свои сложности. Сами не захотите.

– Пришли, а я решу.

– Хорошо.

– Ты там это... он сделал паузу, – поосторожнее.

– Постараюсь. Кстати, а когда будет замена, на более спокойного журналиста?

– Будет и скоро.

– И я свободен!?

– Почти.

– Это как?

– Ты остаешься внештатным сотрудником, до тех пор, пока сам не захочешь вернуться. Какой бы ты ни был неугомонный, порой и неуютный, статьи твои интересны. Я имею в виду подачу материала.

– Хорошо.

Мы попрощались, и я вернулся к созерцанию телевизора, но мысли мои были в другом месте. Предстояло написать статью, но не только это, надо подготовить материал для отправки в Центр. Как это получится, я не знал, так как не был уверен, что меня оставят в покое. Завтра надо за машину расплатиться, что осталась в лесу, – подумал я, – и купить новую, неказистую, но мощную.

Посмотрел на время, вечер уже вступил в свои права, и решил позвонить Андре. Дома никто не отвечал, и я позвонил в бар, где он любил бывать. Сообщил бармену кто я и попросил позвать Андре, если он там.

– Здесь, – ответил бармен и вскоре я услышал возбужденный голос Андре:

– Привет, пропащий! Ты сейчас дома?

– Дома.

– Давай к нам, мы тебя заждались.

– Не сегодня. Завтра встретимся в офисе, а вечером посидим. Я звоню сообщить, что прибыл, так что до завтра. Предай всем привет.

– Обязательно. Отдыхай.

Постояв с трубкой в руке, из которой доносились короткие гудки, я ухмыльнулся. Отдыхай! Нет времени на отдых. Повесив трубку, я увеличил громкость телевизора, переключив его на новости, и прошелся по квартире. Было у меня чувство, что в квартире могли поставить жучки в моё отсут-

ствие. Это мог сделать кто угодно, но вероятнее, это люди Джеймса. Я обнаружил жучки на кухне и в комнате. Как их искать я тоже знал. К тому, что тебя подслушивают можно привыкнуть, а иногда извлечь пользу. Поэтому отреагировал на их наличие спокойно, с пониманием дела, самому доводилось ставить. Что делать – такая работа у них и у меня. Не создавая особого шума, я извлек из тайника микроплёнку, а из шкафа фотоаппарат. С виду это был типичный аппарат, но в нем была возможность установить микропленку, а установить её мог тот, кто знал как. Затем сел за стол и стал записывать всё, что хранил в голове. От руки нарисовал карту, где нанёс места расположения обеих баз. Координаты, чтобы можно более точно настраивать спутники на фотографирование. Все написанное и нарисованное отснял, убрал плёнку в тайник, фотоаппарат в шкаф, бумагу сжёг, а пепел смыл в унитаз.

После сел за стол и начал писать статью, не рассчитывая, что завтра у меня будет на это время. Закончил дела ближе к полуночи и, оставив статью на столе, отправился спать.

13

Утром я проснулся выспавшимся, хотя за прошедшие дни основным моим занятием было спать. Посмотрев за окно, я увидел солнечный свет, который заливал комнату. Само солнце спряталось за кроны деревьев и его лучи напрямую

не проникали, чтобы нагреть воздух квартиры; приятная прохлада утра ласкала.

Торопиться было некуда, назначенных встреч не было, ввиду моего отсутствия, а значит, успею ещё в офис.

Я приоткрыл окно и в комнату ворвался свежий аромат утра, ни один листочек деревьев не шевелился и в прозрачном воздухе, словно безжизненном, было нечто, что предвещало то, что здесь называли прохладным утром.

Я быстро оделся и вышел на улицу, справа от моего дома находилась булочная и я, выйдя под утреннее аргентинское солнце, купил свежеиспеченные булочки и вернулся в квартиру. Сварив кофе, сел у окна и принялся уничтожать булочки, запах которых смешался с ароматом кофе. Улица уже проснулась, по ней проходили редкие прохожие, да изредка проезжали машины.

Убрав остатки завтрака, вышел из дома. Пройдя по теневой стороне улицы, как и вся моя основная деятельность, проходила в тени, я вышел под уже палящие лучи. Надев солнцезащитные очки, осмотрелся, в поисках такси, одновременно приглядываясь к обстановке, нет ли чего нового и просто запоминая стоящие машины на обочине, как обычно замечал всё, идя по улочке, где жил.

Такси подъехало быстро, и когда я расположился на заднем сиденье, то оглянулся.

– Кого-то высматриваете? – поинтересовался водитель.

– Да, приятель должен был заехать, но что-то нет, – я на-

звал адрес офиса. На самом деле меня интересовало, не отъедет ли кто следом, но, ни одна машина не отъехала, что совсем не означало, что у нас нет попутчиков. Учитывая бдительность таксиста, я на протяжении пути больше ни разу не оглядывался, но поинтересовался:

– Где можно приобрести машину, подержанную.

– Вам повезло, – заявил он авторитетно, – у меня есть знакомый. У него хороший выбор и умеренные цены. Город знаете?

– Найду.

Он назвал мне адрес и рассказал, как проехать. Спросил я так, чтобы не искать по справочникам, не особо веря в его авторитетное заявление, но понимая, что водители порой лучше порекомендуют, чем реклама в газетах. Сам я не хотел брать машину, там же, где брал в аренду предыдущую, с которой простился.

Когда я вышел из такси около здания, то окинул взглядом улицу, как обычно делает любой прохожий, который никуда не торопится и обратил внимание на серую машину, которая проезжала мимо, её я уже видел возле дома.

Ну вот, а я расстраивался, что нет за мной присмотра. Я вдохнул сухой бензиновый воздух города. Меня не ошеломило то обстоятельство, что за мной следят. Это несколько осложняло жизнь, но работу никто не отменял. Что остается? Естественность и ещё раз естественность. «Отрыв» должен выглядеть естественно, но пока в этом не было необхо-

димости. Много ещё чего будет, чувствовал я, и, улыбнувшись себе, вошел в прохладный вестибюль.

Проходя по коридору, я чувствовал его прохладу, которая возвращала мне ностальгические нотки реальности. Я был рад видеть, что всё, как прежде, и я там, где должен быть, а именно, как и отметил утром, в тени своей реальной деятельности. Но кто его знает, может быть, тот Егор, который остался в прошлом и есть тень в этой жизни, и идёт рядом со мной уже много лет.

Симона была уже на месте, и моё появление отметила доброй улыбкой.

– Добрый день, Жан, я так рада, что с тобой всё в порядке. Очень переживала за тебя.

– Спасибо, дорогая, но всё уже в прошлом. Хочу отметить, что за то время, что я тебя не видел, ты не изменилась, всё также хороша.

На наши голоса из своего кабинета вышел Андре.

– Дай-ка, я посмотрю на нашего героя. Уже собрались в новостях дать сообщение о твоём исчезновении, но нам позвонили и сообщили, что ты жив.

– Кстати, – поинтересовался я, – а кто сообщил?

– Не знаю, Симона разговаривала.

Я повернулся к ней.

– Голос мужской, не представился. Сказал, что ваш журналист Жан Марше, находится под защитой, ему ничто не угрожает. Он просто заблудился в лесу и скоро будет в сто-

лице.

– И всё?

– И всё.

– А что не так? – спросил Андре.

– Всё так, – успокоил я его. – Давайте так, вы сейчас расскажете, что интересного произошло в моё отсутствие, что ожидается, а я вечером вам расскажу о том, что со мной произошло.

– Могу уверить тебя, что интереснее, чем твоё исчезновение не было ничего, – поведал Андре. – Симона, сделай нам кофе, пошли в мой кабинет, – предложил он.

– Нет, уж, – возразил я, – пошли ко мне, надо же мне там побывать.

Мы вошли в мой кабинет, Андре расположился на диване, а я сел за стол. Симона принесла кофе и присоединилась к нам, захватив почту для меня.

В течение часа они рассказывали новости, сплетни, которые не заслуживали особого внимания, и ушли. Оставшись один я просмотрел почту не найдя в ней ничего интересного, откинулся на спинку кресла, сложив руки за голову, задумался.

Кондиционер не давал моим мозгам закипеть, а значит, они работали. То, что им сообщили, что я заблудился, говорило о многом. Некто не стал распространяться об истинных вещах, значит, были причины. Но он не мог знать, что вдруг я сам не расскажу, как было. Вариантов моего поведе-

ния вырисовывалось два. Первый. Я принимаю озвученную кем-то версию. Можно было считать, что это просто фраза и человек не собирался вдаваться в подробности или просто не знал, передавая чужую информацию. Но мой опыт, чутье, интуиция говорили, что не может быть всё так просто. К тому же этот некто или они не могли знать, что я не расскажу всё по прибытии кому-либо. Нет. Тут расчет. Меня проверяли. Если соглашусь с их версией, то значит, я понял и принял сигнал, а этого делать было нельзя. Второй. Я рассказываю, что видел, где был, опуская подробности ухода, всю свою удачу списывая на везенье. Среди тех, кто придёт сегодня вечером пообщаться в кафе, наверняка будут те, кто сотрудничает со спецслужбами, как с местными, так и с чужими. После чего следует ждать реакции. Кому-то не захочется огласки о существовании тайных баз, хотя Джеймс об этом и не заикался. Что это? Проверка? Если я журналист, то глупо упускать такую возможность заявить о себе. Но и это было не главное.

Кто-то хочет знать, кто я, ясно, что это Джеймс, но я не думаю, что он один, и пока они не имеют ответа, будут злиться, приходиться в бешенство. Для этого и приставили наружку. Они пытаются удержать ситуацию под контролем, хотя понимают, что это невозможно, всегда может произойти что-то неожиданное. Мое посещение базы – первая неожиданность, что не могли предусмотреть. Значит, надо оставить легкий след, чуть приоткрыв занавес. На выяснение моих замыслов

уйдет время и заставит их выйти на контакт, а от меня потребуются внимание. Значит, надо идти по второму варианту, прикрывшись интересом. Как сделать так, чтобы с их стороны проявился интерес, я уже знал. Вечером, после встречи перехожу в стадию ожидания. Что, что, а ждать я умел, это было необходимым условием моей работы. Уметь ждать.

Посмотрев на часы, которые показывали полдень, я вышел из кабинета с сумкой на плече, что ещё утром захватил из квартиры, в которой была статья, естественно без смертельных подробностей.

– Симона, я ухожу. Сегодня вечером жду вас в кафе «Тортони». В семь, – уточнил я. – Если даже ты опоздаешь, без тебя не начну.

– Опоздаю специально, чтобы проверить твоё обещание.

– Как всегда коварство женщины выше мужского разума, – изрек я, и вышел.

Выйдя на улицу, осмотрелся и, остановив такси, направился в посольство; проверить есть ли слежка не стал, не было необходимости. Принял меня советник по культуре, чья должность предусматривала работу на спецслужбу. Я, конечно, об этом «не знал». Он внимательно выслушал меня, но был уже в курсе моих приключений, и любезно согласился переслать мою статью. Статья была не так плоха, красной нитью в ней – существование военных баз на территории Аргентины, причем, не известно знали ли об этом соответствующие органы страны. То, что не опубликуют, для меня было

ясно, никто не захочет поднимать скандал и щёлкнуть по носу государственные органы, тем более не со стороны местных оппозиционеров и журналистов, а чужого журналиста.

Пока мы беседовали, советник прочитал статью.

– Все так и было?

– Разве чуть приукрасил для красоты слова.

– Я думаю, это не пройдет.

– Я тоже.

– Тогда зачем написали?

– Указание редакции, но я главного редактора предупредил об этом и думаю, прочитав, он не захочет публиковать.

– Не захочет, – уверенно заявил советник.

– Но он её хотя бы прочитает? – спросил я, давая понять, что уловил смысл сказанного им.

– В этом будьте уверены.

Мы ещё поговорили о жизни, нравах, планах. Он пригласил меня на какое-то очередное мероприятие, в посольство, после чего я его покинул. Снова оказавшись на улице, я осмотрелся. Мне предстояло заложить тайник, а это уже серьёзно, и не требует чужого внимания.

Тайниковая операция требует тщательной подготовки. Я тратил на это не менее двух часов. Сначала нужно убедиться, что нет слежки, а если была, то оторваться «естественным» путем. Сегодня это было необходимо вдвойне. Я проходил по заранее по отработанному маршруту, чтобы визуально провести осмотр тайника – вдруг что необычное. По-

ка ходил, слежки за собой не обнаружил, значит, сочли, что пока нет жесткой необходимости в постоянной опеке. Тем не менее, я ходил по городу: посещая магазины, пообедал в кафе.

Предварительно, прежде чем заложить в тайник информацию, я приехал на свою вторую тайную квартиру, где хранил всякий реквизит, который так бывает необходим в работе, но не предназначен для чужих глаз. Там переоделся, чуть изменил внешность, и вскоре из дома вышел другой человек, чуть сутулый, но не старый.

Контейнер с микропленкой оставил в художественной галерее. Извещать о том, что есть информация не стал. Сегодня был тот день, когда тайник проверяли.

После закладки тайника я направился по обратному маршруту и привел себя в прежний вид. Время до встречи в кафе ещё было. На метро доехал до нужного мне района, что указал таксист и, пройдя по нему, увидел вывеску «Автомобили. Купля – продажа». Во дворе под капотом одной из машин копошились двое.

– Здравствуйте, – произнес я в их спины.

Оба выпрямились и передо мной предстали два местных жителя: один постарше, другой моложе. – Я бы хотел приобрести машину, но если это всё, что у вас есть, – указал я на двор, – то видимо я ошибся.

Старший, вытер руки тряпкой: – Пошли, – и направился к ангару. В полумраке можно было увидеть ряд машин, но

впечатления они на меня не произвели. Молодой включил свет и я понял, что ошибался. Были среди экспонатов и приличные на вид. Я прошёлся немного и остановился напротив черного «форда»

– Как он?

– Все зависит от того, что вы хотите иметь?

– Мне нужна скромная машина, но с мощным двигателем и хорошей подвеской.

– Тогда пошли дальше, – предложил старший, и двинулся вглубь ангара. В углу он остановился возле синего «Ситроена». Вид машины был не самый новый, но приличный, чтобы не было стыдно за её вид, но и достаточный, чтобы особо не привлекать внимания.

– А мощность увеличить можно?

– Всё можно, зависит от желания клиента и его финансов.

Мы обсудили, что и как нужно сделать, я внёс задаток, и мне предложили зайти через пару дней. Далее мой путь лежал к салону, где я арендовал машину, что у меня забрали в лесу.

Пройдя к старшему менеджеру, я принял озабоченный, извиняющийся вид.

– Извините, но машину угнали, я должен, что-то компенсировать, – сообщил я ему.

Для меня было неожиданностью, что он не расстроился.

– Ничего страшного, она застрахована, и она уже у нас, её вернули.

– Как! Нашли! – удивление моё было не поддельным.

– Её обнаружила полиция на одной глухой улочке. Проверили владельца и сообщили нам. Там не оказалось магнитолы и запасного колеса. У вас там что-то было личное? Мы вам звонили, но вас не было на месте.

– У меня там ничего не было личного, а сам я уезжал.

– Ну, тогда это мелочи. Потери покроет страховка, вы ничего не должны. Хотите взять другую?

– Не сегодня.

– Если будет необходима машина, наша компания всегда к вашим услугам.

Я вышел из салона, понимая, что такая забота мне ни к чему. Машину забрали с базы, перегнали, чуть ограбили, сообщили полиции, о бесхозной машине, что стояла на улице. Кто это мог сделать, сомнений не вызывало.

В половине седьмого я уже расположился за угловым столиком в кафе «Тортони», в ожидании коллег.

Подошли Андре и Симона.

– Представляешь, – пожаловалась она, – не дал задержаться, чтобы появится более эффектно.

– Твой эффект не меркнет в любое время, – заметил Андре.

Потихоньку собрались коллеги по перу, как местные, так и из прочих газет, всего человек десять. Когда все сделали заказ, Андре попросил:

– Рассказывай, не томи.

Я рассказал, как заблудился и попал на странную базу. Вернее не просто попал, а меня туда доставили. Описал свой побег, чтобы был схож с тем, что говорил американцам. Добавил что-то для красоты. Как вышел на американцев, на чьей базе и провел несколько дней, пока появилась возможность вернуться в Буэнос-Айрес.

– Значит, на территории Аргентины существуют тайные военные базы, – сделал вывод Майкл, американский журналист.

– А где их нет в Латинской Америке? – усмехнулся Николас, журналист одной из центральных газет Аргентины. – Не всё нам известно. Правительство ничего не видит, или не хочет видеть. Тебе, Жан, повезло, что вообще выбрался.

– Согласен. База не была похожа на продуктовый склад, и чужих, там не любят.

– Там могут быть другие продукты, – заметил Николас, – сам-то, что думаешь?

– Я думаю, там могут готовить боевиков, а что ещё не знаю. Всё может быть. Любая контрабанда.

– Вот и я о том же. Правительство скрывает, что у нас в стране. Мы журналисты не суемся в глухие леса, жизнь дороже. Я вот даже и не знал, что там есть и американская база. Разговоры были об их организации, якобы для борьбы с картелями, но потом всё затихло, как бы отказали. Значит, не отказали. Будешь об этом писать?

– Не вижу смысла. Если напишу, то завтра найдут причи-

ну меня выдворить из страны. Это же какой удар по правительству. Вот вам рассказал, а писать,... во всяком случае, пока не буду, а там посмотрим... Но это пока.

Последнюю фразу я сказал под занавес, чтобы тот, кто слушает внимательно, мог передать об отсрочке публикации.

– Ты просто герой дня, – произнесла Симона.

– Только дня? – удивился я. – А вечера? Но мне приятно сидеть здесь с вами. Хорошо никуда не ездить.

– Что так и будешь теперь сидеть в столице? – поинтересовался Майкл.

– Нет. Скоро на моё место приедет другой.

– А ты куда?

– В свободное плавание. Пока останусь внештатным сотрудником. Мне лучше. Буду ездить, искать экспонаты для своей галереи. Журналист не моя профессия.

– А какая твоя? – спросила Симона.

– Бизнес, дорогая, бизнес.

– Жаль. У тебя есть мозги.

– Что так заметно?

– Это потому что она внимательная. Обычно, когда мозги есть их не видно, но вот когда их не хватает, то заметно, – сказал Андре.

– А меня поражает, как ты вышел из этих неприятностей, – заметила Симона.

– Симона. У меня было в жизни столько всяких неприятностей, что я уже не удивляюсь их присутствию. Даже при-

вык к ним, а если их нет – грустно. Но я каким-то образом нахожу из них выход. Правда меня всегда мучает один вопрос.

Я замолчал, сделав паузу, рассчитывая на вопрос, и дождался.

– Какой? – поинтересовалась Симона.

– Удивляет, как я нахожу туда вход!

Шутка удалась и все засмеялись.

– Нам журналистам часто приходится попадать не в самые лучшие места, – сказал Андре, – и не всегда это случайно. Мы ищем их, нам чего-то не хватает. Вот и лезем везде, где ждут неприятности. Поэтому, когда нас предупреждают, чтобы мы не ходили туда, то это нас распаляет и ответ часто один. Как же туда не ходить! Они же ждут!

– Давайте выпьем за неприятности, которые нас ждут, но которые в итоге и отпускают, – предложил я. – И закончим на этом данную тему.

– А о чём будем говорить?

– О вечном. О женщинах.

Дальше вечер перешел в обычные посиделки. Мы пили, танцевали. Во время танца Симона сказала: – Я испугалась за тебя.

– Не стоило, но за беспокойство спасибо.

Несколько дней после моего возвращения прошли относительно спокойно, но подобное спокойствие мне не нравилось. Это, как затишье перед грозой. Каких-либо резких изменений я не ждал, но кто-то должен был проявиться.

Я продолжал посещать все мероприятия, где должен был быть, как журналист. Писал заметки, статьи. Отправлял в Париж. И вот однажды, позвонил главный редактор:

– Не отвлекаю тебя от написания очередной статьи о своих приключениях?

– Нет, я только подумываю о продолжении. Ищу новые.

– Вот и подумывай, держи лучше все в голове, не порть бумагу.

– Бумагу жизнью не испортишь.

– Это ты, верно, заметил, а вот бумага жизнь испортить может.

– Это, смотря каково её назначение.

– Шутишь! Мозги у тебя хорошие, жаль только, что дурной голове достались, и хорошо бы она осталась в целости. Это я к тому, что надеюсь, приключений больше не будет.

– Кто знает. У судьбы странное чувство юмора. Но я полагаю, вы звоните не только с заботой о моей голове.

– Статью публиковать не будем.

– Кто бы сомневался! Я сразу об этом сказал, да и надо полагать советник по культуре своё слово сказал.

– На то он и советник, так что гонорара не будет.

– Я и не рассчитывал.

– Не надо вмешиваться в чужие внутренние дела, хотя если честно, в данном случае очень хочется, но не хочется иметь проблемы, ты не один в редакции работаешь. Но об этом всё. Через два дня придет Симон, твоя смена.

– Вот это подарок. Я свободен! Я ничей!

– Судя по интонации, следует ждать международного скандала.

– Вы меня переоцениваете!

– Вот из-за таких, как ты, они и начинаются. Встречай его, он прибудет компанией Эр Франс. Зовут Симон Роше.

– Встречу.

– Вот и хорошо, но я рассчитываю, что ты будешь присылать свои заметки.

– Я подумываю поехать.

– Знаешь, мне будет очень жаль, если с тобой что-либо произойдет. Не лезь в пекло.

Он это сказала вполне серьезно, с долей сочувствия, и я его понял.

– Я постараюсь.

После разговора настроение у меня улучшилось. Теперь я буду предоставлен сам себе и обладать большей свободой передвижения.

О скором прибытии замены, я утром сообщил Андре и Симоне. Поговорил о замене с другими коллегами, с которыми установились хорошие отношения. Я не ожидал такой, почти единодушной реакции – сожаления. За эти несколько

месяцев я с некоторыми действительно сдружился. Вопрос был почти всегда один: – Уедешь?

– Пока останусь, буду внештатным, и это позволит мне быть свободным и в мыслях и в поведении.

– Появляться будешь?

– Обязательно.

Действительно, теперь я должен был наметить себе план действий с учетом сложившихся обстоятельств.

Через два дня я встречал Симона, написав его имя и фамилию на табличке. Я стоял среди встречающих и вдруг увидел Жаннетт, стюардессу, с которой летел сюда. Она шла с другой стюардессой к выходу из аэропорта.

– Жаннетт, – окликнул я её. Она обернулась и, увидев меня, что-то сказала подруге и остановилась. Я, не опуская таблички, подошёл к ней.

– Вот и встретились.

– Да. Не прошло и года.

– Работа такая, – вздохнул я. – Всё время в разъездах, встречах, но теперь я более свободен.

– Более это как?

– Приехал другой, заменить меня, а я уйду на вольные хлеба.

– Подкормиться?

– Где-то так. Слушай, ты, где остановилась? Когда назад в Париж?

– Завтра.

– Я предлагаю встретиться. Погуляем по городу, пообедаем вместе. Я тебе покажу Буэнос-Айрес, а ты расскажешь, как там без меня Париж.

– А как же тот, кого встречаешь?

– Я его устрою и всё.

– Хорошо, – она назвала отель, где остановится.

– Я приеду после обеда.

– Договорились, – и пошла к подруге, которая ожидала её чуть в стороне.

Симон Роше оказался симпатичным, рыжеволосым парнем. Его улыбка располагала к общению.

К тому времени я уже имел машину. С виду она была обычной, каких много, но мотор был другой, работал тихо, чувствовалась мощь.

– Сколько в ней сил? – спросил я старшего, когда пришёл забирать.

– Много, более двухсот пятидесяти.

– Да, ладно!

– Проверь

И я попробовал. Молодой сел рядом, и мы выехали за город. Машина была легкая и быстрая, легко уходила в отрыв. Подвеска была тоже усилена. Я остался доволен. Впоследствии, я старался не показывать её мощь и ездил аккуратно.

Отвез Симона в ту же гостиницу, что меня отвозил Андре, дал те же напутствия, но предупредил, чтобы ждал меня утром, а по району прогулялся, но не допоздна.

После двенадцати я подъехал к отелю, где остановилась Жаннетт, позвонил ей от стойки администратора, и вскоре в холл спустилась фурия, сменив форму компании на голубое платье, что подчеркивало её фигуру.

– Изумительно выглядишь, – заметил я. – Сначала по городу, а потом пообедаем, – высказал я предложение, и она согласилась. Мы около часа ездили по улицам, иногда выходили и я рассказывал ей то, что знал о городе.

– А ты много узнал.

– А что, у тебя не было такой возможности?

– Нам не рекомендуют ходить по одной, так в магазины в центре, а вечером в отель. Чужой город, чужие нравы.

Проезжая по улице Gorriti я обратил внимание, что из припаркованной машины возле ресторана Crizia вышли мужчина и женщина. Всё бы ничего, но важно кто были они. Если бы я был один, то возглас удивления сдерживать бы не стал. В своей работе я старался предусматривать разные случайности, но вот о такой, мог подумать только мельком, не особо веря в её реальность.

Из машины вышли Лаура и Джеймс, тот худощавый американец, что забрал меня с базы. Мысль, промелькнувшая в голове, крепко зацепилась. Это была удача, хоть и случайная, одна из немногих в моей жизни. Хотя можно назвать это удачей или нет, не знаю.

– Предлагаю перекусить, – и, проехав чуть дальше, припарковал машину.

Открыв стеклянные двери ресторана, мы вошли в зал Crizia. Легкий полумрак властвовал, создавая атмосферу романтики, хотя он подходил и для деловых встреч. Я окинул взглядом зал, словно выбирая место, и заметил, что Джеймс и Лаура сели за столик в глубине. Я выбрал нам место, с которого они могли меня видеть, сел боком, чтобы не встретиться взглядом. Сделав заказ, мы увлеченно поглощали салаты, стейк, десерт. В перерывах Жаннетт рассказывала мне о Париже, который я так хорошо знал. Когда мы перешли к кофе, то боковым зрением я увидел, что к нашему столику кто-то приближается, гадать, кто не стал, и так было ясно. Лишь когда человек подошёл к столику, я повернул голову.

– Добрый день, Жан, – произнес с легкой улыбкой Джеймс. – Неожиданная встреча.

«Что им всё везде неожиданно», – подумал я, вспомнив встречу с Лаурой у Диего.

– В мире много неожиданностей, но я лишний раз убеждаюсь, что он не так велик, чтобы им не случаться. Познакомьтесь, это Джеймс, а это Жаннетт, – представил я их. – Присаживайтесь, – предложил я ему.

– Я бы с удовольствием, но не могу, я не один, да и уходить пора. Я здесь с вашей знакомой, – и он повернулся к своему столику. Я проследил за его взглядом, и Лаура в знак приветствия помахала мне очаровательной рукой, я ответил ей тем же.

– Я подошел, чтобы спросить, можете вы завтра, со мной

встретится.

Я сделал задумчивое выражение лица и ответил: – Завтра не получится. Передаю дела коллеге, прибывшему мне на замену. Послезавтра, устроит?

– Замена?... Вы уезжаете?

– Пока нет, побуду ещё. Да, вам Лаура расскажет, что у меня здесь найдутся дела.

– Лаура! Она что в курсе ваших планов?

– Она в курсе некоторых моих знакомств и перспективных планов.

– Интересно. Хорошо, а послезавтра здесь же в час дня?

– Договорились, – согласился я.

Он попрощался и отошёл.

– Это кто, если не секрет? – поинтересовалась Жаннетт.

– Американец, по-моему, имеет отношение к спецслужбам, а кто конкретно не знаю. А Лаура – не знаю кто, познакомились в гостях у одного коллекционера.

– Неплохо проводишь время, уже ходишь в гости. Ты разбираешься в искусстве?

– Чуть, чуть.

– С ним тоже в гостях познакомился?

– Это напоминает допрос. Нет. С ним в лесу.

– В лесу?!

– Да, было дело. Ездил и попал не туда, куда надо, вот и познакомились.

– Ну, да. Вместе грибы искали.

– Примерно так.

– И кто больше собрал?

– Я, конечно!

– Куда дел?

– Ему скормил.

– Ты это можешь, особенно если за грибы принять твои выдумки.

– Ну, вот сразу подозрения, – засмеялся я, – так и до Ляуры скоро доберешься.

– Я догадываюсь кто она.

– Поделись, – спросил я удивленно.

– Сердцеедка. Таких, как она, мужчины не пропускают, всегда провожают взглядом.

– Ты можешь не поверить, но я её не провожал и сердце моё при мне. У меня там давно камень, зубы можно обломать. Могу тебя заверить, что мимо тебя тоже не проходят, опустив глаза.

– Это верно. Иногда такое впечатление, пока иду, что чувствую, уже раздели взглядом.

– Это не серьезно. Женщине надо смотреть в глаза, а не раздевать глазами. Для этого есть руки.

Остаток дня мы провели в пешех прогулках, посмотрели уличных танцоров, послушали живую музыку в кафе. Жаннетт позвонила в отель подруге и известила, что ночевать не придёт, но оставила ей мой домашний номер телефона, а затем мы поехали ко мне.

Ночью, лежа в постели, в бликах неоновой рекламы Жаннетт спросила: – Ты уже не так молод, а почему один?

– Мне периодически задают этот вопрос, но я не нахожу на него ответа, а если честно, то и не ищу.

– Но кто-то тебе должен нравиться? Кого-то ты должен любить?

– Должен! Мне казалось, что в подобных отношениях не применимо слово должен. Нравиться это другое. А любить? – и вспомнил китайку, с которой познакомился при выполнении моего первого задания. Я не считал, что люблю её, но всё-таки вспоминал чаще, чем других женщин, что были в моей жизни. Возможно потому, что я тогда был молод. – В том смысле, как положено, понимать любовь – нет, – продолжил я. – Никого не любить, это возможно дар, потому что только в этом случае ты не получаешь самой страшной боли – разлуки.

– Почему так?

– Часто бываю в разъездах, как и ты.

– Но я не одинока в отличие от тебя.

– Я не считаю одиночество бедой.

– Это пока ты не состарился. В жизни не быть любимым всего лишь неудача, а не любить – несчастье.

– По своему опыту знаешь?

– Из него, – согласилась Жаннетт. – Но у меня есть семья.

– И что вдруг здесь? Со мной?

– Я не люблю мужа, но в целом довольна своей жизнью.

Думаю, привыкну, когда перестану летать.

– К этому можно привыкнуть?

– Можно, особенно, если человек тебе ничего плохого не сделал. Скоро начну привыкать.

– Поясни.

– Я скоро уйду с этой работы. Буду работать в офисе компании.

– Значит, велика вероятность, что можем, больше не встретиться.

– Наверное, так. Знаешь, почему я не хочу от него уходить? Он видел меня ревущей, без макияжа, даже пьяной, когда я могу нести чушь, и как ни странно он со мной. Разве этого мало?

– Я не хочу привязывать тебя к себе. Относись к моему исчезновению спокойнее.

– Так и будет. Если ты когда-нибудь захочешь влюбиться, сделай это в меня.

– Если... – подчеркнул я, но продолжать тему не стал. Она понимала, что время идет, а потом наши пути разойдутся. Я неизвестно куда, а она к себе в Париж, к семье. Но всё это будет потом, и повернулся к ней.

Утром я отвез Жаннетт в отель, мы попрощались и я проводил её взглядом, пока она скрылась за дверями отеля, а сам поехал за Симоном.

Весь день я объяснял ему, что и как, возил в разные ме-

ста, где могли быть мои коллеги, знакомил его с ними, а под вечер, вернувшись в офис, сообщил Симоне:

– Всё. Теперь он твой.

Симон стоял рядом и смущенно улыбался.

– А ты будешь здесь появляться? – поинтересовалась она.

– Буду, – заверил я её.

– Ну что, всё? – обратился Андре, который только что вошел.

– Ещё не финал, дружище. Я же здесь. А пока я пошёл спать, – и вышел из офиса.

Вечером, после десяти, раздался телефонный звонок. Подняв трубку и ответив, я услышал тихий голос Лауры.

– Даже странно, что ты дома. Не была уверена, что застану.

– Почему не уверена?

– Думала что ты с той очаровательной француженкой. Набирая номер, ещё подумала, не помешаю ли.

– Что она из Франции Джеймс сказал?

– Он, кто же ещё. Не думаешь же, ты, что я проверяю твоих знакомых.

– Кто его знает. Не играй в скромность. Она улетела домой.

– Так она стюардесса!

– Именно так. А ты звонишь, чтобы пожелать мне спокойной ночи?

– Считаю, что так. Там в ресторане я была с Джеймсом, и

не знала, что вы знакомы. Ты знаешь кто он?

– Точно нет, но догадываюсь.

– Насколько я понимаю, он предложил тебе встретиться?

– Это он сам тебе сказал?

– Он не сообщает мне о своих встречах.

– Как и о том, где мы познакомились.

– Как и об этом, – подтвердила она.

– И тебе интересно, откуда я его знаю?

– Пока нет, но любопытно, но ты не ответил на вопрос.

– Да мы встречаемся.

– Будь осторожен. Он очень хитрый, опасный человек.

– С чего вдруг такая забота?

– Считай за тот вечер. Мы можем с тобой встретиться потом?

– Не знаю. Я не знаю, как по времени у меня, завтрашний вечер.

– Запиши мой номер, я буду дома после двадцати.

Я записал номер. После разговора с Лаурой было о чём подумать. Если следовать логике, то она не в его команде, но не факт, что не работает на него, и что это не проверка. Правда, чего? Та наша встреча не могла быть подстроена Джеймсом, мы ещё не были знакомы. Значит, она работает на местную службу, что впрочем, не мешает ей работать и на Джеймса, вести двойную игру.

Как будут развиваться события, можно было обдумывать после встречи. К тому же, мне необходимо было увидеть Гу-

ставо, чтобы иметь возможность посетить другие страны Латинской Америки и побывать в гостях у тех, кто приглашал. Дел было не мало. Плохо было одно – я на виду.

15

В час дня я вошёл в уже знакомый ресторан, посмотрел по сторонам, заметил Джеймса и направился к нему. Он встал при моём приближении, и мы обменялись рукопожатием.

– Я уже заказал на нас обоих, если вы не возражаете.

– Значит, и платить вам.

– Я не отказываюсь.

Официант принес закуски, вина и мы начали свой совместный обед.

– Я, как вижу, вас не очень удивило моё предложение?

– Зачем удивляться, зачем гадать? Сами всё, что надо, скажете. У меня и так есть над чем думать.

– Хотелось бы знать над чем.

– Мне бы тоже хотелось знать, над чем вы думаете, но я не спрашиваю.

– Некоторыми мыслями поделюсь. Мне хотелось бы знать ваше мнение, что, наверняка, сложилось о том лагере, где побывали?

– В каком конкретно?

– Ну не о том, же, где я вас забрал. Там я и так всё знаю.

– Я думаю, что и о другом вы знаете лучше меня.

– У меня своё видение, своя информация, что может быть искажена. У вас свежий взгляд.

– Это вряд ли. Я там почти ничего не видел, – я замолчал, пока официант менял блюда. После его ухода я не стал продолжать, а Джеймс, видя, моё молчание, продолжил:

– Вы специалист, в своей области, и всё-таки поделитесь?

– Вообще лучше прочитать мою статью.

– Это ту, которую не опубликовали, так, где мне её взять.

– Ну, вот видите и это знаете. Я же знаю почему, и, кстати, главному редактору, я сказал, что он не будет её публиковать. Не захочет шума. Там обо всём. Но как понимаю, информацию вы всё равно получили. Возможно, вам не выгодно, чтобы она появилась на свет. Одно дело, что знают немногие, другое широкая огласка.

– Не очень страшно.

– Да бросьте, вы. Зачем меня тогда сюда пригласили? В вашу симпатию я не верю.

– Напрасно. Вы ошибаетесь. По тому, как вы выбрались из первого лагеря, у меня сложилось о вас прекрасное мнение.

– Я должен быть польщен?

– Не обязательно. Насколько мне известно, вы не закрыли тему возможной публикации.

– Вопрос открыт, особенно, если учесть, что теперь я не связан обязательствами с редакцией; мои мысли принадлежат лишь мне.

– Вы опять не удивились, что я примерно знаю, что вы

можете опубликовать.

– У меня есть одна особенность – я умею думать. Когда в кругу журналистов я бросил фразу, что пока не буду публиковать, и кратко сказал её суть, то вам и донесли. А кто это не важно. Среди журналистов часто есть ваши люди.

– Вы хотите сказать, что сделали это умышленно?

– Для чего?

– Всякое может быть.

– Есть два варианта. Первый. Я сделал это умышленно, значит, я рассчитывал, что информация будет доведена до того, для кого она представляет интерес. Говорить о том, что я имел в виду вас – глупо. Я не знаю, кто за этим стоит. Учитывая временную отсрочку в публикации, на меня выходят спецслужбы. Вышли. И что дальше? Что я с этого должен получить? Головную боль. У меня нет желания общаться со спецслужбами. Для этого должна быть цель, а у меня её в этом направлении нет. Вариант второй. Я высказал мысль, которая ещё живет в голове. Но пройдет время, и я решу написать новую статью. Но не здесь ясное дело, в Европе, хотя не исключен вариант и здесь. Но это хорошо пока информация свежа, так что пока и есть пока. Но ради чего публикация? Ради денег? Они никогда лишними не бывают, но я не зарабатываю этим. Слава мне на этом поприще тоже не нужна. Скорее это просто гражданская позиция.

– Вы хотите, чтобы я поверил в эту ахинею?

– А у вас есть выбор? Вы так часто мне не верите, что я

уже подумываю, что, не придумать ли мне красивую ложь, которая вам понравится и сочтете её верной. Может быть, вы скажете, почему я так сделал?

– Скажу. У меня сложилось мнение, что вы относитесь к тем людям, которые начала думают, а потом говорят. Это ценное качество. То, что вы журналист временный, еще ни о чем не говорит. Я читал ваши статьи;

– Неужели, а я вот нет!

– Почему, – искренне удивился он.

– Не страдаю самолюбием. Я говорю, «мало того, что я это написал, так я ещё это читать должен».

Джеймс от души засмеялся и продолжил: – Вы имеете свой взгляд, и замечу цепкий взгляд на вещи, мимо которых многие проходят не замечая. Вы умеете акцентировать внимание на всего на одной вещи, в общем контексте. В ваших статьях есть последовательность, так что вывод напрашивается сам, но вы его не делаете, предоставляя это право читателю. Есть последовательная логика.

– А есть не последовательная логика? – перебил я его.

– Есть. Это та, которая приводит в тупик. Вроде бы всё верно делается, а результат ноль. А вывод? Где же логика была. У вас она есть.

– Вы мне снова льстите.

– Иногда это приятно делать. Так вот далее. Возможно, вы захотите обменять свою статью на иную информацию, поэтому и сделали подобный вброс.

– Слушайте, Джеймс, ну какая ценная информация может быть в моей потенциальной статье? Место расположения? Я же сказал, кому надо и так знают, а местным жителям не до этого. Это же не информационная бомба, неужели она может доставить неприятности. Сами сказали не страшно.

– Неприятности нет, а вот некие сложности, возможно. Буду более откровенным. Понятно, что не мы строили другую базу, куда вы попали, а свою базу без согласия соответствующих лиц не построишь. Всё сделано с их молчаливого согласия, но у них есть избиратели. Публикация заставит их как-то реагировать.

– И вас это огорчает? – усмехнулся я.

– Представьте, да. Если некоторым сотрудникам придется уйти из государственных органов, то появятся новые лица, и с ними придется налаживать отношения. А это время.

– Никогда бы не подумал, что такая случайность может иметь серьёзные последствия.

– Как видите, может. На то она и случайность, что непредсказуема.

– Теперь вы хотите, чтобы я поверил в вашу ахинею? Я уверен, что у вас есть запасной вариант людей, кто будет говорить и делать, как вам надо. Хотя уверен, что всех прикормить нельзя.

– Вы сами ответили на свой вопрос. Не на всех можно повлиять.

– А хочется?

– Представьте, нет, тогда будет скучно, нет оппонентов, нет мыслей. Так насколько я в рассуждениях далек от истины?

– «У истины есть свой вкус и своя ценность», есть такая фраза.

– И каковы вкус и ценность у вас?

– Правда.

– Не разочаровывайте меня. У каждого своя, правда. Но всё-таки я близок к вашим задумкам. Чего вы хотите?

– Не думаете же, вы, что у меня есть заготовка? А что вы можете предложить?

– Это уже другой разговор. Заменить одну информацию на другую.

– Которая вас не затронет.

– Пусть так. Вы обещаете не публиковать статью об этом районе, а мы предоставим вам другую информацию, например о контрабанде наркотиков. В результате правительство правильно реагирует, идет операция, канал перекрывается. Кто-то уходит с постов, народ доволен.

– Уходят ненужные?

– Не всегда. Я уже говорил, что оппонентов нельзя убирать.

– Не думаете же, вы, что контрабандисты, прочитав статью, не изменят систему, не свернут лагерь, не закроют канал.

– Статья выйдет одновременно с заявлением правитель-

ства. Там будет ссылка, что иностранный журналист помог власти и так далее.

– Я же сказал, мне слава не нужна.

– Пусть без упоминания вашего имени.

– И после этого на меня начнется облава.

– Да не будет ничего. Нужны вы им.

– А почему вы, зная о лагере, о канале не сделаете это сами для власти. Подарок для них.

– Делаем, мы сотрудничаем в этой области, но в данном случае есть возможность обмена.

– А почему не предложили вашим журналистам статью сделать? Это было бы более эффектно.

– Так сложились обстоятельства. Вы влезли в это дело. К тому же у вас есть теперь свобода передвижения, и вы не связаны с редакцией. Вы свободный человек.

– А как я получу информацию?

– Мы её вам предоставим.

– Не пойдет. Я привык всё видеть собственными глазами.

Не хочу верить чужим бумагам.

– Вы понимаете, что это опасно?

– Догадываюсь. Но мне более интересно, кто за этим стоит.

– А вам это зачем? – вежливо осведомился он.

– Это моя страховка, что после операции я останусь жить.

Джеймс задумался. Видя, что разговор за столиком прервался, официант убрал всё со стола и принес кофе. Всё

это время Джеймс просчитывал варианты. После ухода официанта, он еще минуты две сидел, молча, я же пил кофе.

– Мне надо подумать. А вы так и не сказали своё мнение о лагере?

– Из того, что мельком удалось увидеть, я думаю, что там готовят боевиков. Во всяком случае, там всё для этого есть.

– Мне это известно, – усмехнулся Джеймс, – потому, как вас там приняли, и что собирались сделать.

– И что собирались?

– Мальчика для битья. Узнать было трудно, но не невозможно. Вы выдержали, успели сбежать.

«Неаккуратно, – подумал я. – Давать информацию подобного рода, значит, сообщить, что у тебя там есть свои люди. И для чего ты это сделал? Случайно? Нет. А вот какая цель надо подумать».

– Будем считать, что повезло.

– Будем, – согласился Джеймс. – И это всё, что увидели?

– Всё.

– А догадки?

– Догадки и есть догадки. Там может быть всё, что угодно, например контрабанда алмазов. Есть такая вероятность? Есть.

Джеймс внимательно посмотрел на меня. Он не мог знать точно, что я видел в сейфе.

– Жан, такая вероятность есть в любой стране. И в данном случае контрабанда не подходящее слово. Такие дела не де-

лают втихаря. Разве что разовый случай, – он смотрел на меня любезно, но насмешливо. – Не стоит так называть обычную торговлю. Не думаете же, вы, что государство, нарушает законы, проводя подобные сделки. Бросьте! В таких сделках работают подставные фирмы, агенты. Конечно, законы об импорте и экспорте государственные органы интерпретируют более широко, но средства всегда легальны. Решения о сделках принимают люди, имеющие на это право. Никто не придерется. Государства работают на биржах легально, но чуть по-своему. Это вам не наркотики возить.

– Интересно, но в контрабанде алмазов, если она есть, присутствует интерес людей. А там, где масштаб, там всегда не заметно можно сделать и приятное себе.

– Так на чем мы остановимся, – не стал развивать тему Джеймс.

– А вы уверены, что сдержу слово?

– Уверен. А вы?

– Вот наличие списка лиц, заинтересованных в контрабанде, и будет моим страховым полисом.

– Берем время для раздумий?

– Хорошо. Мне ещё надо поехать по Латинской Америке, посмотреть, что могу приобрести.

– Ну, вот видите, это даже полезно. У вас будет очень хорошее прикрытие. Вы владелец салона, подбираете произведения искусства для себя.

– Не хотелось бы смешивать одно с другим.

– Но если договоримся, то придется.

– Кофе допит, тогда я пошёл, – сказал я.

– Позвоните мне дня через два, – и он протянул мне визитку.

Я посмотрел на неё, там значилось, что он советник инвестиционного фонда.

Попрощавшись, я вышел из ресторана. Постоял у входа и свернул направо, дойдя до угла, свернул в переулок, и чуть выждав, пошёл назад. Простую проверку провести не вредно. Я стоял на углу, примечая машины, людей. Увидев, что ничего неожиданного нет, сел в рядом стоящее такси. Таксист повернул голову и в его глазах был немой вопрос. «Куда?»

– Ждем, – сказал я ему и передал деньги.

Он согласно кивнул головой: – Следим?

– Пытаюсь. Веду журналистское расследование.

– И не боишься?

– Отбоялся. Если имеешь в виду себя, тоже нет. Даже если ты расскажешь, то тебе не заплатят, а мне сильно не навредит, так неприятности временные. Так что лучше промолчать. Ты же понял, что я умею читать номера.

– Угрожаешь?

– И в мыслях не было. Но никому не нужны неприятности. Договорились?

– Договорились, если ты не связан с СИДЕ.

– Уверю, нет. Я же иностранец, видишь же.

– Кто вас знает.

В это время Джеймс вышел на улицу, поднял голову, посмотрел на яркое аргентинское небо. Приставил руку ко лбу и, всматриваясь в голубое небо, о чём-то мечтал, но скорее всего, осматривался. Затем прошёл к машине и отъехал.

– За этой машиной, но не близко.

– Это понятно, – и мы отъехали.

Джеймс не торопясь ехал по улицам Буэнос-Айреса. Сначала казалось, что он просто едет хаотично, но потом я понял, что он проверяется.

– Не торопись, – попросил я водителя. – Сейчас, если он свернёт, остановись.

К тому времени я понял, что как бы Джеймс не петлял, но медленно движется на север города. Мы подождали и вскоре, как я и думал, его машина появилась в квартале от нас. Машин было мало и его видно. Мы снова двинулись за ним, но проехав метров триста, он свернул к обочине.

– Проезжай мимо.

Когда мы проезжали, я увидел, что в машину Джеймса, сел крепкий парень, но одет он был как-то небрежно, даже бедновато. В памяти всплыло лицо одного из солдат, что я видел в тайном лагере.

«Ну, вот и свой человек там, возможно не один», – отметил я про себя. Мы припарковались чуть дальше, и когда они проехали мимо двинулись за ним. Примерно через пару кварталов, парень вышел, я добавил водителю денег и на-

правился за парнем.

Тот уверенной, спокойной походкой направлялся к метро, я следом. Вскоре мы оказались на входе в Villja-31, и это становилось интересным. Он прошёл мимо полицейских и углубился в улицу. Я же подошёл к шлагбауму и стал выпрашивать полицейских о районе, а те от скуки стали рассказывать об его опасностях. Беседуя с ними, я не выпускал парня из вида, хотя он мог уйти далеко. Мне повезло, он прошёл метров сто и свернул налево. Ждать больше не было смысла и я, поблагодарив стражей порядка, отправился домой.

Дома вновь и вновь прокручивал в голове разговор с Джеймсом. Четкой картины пока не было, но опыт подсказывал мне, что он не зря уводит меня от того района. Эта база наёмников может и не принадлежала американцам, но была им подконтрольна, о чем свидетельствовало и свидание с тем незнакомцем. То, что тот скрылся на Villja-31, было интересно. Кто его там будет искать? Разве я, но потом. Я был почти уверен, что Джеймс даст мне список, но насколько он реальный, это вопрос. Там может оказаться отработанный вариант, которому всегда есть замена. Его рассуждения о контрабанде алмазов тоже полезная информация. Там это и было. Видимо, цепочка выстроена через тот лагерь. Есть над чем поразмышлять.

После восьми позвонил Лауре.

– Я надеялась, что ты позвонишь.

– Я не мог разрушить, твою надежду.

- Встреча прошла успешно?
- Не надо спрашивать, о чём мы говорили, я ещё думаю.
- До завтрашнего дня успеешь?
- А что будет завтра?
- Хочу пригласить тебя в гости?
- К себе?
- На этот раз нет. Но встреча, думаю, будет полезной.
- Для кого?
- Думаю, для тебя тоже. Так как?
- В котором часу?
- Встретимся у входа в торговый комплекс Moll El

Palermo Shopping в шестнадцать. Устроит?

– Хорошо.

– До завтра.

Ещё одна встреча, но на этот раз с другой службой, в этом я был уверен, не знал пока только зачем.

16

Утро было пасмурным. Выглянув в окно, я увидел ползущие по небу тяжёлые тучи. Их рваные края тяжело нависали над домами, отчего город стал серым и угрюмым. Редкие прохожие, торопились, боясь попасть под дождь, который мог начаться в любую минуту.

Первые капли ударили по стеклу и стекали неровными зигзагами, за ними появились следующие и дождь припу-

стил. Улица опустела. Мутные ручьи неслись вдоль дороги к стокам. Шум дождя усиливался, и эта непогода чуть испортила мне настроение. Я задвинул шторы и прошел на кухню в легком унынии, чтобы сварить кофе. Идти под дождем за выпечкой не хотелось, и я довольствовался хлебом с сыром. Лишь ароматный кофе поднял настроение. Времени до встречи с Лаурой было еще много, но продумывать варианты встречи, не имея никаких данных – трата времени. Можно было думать что угодно, дать волю своей фантазии, а реальность будет иная.

С Центром я пока не связывался. Передавать, кроме того, что передал, было нечего. Вот после встречи, может быть, появится новая информация и я увижу приоткрытую дверь в завтра.

В офис редакции я тоже не пошел. За окном стало тихо, выглянув, я увидел, что дождь закончился, а значит надо прогуляться по городу, и, захватив зонт, набросив легкую куртку, вышел.

Ехать на машине на встречу, не видел смысла, так как неизвестно когда буду возвращаться, да и как на двух машинах? Ехать друг за другом? Я оставил её в ближайшем гараже, оставлять на улице опасно.

Под тучами я шёл по улице, на которых уже появились горожане. Около часа я потратил на прогулку, запоминая город, не в свете солнечных лучей, как я привык, а пасмурную неприятную погоду. Снова начался мелкий дождь, и я

зашёл в ближайший бар. Справа от входа размещалась барная стойка, за которой бармен протирал стаканы. Стенка за стойкой было стилизована под стену сельской хижины, на полках позади бармена стояли бутылки с алкогольными напитками. Декоративная стенка отделяла зал от кухни. Глухая подсветка придавала всему интерьеру своеобразный колорит. В зале было около десяти столиков, за которыми сидело человек семь, так же, как и я, укrywшихся от дождя. Я сел на высокий табурет за стойкой.

– Красный мартини.

Бармен кивнул головой и через минуту передо мной бокал с мартини.

– Не важный сегодня день, – поделился я с барменом.

– Это для кого как. В такую погоду к нам чаще заглядывают.

– Да, получается, что может быть лучше плохой погоды – погода еще хуже.

Бармен промолчал. Дождь закончился, и я покинул бар. Несмотря на то, что завтрак был более-менее чем скромный, есть не хотелось. Идя по улицам, я несколько раз проверился, хвоста не было. Хотя его может привести Лаура. За десять минут до назначенного времени я укrywался у входа в Moll El Palermo Shopping. Дождя не было, но стоять на тротуаре в такую сырую погоду не хотелось. Я по привычке рассматривал прохожих, вглядываясь их лица.

В начале пятого, раздался звук клаксона, и я увидел сто-

ящий у обочины автомобиль. Оторвав свое тело от стены, которую подпираю всё это время, я подошел и сел впереди, рядом с Лаурой.

– Здравствуй, – посмотрев мне в глаза, произнесла она. Я ответил на её приветствие, и машина отъехала от обочины.

– Куда едем? – осведомился я.

– Если назову, тебе это может ничего не сказать.

– А к кому?

– Почему ты решил к кому?

– Потому что с тобой мы могли поговорить, где угодно.

– Приедем, увидишь. Надеюсь, ты не боишься?

– С тобой я ничего не боюсь.

– Почему со мной?

– Потому что доверился.

Дальше наш разговор перешел на ничего не значащие темы, чтобы скоротать время в дороге, а молчание вносит напряженность. Ехали мы на восток города и вскоре свернули на узкую улочку, состоящую из двух – и трехэтажных домов. Это был старый район, куда ещё не пришла мода урбанизации. Мы остановились перед приятного вида зданием, переделанного под офисы. Но не в это здание направилась Лаура, а в соседнее, которое было грязнее своих собратьев. На двери висела нелепая вывеска, где сообщали о своем существовании – разные конторы. Несмотря на внешний вид, внутри было чисто уютно. Мы поднимались на третий этаж, каждый этаж имел свой цвет. Первый был светло – синим,

второй темно-коричневым, третий бледно-серым.

Лаура шла впереди меня, так что я мог созерцать ее стройную фигуру. На ней был голубой костюм-двойка, волосы не просто спадали на плечи, а были художественно взлохмачены.

Чёрные чулки со швом, подчеркивали стройность ног. Чтобы как-то нарушить молчание, я сказал:

– У тебя сбились набок швы на чулках, – сказал я ей в спину, неизвестно, на какую реакцию рассчитывая, то ли злость, то ли смех.

Она чуть обернулась, чуть приподняла бровь:

– Тебя это смущает?

– Скорее возбуждает.

– В следующий раз, специально для тебя, я их надену швами вперед, чтобы ты мог их поправить.

– Мне нравится фраза. «Чем вы гладите женские чулки? Рукой!»

Лаура ничего не ответила на мою банальность, при этом зная, что швы на чулках в порядке.

На третьем этаже она свернула направо, прошла до третьей двери, и, не постучавшись в неё, открыла и вошла, я следом. В комнате наблюдался спартанский уют; тёмно-коричневый диван, кресла того же цвета, старый ковер на полу, заглушал шаги, вместо кондиционера вентилятор, холодильник стоящий вдоль стены. Всё это говорило о том, что здесь никто не живет. Никаких шкафов и прочих вещей. Мы были на конспиративной квартире.

И в этом кабинете, за массивным столом восседал мужчина, мне уже знакомый. Я вспомнил его имя – Антонио Дорадо, тот про кого Лаура сказала, что он влиятельный человек в СИДЕ. Белоснежная рубашка оттеняла его смуглое лицо, с выбритыми до синевы щеками.

«Что-то стало проясняться» – подумал я про себя, оставившись на пороге и закрыв за нами дверь.

– Проходите, господин Марше, – указал он мне на одно из кресел, сам же остался за столом. Лаура, включила холодильник, тот загудел достаточно громко

– Чтобы обескуражить микрофоны, если таковые где-то тут спрятаны, – пояснил Дорадо. Лаура тем временем села на диван.

– Удивлены? – спросил Дорадо

– В некоторой мере. Не ожидал увидеть вас, того, кто не хочет быть на виду.

– Вы правы, я не люблю публичность. Мне хотелось побеседовать с вами и ранее, но вчерашняя ваша встреча с Джеймсом, внесла коррективы в тему беседы.

– Я вас слушаю, – не акцентируя внимание о роли Лауры в этом деле.

– Вы знаете кто я?

– Точно нет, но из СИДЕ.

– Представлюсь еще раз. Полковник Дорадо, начальник одного из отделов контрразведки.

– И чем я обязан такой чести?

– Всё по порядку. Определенная степень открытости поможет установить взаимное доверие. Можете вы рассказать, о чём шёл разговор с Джеймсом.

– Вы сказали об установлении доверия, и вы пригласили меня сюда, может быть вы, и начнете, а я определю степень откровенности.

Полковник легко вздохнул: – Как видите, я не приглашал вас к себе в кабинет, значит, всё, что будет сказано здесь, будут слышать только трое.

– А микрофоны?

– Они не услышат, даже если и есть.

– Вы так уверены? У вас наверняка есть недоброжелатели.

– Конечно, есть, как не быть, – довольно улыбнулся он, – но этот холодильник шумит специально, так на всякий случай.

– Слушаю.

– Первоначально я хотел вас расспросить более подробно о том, тайном лагере, куда вы попали и об американской базе. Высказали мне своё мнение.

«Что их интересуют эти базы? Наверняка он знает и о той и о другой. Не может не знать – думал я, глядя на него. – А откуда он знает, что я там побывал спрашивать бесполезно, не выдаст он своего информатора».

– Но вы о них знаете?

– Безусловно. Иначе, зачем хожу на службу, но я там не был.

– Не приглашали?

– Увы.

– И терпите?

– Не всё так просто. Даже владея информацией, я не всегда могу ей воспользоваться в работе. Есть иные силы.

– Которые могут оказаться влиятельнее.

– И это тоже. Так что скажете?

– Это два совершенно разных объекта. Один, тот, куда меня увели принудительно, вероятно, для подготовки и не солдат национальной армии. Сужу по их отношению ко мне. Чудо, что удалось вырваться.

– Вы верите в чудеса?

– Это к слову, а так не верю.

– А во что верите?

– В себя.

– Это не мало, важно не переоценить. Извините, что перебил.

– Впечатление, что там контрабандой промышляют, но не наркотики, думаю алмазы.

– Видели?

– Нет, – соврал я. – подозрение, – понимая, что он мне не поверит. – Другая база – это цивилизованный американский лагерь, со всеми присущими атрибутами: постройки, спортивные снаряды, ангары, вертолеты. Насколько она легальна не моё дело. А что вы думаете о моих приключениях и что мне делать?

– Первоначально я хотел, чтобы опубликовали вашу статью о тех базах, не спрашивайте, откуда знаю, работа такая. Я бы помог с издательством, не обязательно в Аргентине. Но в этом случае вы могли бы стать нежелательным человеком в стране, и вам пришлось бы уехать. Тут мы узнали, что вас заменяют и вы свободны. Запросы на въезд журналистов не остаются без внимания моего отдела, – развеял он напрашивающийся вопрос. – Чего бы лучше, но как стало также известно, вы не собираетесь уезжать, а хотите поработать, как бизнесмен, и вряд ли согласились бы с моим предложением. Но ещё одно событие заставило меня поменять взгляд – это ваше знакомство с Джеймсом. Когда Лаура увидела, что он направился к вам, то ей стало ясно, что вы знакомы. Я об этом не знал, и не надо много ума, чтобы догадаться, что он вам предложил встречу.

– Вы его так хорошо знаете?

– Не достаточно хорошо, но что-то знаем. Джеймс имеет хорошие мозги, но семья его так богата, что он мог бы ими и не пользоваться, но выбрал иной путь.

– Если он так умен, то наверняка знает, что Лаура работает на вас.

– Точно знать не может, но догадывается.

– Тогда зачем вам их встречи? Знакомство?

– Обычная игра между службами. Он здесь, как представитель инвестиционного фонда, а не сотрудник ЦРУ. Он ей что-то рассказывает, мы детально проверяем, отсеивая дез-

информацию, и пытаемся разгадать текущие планы.

– А она ему?

– Совершенно верно. И он поступает также. До сих пор наши интересы не входили в противоречие, а сейчас разошлись.

Полковник встал, достал из холодильника бутылку воды, два стакана и посмотрел на Лауру, та отрицательно покачала головой. Он налил воду в холодные стаканы и один предложил мне.

– Хоть на улице и пасмурно, но душно, – и включил вентилятор.

Я взял стакан и, почувствовав прохладу, чуть отпил.

– Далее, – продолжил он. – Исходя из вашей встречи, вероятнее всего он предложил не публиковать статью и мог предложить деньги.

– Я не бедствую, чтобы продавать подобные вещи.

– Я это знаю, ваш счет не вызывает сомнений.

Понятно, почему за мной следили, после открытия счета. Между тем полковник продолжал: – Здесь, как я и сказал, мы расходимся с ним. Джеймс интеллектуал, у него прекрасное образование про него говорят, что «он не пьет виски ранее семи часов утра и не бьет женщину, не сняв шляпу». Он специалист по выстраиванию цепочек тайных операций и преуспел в этом. Он курирует очень большие суммы. Через него проходит финансирование отдельных чиновников, не исключая, что некоторые террористические операции в

Латинской Америке, для создания напряженности, поскольку приличная часть денег оседает в фонде. Тот лагерь, готовит радикалов. По каналам Джеймса проходит оружие, работы по промышленному шпионажу, контрабандой не брезгует, но исключительно алмазами, наркотики табу. Здесь наши интересы сходятся. Я вам достаточно сказал.

– Это факты или предположения?

– И то и другое. Что вы теперь скажете?

– Мне надо подумать. Предположим, что во время нашей встречи, он сделал то предложение, что вы озвучили. Денег я не возьму.

– Я это понимаю, и думаю, что вы запросили что-то взамен.

Не глуп был полковник, очень не глуп. Сделка, если она состоялась, должна быть взаимовыгодной, так как деньги не фигурируют.

– Но я не пойму, если в начале вас интересовали базы с точки зрения возможного ликвидации, то теперь получается, у вас есть к ним интерес. Вы что закрыли глаза?

– Нет. Усилию бдительность, такая возможность появилась в связи с некоторыми смертями, – он не стал в отличие от Джеймса приписывать их мне, просто не упомянул меня. – Мне будет интересна та информация, что вы запросили у него.

– Откуда вы можете знать, что я мог попросить. Может быть, номер его личного телефона.

– Обмен может быть только равноценным. Вы хоть и условный журналист, но вам могли предложить информацию по какому либо картелю. Вы оставляете в покое его и его базы, а то, что он их контролирует, это ясно. Слишком близко они расположены, а янки не любят вблизи себя чужих. Это мое мнение.

– А мне то, что достанется?

– Прикрытие, свободное перемещение, помощь в отправке произведений искусства.

– И всё?!

– А чтобы вы хотели?

– Но у меня легальный бизнес. Даже если я ничего не отправлю, то потери будут минимальны.

– А чтобы вы хотели? – повторил он.

– Страховку. Вы мне дадите материалы на Джеймса и операции его фонда.

– А это вам зачем? – растерянно спросил он.

– Защитить свою жизнь от случайных необдуманных шагов Джеймса, а также ваши совместные операции. Это страховка от вас и от него.

– Не многовато будет? Не подавитесь?

– Я всегда ем не торопясь. Дело в том, что у вас на руках будут документы на ваших противников, если в этом списке нет вас самих.

– Теперь понятно. Неплохо вы с ним сторговались. Но от меня защиты нет.

– Если вас там нет, но от вас я получу иные бумаги. И в общих интересах молчать. Мы с ним ни о чем не договорились, мы оба думаем. Предлагаю это сделать и в нашем случае.

– Согласен. Знаете, что меня не перестаёт удивлять, так это то, что случайный человек, заставляет целые службы идти на компромиссы. Простой человек всё спутал.

– Шестеренка ломается, если в неё попадает болт, случайно там оказавшийся.

– Болты либо подкладывают, либо плохо прикручивают.

– Я вас понял. Берем время на раздумье?

– Когда у вас встреча с Джеймсом?

– Полковник, давайте договоримся о терминах. Я на вас не работаю и не собираюсь. Мы обговариваем возможность сделки. Разовой сделки. И всё. Поэтому, не будем друг перед другом отчитываться. Я сообщу вам через несколько дней.

– Пусть так. Когда будет что сказать, позвоните Лауре.

– Но подведем итог, – предложил я. – Я передаю вам данные, что предоставит мне Джеймс о каком-либо картеле и список лиц, с кем он поддерживает отношения, а вы мне в этом случае, список его операций. Всё верно?

– Верно.

Обмениваться рукопожатием, мы не стали и я в сопровождении Лауры проделал обратный путь на улицу.

– Куда теперь? – поинтересовался я.

– Тебе куда надо?

– Я сегодня вообще не обедал, а времени уже шесть. Составишь компанию?

– Поехали.

Проверяться на наличие слежки я не стал. Даже если она и была, то это их проблема. Я все равно ничего не мог изменить, а уж тем более «отрываться». Лаура остановилась возле небольшого, с виду непримечательного ресторана, где нас быстро обслужили.

– Ты очень рисковал сегодня, – поделилась она впечатлением от встречи.

– Помнишь, ты как-то сказала, что есть люди, которые могут торговать временем. Так вот я сегодня совершал сделку и покупал время. Без подобной страховки моя жизнь ничего не стоит, разве цены пули. Автомобильная авария. Но я не знаю, согласится ли он в конечном итоге на сделку.

– Он согласится. Я его знаю. У него много недоброжелателей и ему нужны рычаги на других. Он не самый плохой человек в СИДЕ, но он не любит когда ему выдвигают условия, а ты выдвигал.

– Значит обстановка такова, что он вынужден на них согласится. Я тоже не дал согласия. Могу передумать и уехать.

– Просто уехать сложно, ты увяз.

Я смотрел на неё и промолчал. Варианты отхода у меня были, но откуда ей это было знать, но разуверять её я не стал.

После кофе спросил: – А куда теперь?

– Поедем поправлять мне швы на чулках, – предложила

С одной стороны это только кажется, что задача, стоявшая передо мной, проста. Вроде бы получил одни документы, сделал копии и обменял на другие, как брокер на бирже. Но это только кажется. Я был зажат с обеих сторон двумя спецслужбами и втроем, естественно, я между ними, мы идем вперед, только вот они знают куда идти, а меня ведут. Что они обо мне думают, я мог только догадываться, но пока из роли журналиста и продавца искусства не вышел. Хотя уверен, за простачка не считают. Игра становилась все интереснее. Дураков среди моих «компаньонов» по движению вперед не было. Фактически я мало о них знаю, а уж цели, что они озвучили наивны. Учитывая то, что я теперь находился в свободном плавании, то надо быть более осмотрительным. Так я рассуждал лежа в постели на другое утро. Спешить ни куда не хотелось, да и не было необходимости.

Часы показывали девять утра. Вернулся я от Лауры в полночь, и выспался.

Свет проникал в комнату сквозь плотные шторы, по его яркости я понял, что на улице снова солнце. Потянувшись, прошел в ванную, принял душ, сходил за круассанами и, сварив кофе, предался наслаждению ароматом свежей выпечки и кофе.

Поняв, что время не ждет, я после завтрака прошел в комнату и составил шифровку в Центр. Выйдя из дома и покрутившись по городу, оставил в тайнике парка Трес де Фебреро сообщение. Как всегда, прежде чем подойти к тайнику я проверился несколько раз, слежки не обнаружил. Пока в ней не было необходимости ни у того, ни у другого. Конечно, можно предположить, что время, взятое на раздумье, я могу использовать для контакта, если я агент, но они не могли знать, что я не выхожу на визуальный контакт. Тем не менее, я покрутился на машине по городу: заходил в магазины, кафе, останавливался возле уличных торговцев. Иногда останавливал случайных прохожих, спрашивая что-то. Метод старый. Если ведется слежка, то надо замечать, кто по сторонам интересуется моим общением, да и пусть потом проверяют случайных людей, на это обычно уходит много времени. Пока все было чисто.

Солнце начинало припекать, и я укрылся в тени деревьев. Достал из сумки блокнот и ручку, набрасывая статью. Должен же я был оправдывать профессию журналиста. Между тем оставил сообщение, а затем поехал в офис, где меня с улыбкой встретила Симона:

– Рада тебя видеть. Как себя чувствуешь? Свобода не тяготит?

– Я только сейчас понял, каково это ходить на работу ежедневно и ко времени.

– Вот! А Андре обижается, если утром меня вовремя нет

на месте. А я так вношу разнообразие в свою повседневную жизнь.

– Как Симон?

– Славный парень, общительный.

– Я что зашел. Я днем буду уезжать в окрестности, так что будет во мне необходимость, звоните утром или вечером.

– Куда поедешь?

– Хочу написать серию статей, но планирую проехать по странам, вот тогда будет цикл. Но основная задача, как понимаешь, это посмотреть, что-то для салона. Журналистика это так, чтобы поддержать редакцию.

Поговорив с Симоной еще с полчаса, я уехал, предварительно созвонившись с Густаво, и попросив его о встрече, а он пригласил меня к себе на работу. Его рабочий кабинет был в Национальном музее декоративного искусства.

Музей располагался на Авенида дель Либертадор 1902. Внешний облик здания, впечатляет. Войдя, я обратил внимание, что интерьеры по праву могут соперничать с покоями многих европейских дворцов.

Я прошёлся, по поражающего своими размерами парадному двухъярусному залу, где разместился огромный камин, а высокие окна и потолок, украшенные витражами придавали величественность. Впечатлил и Бальный зал с его зеркалами, люстрами и позолоченной лепниной. Коллекция в музее не большая, но в ней были представлены: Эль Греко, Фрагонар, Мане, Соролья. Кроме живописных работ, в музее представ-

лено много скульптур, гобеленов, старинной мебели, изделий декоративно-прикладного искусства, в том числе, великолепный севрский фарфор.

После того, как я нашел кабинет Густаво и мы обменялись приветствиями, я сразу перешел к делу:

– На мое место приехал штатный журналист. Теперь я могу посвятить себя своему делу, поэтому хотел бы посетить близлежащие страны. Вы можете мне помочь встретиться со знающими людьми?

– Я говорил, что помогу. А куда бы вы хотели поехать?

– Парагвай, Чили, Колумбия, Бразилия, Уругвай.

– Не мало.

– Времени у меня достаточно.

– Хорошо я поговорю со своими коллегами, чтобы вас приняли. Нужно время, может кого-то не окажется на месте. Скоро Новый Год.

Когда я вышел от Густаво, то подумал, что совсем забыл, что скоро Новый Год. Я здесь уже третий месяц, а кажется что уже давно. Здесь, в Южном полушарии Новый Год приходится на лето, хотя на календаре декабрь, к чему я не привык.

До вечера времени было еще достаточно, и я начал приводить отдельные сцены моего плана в действие.

Оставив на этот раз машину, проверив вновь, нет ли «хвоста», отправился на свою конспиративную квартиру. Там изменив внешность, отправился под видом старика в район

Villja-31. Я бродил возле вокзала, заходил в ближайшие магазинчики, где своим видом не привлекал внимания. Сидел рядом с проходом в район, кроша булку птицам. Кому интересен старик, сидящий и ничего не просящий. Моей целью было попытаться увидеть того парня, с кем встречался Джеймс. Понять – живет он здесь или приходил к кому. Так в наблюдениях я провел два дня. Утром ездил гримироваться и к району, а вечером обратно. За два дня я чуть примелькался полицейским, стоящим возле шлагбаума. На второй день я отважился зайти в район, и мне никто не препятствовал. Я прошел чуть дальше того места, куда свернул тот парень, успев увидеть небольшой двухэтажный дом покрашенный в зелёный цвет, зажатый с двух сторон такими же убогими домами. Возвращаясь обратно, услышал, как меня окликнули:

– Что отец, присматриваешь новое жильё?

Я обернулся, на меня смотрела женщина, развешивая белье на веревке.

– Да, – ответил чуть хриплым голосом

– Здесь жизнь тяжелая. Если надумаешь, то приходи, помогу найти жильё.

– Спасибо.

В тот день вечером позвонил Джеймс, сам.

– Вы где пропадаете? Я не могу дозвониться. Чтобы не было у вас вопросов, поясню, телефон дала Лаура.

– Полагаю, и без неё справились бы. А так, нашлись дела. Я теперь работаю на себя, мне никто за ожидание невозмож-

ного не платит.

– Не прибежняйтесь. Давайте завтра встретимся, если вы решили.

– Я подумал, что ничего не теряю, если соглашусь.

– Не теряете? – услышал я в трубке сдержанный смех Джеймса. – Вы приобретаете. За эту информацию вам заплатят. Приезжайте завтра, но не в ресторан, – и он назвал адрес. – В одиннадцать, вас устроит?

– Вполне.

Итак, он готов мне отдать один из каналов трафика, за моё молчание. Несколько неравноценный обмен для него. Моё молчание в целом ничего не стоит.

На встречу с Джеймсом я поехал на общественном транспорте. Когда я сел в автобус, следом за мной вошел мужчина, которого я по привычке запомнил, затем пересел на метро, а дальше пошёл пешком. Не доходя нужного дома, я заметил у перекрестка машину, в которой сидел тот же мужчина, из автобуса. Стало ясно, что присматривали. Это был ещё один довод в пользу выводов, которые напрашивались. В разведке нельзя верить никому. Возможно, это были люди Джеймса, но им какой резон проверять приду я или нет. Вероятнее это люди Дорадо, а значит, они знали, куда я иду. Ну что же это их минус, что я об этом узнал, но они об этом не знали, а для меня это плюс. В назначенное время я входил в квартиру. Это была стандартная двухкомнатная квартира, но чистая, уютная, обставлена со вкусом. Явно, что конспи-

ративная. Мы расположились в креслах, вокруг маленького столика, на котором стояли напитки и стаканы.

– Итак, мы пришли к соглашению, – уверенно заявил Джеймс. Он принялся раздражающе стучать карандашом о стакан – проверенный метод посадить электронику, которая могла быть в комнате.

– Получается, что так.

– Мне полагается верить вам на слово.

– Если хотите предложить, чтобы я написал расписку, то на этом и закончим встречу. Я ничего писать и подписывать не стану, тем более обещания.

– Вы правильно мыслите, но также понимаете, что если вы нарушите своё обещание, то...

– Я все понимаю. Что далее?

– Далее через несколько дней вы получите информацию о месте лагеря, через который проходит контрабанда, а также о поставке и так далее. Ну, и как приложение – лица в известных кругах, – голос его звучал тихо, почти не слышно. Затем взял со стола блокнот и написал на нем фразу, поднес к моим глазам, чтобы я прочел, поджог листок, растер пепел в пепельнице, что стояла на столе. Там было написано, где мы встретимся в следующий раз и где получу информацию через три дня.

– А посмотреть могу сам процесс?

– Извините, Жан, но организовать туда экскурсию я не смогу. У меня не турагентство. Единственное, что могу ска-

зять, где и когда будут свободные места для зрителей.

– Это уже не мало.

– Но вы ничего не предпринимаете, пока не согласуете со мной. Я имею в виду, конечную цель – публикацию. Для эффекта всё должно быть одновременно.

– Я это помню, даже то, что моя роль второго плана. И долго надо будет ждать?

– Не надо торопиться, нужно выбрать время. Вы куда-то торопитесь?

– Я могу уехать по своим делам

– Когда планируете?

– Густаво обещал дать контакты через неделю, уже после Нового Года.

– Не факт, что придется поехать позже. И берегите себя, всякое может случиться с одиноким путником.

– Спасибо за заботу. Всё?

– Да, пожалуй. Если что понадобится раньше, звоните.

После обеда я вновь оказался возле Villja-31, но на этот раз я был просто любопытствующий турист, с усами в шляпе и рассматривал чудной район. В этот день мне повезло. Парень вышел из дома и направился вдоль улицы. Отпустив его, я с праздным видом отправился следом. Пройдя пару кварталов, я обнаружил, что он интересен не только мне. Мужчина средних лет, в темных брюках, рубашка на выпуск, легкая куртка тоже следовал за ним. По виду этот был из местных. Наблюдаемый умело проверялся, используя

старые, но проверенные методы: сворачивал во двор и появлялся, заходил в магазины с прозрачными витринами, откуда можно видеть улицу. Тот тип его в итоге потерял, а я не открыл для себя ничего нового, он встретился с Джеймсом. Мне было очень интересно узнать, о чем они говорили, но, увы, это было невозможно, а подойти и попросить послушать, было не вежливо.

Вернувшись, домой, я позвонил Лауре.

– Встреча состоялась, но надо подождать несколько дней. Товар передадут позже, я скажу, когда получу.

– А как ты сам?

– Да вот собираюсь поехать по странам. Густаво обещал помочь.

– Когда планируешь?

– Точно не знаю.

– Береги себя.

– Мне в последнее время уже не раз говорят об этом. Какая-то всеобщая забота обо мне. Я даже начинаю проникаться уважением к значимости своей персоны.

– Ну, это временно, дорогой, – успокоила она меня.

– Ты так думаешь? Тогда надеюсь, болезнь не будет прогрессировать.

– Жду звонка.

После разговора я снова предался своему основному занятию – раздумьям. Мозаика ещё не сложилась в общую картину, но её отдельные части начали обретать реальные очертания.

тания, и я уже смутно представлял общий рисунок, но пока не всех элементов хватало.

Новый Год я встретил в кругу своих бывших коллег журналистов, а в последующие дни, я специально поехал по окрестностям, чтобы оправдать своё отсутствие дома, чтобы привыкли, что меня нет, а также, чтобы подготовить статью о жизни обывателей. Должен же был чем-то заниматься. Побывал в библиотеке, где взял несколько книг, в которых описывалось искусство народов Латинской Америки.

Вечером, дома просматривая газету, что покупал ежедневно, я обнаружил сообщение, что адресовано было мне, и что мне оставлена информация.

Я не знаю, кто был резидентом нелегальной разведки от Центра в Аргентине, но отработали они быстро.

На другой день с уличного телефон-автомата я позвонил по известному мне номеру. Меня быстро пальцы, чтобы не смогли засечь набираемый номер, позвонил:

– Вы продаёте автомобиль?

– Да, его можно посмотреть на стоянке, на пересечении проспекта Санта Фе и Кальяо. Номер 314.

– Марка «Форд»?

– Нет, «Ситроен».

– Жаль я хотел «Форд»

– Ничем не могу помочь.

Теперь я знал, что там стоит «Форд» с номером 437, я просто добавил недостающие цифры, по нарастающей к каж-

дой. Пройдя процедуру переодевания и прибыв на указанный перекрёсток, я нашел нужный автомобиль. Дверца была не заперта. Переоделся я специально, так как не знал, где владелец, и не стоит ли он случайно в стороне. Зачем ему видеть моё лицо. Достав из-под коврика ключ, я выехал и, проехав до пересечения с проспектом Кордоба, припарковался. Достал из-под пассажирского сиденья пакет, положил его в сумку и вышел.

На конспиративной квартире я внимательно рассмотрел посылку. В ней был мощный, скоростной радиопередатчик, пистолет с глушителем, две пачки патронов, мягкие микропленки и информация на Джеймса и Дорадо. Я начал с Джеймса.

«Джеймс Болак, 43 года, женат, двое детей. Из богатой семьи, что владеет химическими предприятиями. Является кадровым сотрудником ЦРУ. Некоторое время работал в АНБ, но перешел на оперативную работу в ЦРУ. Причина перехода не известна, но предполагается, что не без участия руководства ЦРУ, где у его отца хорошие связи. Перейдя, сделал карьеру, став куратором по Аргентине. Знает испанский. Выдержан, но жесткий. Способен на физические меры. Мягкотелость – видимая. Аналитические способности позволили продвигаться по служебной лестнице. Специалист по организации финансирования оппозиции, а также подкупе чиновников, умет найти компрометирующие материалы. Может иметь отношение к финансированию органи-

заций для создания очагов напряжения, не только в Аргентине. Скрытен. Представляет интерес для разработки».

Ничего особого нового, что мне поведал уже полковник. А что у нас по нему?

«Полковник Дорадо, – начальник отдела контрразведки. Влиятельный человек в среде правительства. Честолюбив. Из бедной семьи, что сказывается на его поведении, для занятия высокого положения. В начале карьеры активно сотрудничал с ЦРУ, что благосклонно сказалось на его карьере. По мере продвижения, контакты с ЦРУ стали ослабевать. Явных встреч не происходит. Женат. Двое детей. Имеет собственный дом. Очень жесток. Не останавливается перед насилием. Внешне старается быть добрым. Выхода на него нет, как и документов его компрометирующих. О его знакомстве с Джеймсом информации нет».

Прочитав записки, я их сжег, спрятал рацию и вышел, приняв свой привычный облик. Пистолет лежал в сумке, я не боялся, что вдруг подскочат и начнут проверять. Зашел в гараж, положил пистолет в грязную банку из моторного масла, предварительно завернув его в тряпку, и просто бросил банку в багажник машины. То, что лежит на виду, не всегда привлекает внимание.

сообщил, что пора встретиться. Встреча, как он и написал прежде, состоялась по указанному им адресу. Едва я прошел к столу и сел на стул, он достал карту, предварительно включив магнитофон, из которого раздалась джазовая музыка.

– Вы немного разбираетесь в картах?

– На уровне школьной программы.

– Смотрите сюда, – говорил он тихо, но чтобы я слышал. – Вот здесь, – он указал на точку на северо-западе страны, – почти в Андах, на границе с Чили находится перевалочный лагерь. Мы о нём знаем. Продукция поступит из Боливии. База в спокойном районе, малонаселенная местность. Здесь можно отследить. За границу не стоит соваться, там ваша жизнь не дороже пули, а их там много. Маршрут проходит вот так, – Джеймс провел карандашом по еле заметной линии, означающей тропу.

– И что делается потом?

– Фасуется и расходится мелкими партиями.

– И вы контролируете цепочку?

– Ничего мы не контролируем, не надо нам приписывать такие грехи. Вы хотели посмотреть, как я помню?

– Есть такое желание видеть всё самому.

– Экскурсии туда не ходят. Ближе к лагерю на тропе есть хорошая лесистая местность, там можно затаиться. Вы же умеете это делать, – иронично прозвучал его голос. – Вот здесь деревня Чако, – ткнул он карандашом в точку, – от неё до лагеря километров десять.

– Так близко?

– А вы думали, здесь расстояния сотнями измеряются?

– А это что, – указал я на другую точку.

– Деревня, но названия я не знаю.

Я автоматически запоминал карту.

– Что могу предложить. До Чако можно добраться на автобусе, правда ходит он от районного центра раз в день, и то нет вероятности. Там вас встретят и проводят пару километров, а дальше сами.

– А на машине?

– Можно и на машине. В ближайшее время, а точнее 25 января придёт новая партия.

– Достаточно точные сведения.

– А иначе, зачем мы здесь. Друзей надо иметь везде.

– И могу видеть поступление?

– Жан, увидеть, я думаю, можете, я же указал вам дату, но вот сможете ли рассказать?

– Почему нет?

– Потому что опасно, я сопровождение я вам дать не могу и так много рассказал. Мы можем просто предоставить материалы.

– Нет, я должен быть уверен в их достоверности.

– Дело ваше, – пожал плечами Джеймс. – Ещё есть вопросы?

– Список.

– Я не забыл, – и он достал из комода листок, на котором

были фамилии, должности, суммы.

Я внимательно просмотрел их и сунул в сумку.

– Опасно так носить подобные документы.

– Ничего опасного. Этой информацией надо уметь воспользоваться, иначе она взорвется в руках.

– А вы сможете? Хотелось бы быть уверенным, что первая ваша профессия – бизнес.

– Нет. Это мой страховой полис. Я не думаю, что пущу его в дело. Пусть моя вторая профессия на данный период – журналист, это не значит, что быстрее побегу публиковать. Если не верите, то я это подтверждаю.

– А вот какой бизнес, – произнес он задумчиво.

Я посмотрел на него и тихо, но так чтобы он услышал сквозь музыку:

– Меня не оставляет смутное беспокойство. Зачем вы это делаете? Не из любви же ко мне и признательности.

Джеймс вздохнул: – Я вам уже это говорил. Понимаю, поверить трудно, но придется, другого варианта предложить не могу. Мы могли бы дать информацию в госорганы сами, но это чревато последствиями. Получается, что мы, американцы, знаем больше, чем местные службы. Значит, мы хозяйничаем на чужой земле.

– А разве не так?

– Не усложняйте. Нам лишний раз привлечь к себе внимание ни к чему. Предвижу вопрос. Они могут не раскрывать источник информации. Могут, даже приписать всё се-

бе, но это уже не нравится нам, да и не все могут молчать. Есть вероятность утечки информации. Понятно, что если бы они узнали всё сами, имея своих информаторов, но те долго не живут. Может и журналист быть местным. Но где его взять? Вы уже отличились. Насколько мне известно, СИДЕ уже знает о ваших приключениях, так что вы засветились и вам веры больше. Да и что делать журналисту в глухой деревне? Вы другое дело. Вы можете поехать искать для себя что-то. Этот лагерь и канал поступления нам тоже мешает, товар попадает и в США.

– Кому отдать информацию? Не могу просто прийти в СИДЕ.

– Сообщите Лауре, а она уже позаботится о дальнейшей судьбе материала.

– Она работает в СИДЕ? – изумленно спросил я, надеясь, что мое изумление звучало искренне.

– Ей бы больше подошло работать фотомodelью, но, увы, я не знаю, получает ли она там деньги, но вхожа.

– Вы так спокойно об этом говорите и общаетесь с ней.

– Не вижу причин для беспокойства. Я ей иногда подбрасываю идеи, информацию, зная, что её перепроверят, а за это получаю лояльность СИДЕ. Я их не трогаю, они меня. Очень удобно.

– А как мне быть?

– Не показывать вида, а потом попросить помочь, она не откажет.

– Тогда у меня всё.

– Когда планируете?

– Числа двадцать третьего. Ехать далеко. День в дороге, день на осмотр.

– Разумно, желаю удачи, – он выключил магнитофон, в который мог быть вмонтирован динамик для записи. Я встал со стула и направился к выходу.

– Жан, – окликнул он меня, я обернулся. – Не делайте глупостей. Второй раз вам может не повезти. Удача капризна и может не прийти на выручку.

– Она всегда приходит к тем, кто в первую очередь рассчитывает на себя. Встреча с ней не бывает случайной, к ней надо идти целеустремленно и самому. Но я вас понял. До встречи, – и вышел.

Ну, вот, теперь всё зависит от меня. Беспokoило то, что он легко отдал мне информацию, а я привык не доверять подобным людям, да и вообще любое сомнение, оставленное без внимания, могло привести к краху, в данном случае моему, а я этого себе позволить не мог. Несмотря на мою беспокойную жизнь, я её любил, а значит, должен беречь её.

Всё бы хорошо, но предстояла встреча с Дорадо, а значит, надо было звонить Лауре.

– Привет, дорогая, как ты думаешь, встреча может состояться?

– Если со мной, то всегда, а если нет, то, что предлагаешь, – поняла она меня.

– Завтра, утром.

– Я тебе перезвоню, – сказала она, не задавая лишних вопросов.

Через полчаса она перезвонила и сообщила: – В одиннадцать. Дорогу помнишь?

Коротко и ясно. Ну что же завтра может быть еще что проясниться, и я получу ответы на некоторые вопросы или буду их иметь еще больше, но были подозрения, что ответы я уже знаю, даже на вновь возникшие вопросы.

Когда я лег спать, то мозг прокручивал варианты развития событий, как прошедших, так и возможных. Я соединял их в цепочку, разрывал, видя их бессмысленность, и соединял новую. В итоге поняв, что это может грозить бессонной ночью, прибег к системе, что обучали: расслабиться и уснуть. В последующие дни мне предстояло много дел, а значит надо позаботиться о здоровье.

Утром проснулся бодрым, выспавшимся. Часы показывали семь. Хорошее настроение поддерживалось солнечным днем, хотя потом солнце разогреет воздух и с влажным воздухом создаст невыносимые условия, когда хочется прятаться под кондиционер.

Все утренние процедуры: душ, завтрак, я проводил не торопясь. Времени до встречи было достаточно. Ехать на машине не разумно, и я поехал на метро. Проверившись, убедился, что за мной все чисто, что ещё раз убедило в некоторых выводах. Слежки и не должно быть, пока во всяком слу-

чае. Опасности я пока не представлял и был для них предсказуем.

В одиннадцать часов, я постучал в дверь знакомой комнаты и, не дожидаясь ответа, вошёл. В комнате ничего не изменилось, только вентилятор был включен, а холодильник выключен. Все также за столом сидел Дорадо, но диван, на котором в прошлый раз сидела Лаура, пустовал. Увидев, что я бросил взгляд на место, которое пустовало, он пояснил:

– Это только для нас двоих.

Я пожал плечами, показывая, что ему виднее, и пройдя, сел на стул, что стоял перед столом. Не произнося лишних слов, достал из сумки лист, где было написано «пора», и положил перед ним.

Полковник посмотрел, довольно хмыкнул, достал из стола карту. Я понял его и, привстав со стула, наклонился над ней, делая вид, что ищу место, что должен показать, изображая неопытность, и указал на точку:

– Здесь.

– Когда?

Я тихо произнес: – Двадцать пятого.

– А список?

Я положил перед ним список лиц, на которых имел влияние фонд, Дорадо в том списке не было.

Он довольно рассматривал, уголки его губ растянулись в улыбке, в предвкушении сладостной мести.

– Теперь ваш ход, – отвлек я его от мыслей.

Полковник досадливо передёрнул плечами и достал из ящика стола листок, положил передо мной. Я стал его изучать. Текст был мелкий, чтобы занять меньше места. Информация была достаточно интересна, в ней были даты и финансовые операции фонда, суммы, кто получатель. Сложив листок, я убрал его в сумку.

– Как и договаривались, – произнес я, – но можно вопрос?

– Задавайте, а я подумаю, отвечать на него или нет.

– Зачем вам всё это? Не думаю, что ради меня.

– Правильно думаете, я хочу, чтобы он уехал.

– Приедет другой.

– Вероятно, – согласился он, – но на налаживание, обустройство потребуется время, а мы попробуем ему помочь найти нужных людей.

– И не бойтесь?

– Мне бояться нечего, я у себя дома. Вот вам есть что бояться. Он человек жесткий. Если что, не по его, сами понимаете.

– Зато вы меня подставляете, если я ему покажу информацию или намекну.

– Вы это уже сделали сами. А источник, откуда вы получили данные, может быть разный, учитывая вашу профессию. Мы знаем, кто ваш источник я, а другим не нужно. А опубликовать то, что он вам дал или даже частично, что дал я, сможете, когда я вам скажу. Кстати, информация могла поступить из США, утечка может быть везде.

– Получается, что я шпион.

– Все мы шпионы в этой жизни, вопрос в том, за кем или за чем шпионим. Чужое всегда интереснее своего. Если у вас всё, расстаемся.

Я, не прощаясь, вышел и направился в центр города, где мог затеряться в больших магазинах, чтобы спокойно доехать до конспиративной квартиры. Там я зашифровал полученную от обоих информацию, сфотографировал, спрятал оригиналы и шифрограмму до лучших времен. Передавать не проверенную информацию мне не хотелось, да и выходить на связь, в свете последних событий, решил, в крайнем случае, чтобы потом уже исчезнуть, что было не просто. Я не мог просто исчезнуть, я должен был уехать, при том также официально, как и прибыл, а вот в этом были сложности. Но и рисковать материалом, который мог остаться здесь, если я не вернусь, я не мог. Поэтому шифровки и копии, вечером заложил в тайник. Это был резервный тайник, информацию в котором проверяли во второй вторник каждого месяца, на всякий случай. Вторник этого месяца уже прошел. Завершив дела, я вернулся домой, заехав по пути в кафе, где собирались мои коллеги по перу, в их числе был и Симон.

– Чем промышляешь на жизнь? – поинтересовались они.

– Собираюсь в турне по странам, потом сделаю серию статей, надеюсь, что примут в печать, а также надо заниматься своим бизнесом. Симон, – обратился я к нему, – по возвращении у меня будет дело, так что не исчезай, как я. Держись

за город, а я тебе кое-что подброшу.

Домой я вернулся поздно, но едва вошел, раздался телефонный звонок, словно кто смотрел, когда я появлюсь дома. Это была Лаура.

– Всё хорошо?

– Да, всё как мы договаривались. Стороны пришли к согласию и расстались.

– Я же сказала, что он согласится.

– Я не был до конца в этом уверен, как не очень понимаю мотивы его поступков.

– А у него спрашивал?

– Ответ был логичен, но не убедителен.

– Не забивай себе этим голову.

– Думаешь это возможно? К сожалению, голова не решето и мозг хранит все, что в него попало. Меня несколько дней не будет, покатаюсь. Пора заниматься бизнесом. Не скучай.

– Я думаю, что тебя и журналистика прокормила бы.

– Ошибаешься, у меня хороший аппетит, я привык к лучшему.

– Я это заметила, это относится и к женщинам.

– Вот видишь. Всё про себя ты знаешь.

– Будь осторожен.

– Боишься за меня? Почему?

– Ты хороший мужчина, жаль, если что случится с тобой.

Это я, как женщина, говорю. Спокойной ночи, – и положила трубку.

Я осмотрелся, присматриваясь к вещам. Уезжал я на несколько дней, ничего компрометирующего у меня в квартире не было, даже если кто решит зайти в гости в отсутствие хозяина.

На другой день я начал готовиться к поездке. Купил в аптеке различные препараты, травы, химические вещества, крем в театральном магазине, обувь для похода в лесу, рюкзак, в общем, всё то, что было мне необходимо в поездке, не забывая про продукты.

Очень долго я просидел над картой, изучал маршрут движения, вымеряя метры, запоминая повороты дорог, изгибы рек. К полуночи я был готов, чтобы поутру отправиться в путь.

19

Утром выпил кофе, зная, что в течение нескольких дней вряд ли смогу себе это позволить. Снова и снова прокручивая в голове, всё ли взял, что положил в рюкзак.

Тихий мой отъезд, заключался в том, что выехал я на сутки раньше, а не как сказал Джеймсу и на то были причины в виде догадок, которые в последствии, оказались верными. Сама поездка не предвещала удовольствия. Иногда я, как и прежде, задавал себе вопрос. Зачем я это делаю? Тот же вопрос я задавал Джеймсу и Дорадо. Я бы мог не ехать, спокойно получив документы, распорядится им так, как задумал.

мал уже давно. Моё здание состояло не в поиске тайных контрабандистов и их лагерей, и как к этому причастно ЦРУ. Это не плохо, если удастся узнать, но основного задания я все ещё не знал. Вторая половина того, что я прочитал в донесении по приезду, ещё не была реализована. Чувство, что всё это одно из звенев цепочки событий, оставалось, и порвать его было глупо. Я не верил ни Джеймсу, ни Дорадо, впрочем, как вероятно и они мне, не верил в точность документов. Хотя Джеймс не мог дать «дезинформацию» иначе всё становилось ясным. С его стороны документы были подлинными, но поручиться за всю правдивость списка я не мог. Те операции, что мне выложил Дорадо, тоже были сомнительными. Вот чтобы понять, и прояснить истинную игру, я и должен был поехать.

Перед отъездом, я осмотрел квартиру, вышел, спустившись тихо по лестнице, и оказался на улице, которая была еще пустынна. Солнце только еще поднималось над крышами домов, утренняя прохлада бодрила. Город практически еще спал.

В гараже я положил в багажник рюкзак, где уже были две канистры с бензином, на всякий случай, и выехал.

Шоссе сначала вело на север, и солнце светило в боковое стекло, но постепенно брало направление на северо-запад. Я направлялся в район города Сан-Рамон-де-ла-Нуэва, что на северо-западе страны, в долине реки Рио-Бармехо. Мне предстояло углубиться дальше в тропические леса, что рас-

полагались между двух горных хребтов, протянувшихся с севера на юг, путь был к границе Боливии. Ехать было далеко.

Машин поутру было мало. Выехав за город, я увеличил скорость, но в пределах разрешенной, иногда обгоняя грузовики. Лента дороги петляла среди заболоченных равнин, перелесков. Когда я отъехал километров на пятьдесят, то заметил, что на почтительном расстоянии от меня идет легковушка. Раньше её не было видно. Это меня не удивило, она догнала меня и оставила в пределах видимости. Кто-то дежурил на выезде из города, и как только я выехал за пределы городской черты, мою машину засекли и сообщили. Не поверили, что поеду двадцать третьего. Этого я и ожидал и был почти уверен, что в деревне меня не ждут с оркестром и цветами. Идущая сзади машина не охраняет, а контролирует мое движение.

По объездной я объехал город Росарио, достаточно крупный административный центр, где можно было затеряться, но отрываться не стремился, чтобы они не запаниковали и кто-то другой, возможно, более скрытный, встречал меня на пути в другом месте. После города Сан-Мигель, дорога пошла строго на север. Я останавливался, но очень ненадолго, чтобы перекусить и заправиться бензином. Карта дороги и местности, куда я направлялся, лежала рядом на сиденье. После Сан – Сальвадора, когда осталось ехать километров сто пятьдесят, я ещё держал дистанцию между машиной сопровождения до Сан-Рамона, но потом должен был исчез-

нуть. Кто их знает, может быть, у них есть рация и они смогут передать и меня встретят в Сан – Рамоне. Пусть будут уверены, что я ничего не замечаю. После Сан-Рамона я резко увеличил скорость на серпантине дороги № 18, что уходила на запад. Вот здесь мне и пригодилась вся мощь двигателя, что была скрыта под капотом. Машина сопровождения исчезла из вида. Я обогнал пару грузовиков, и вообще стал вне пределов видимости. Не доезжая деревни Чако, я свернул на неприметную дорогу и углубился в тропический лес. Сейчас здесь было лето, а значит, погода была жаркая и влажная, что размягчало грунт, заставляя машину пробуксовывать. На западе были видны разнообразные рельефы вершин Анд, что создавали неповторимую красоту, но мне было не красот. Машину подбрасывало на ямах, но подвеска выдерживала, и я мысленно поблагодарил старого механика. Проехав немного, я загнал машину в кусты, набросив брезент, чтобы стекла не давали солнечных бликов днем. Ехал я почти шестнадцать часов и наступил вечер, ночь уже стояла у порога, а особенно здесь в лесу. Очертания деревьев потеряли свои четкие рельефы. Достал рюкзак, пистолет с патронами и быстрым шагом направился к деревне. Времени у меня было мало.

Ступал я осторожно, стараясь не шуметь. Успел во время. Расположившись на опушке, залег в кусты и стал наблюдать в бинокль, с антибликовыми стеклами, что приобрел в охотничьем магазине. Деревня была небольшая, маленькие дома.

Это давало возможность хорошего обзора. Вскоре сумерки прорезал свет, а затем из леса в деревню въехала машина преследователей и остановилась около второго дома от края. Из машины вышли трое мужчин, а из дома, какой неожиданный сюрприз, незнакомец для меня, но знакомый Джеймса. Я не предполагал, что он будет здесь, хотя такая мысль мелькала, когда они встретились после моей последней беседы с Джеймсом. Они о чём-то говорили, видимо обо мне. Они нервничали. Незнакомец ушёл в дом, и вернулся минут через пять. Если они поедут дальше, то моё предположение относительно Джеймса – только укрепиться. Так всё и вышло. Они развернулись и, выехав из деревни, свернули на дорогу, что вела к другой деревне, про которую я спросил у Джеймса. Тот, мой вопрос, не был случайным, это была попытка узнать, правильно ли я оценил ситуацию. Выходит правильно. Джеймс дал указание по рации, что я мог появиться в другой деревне.

Пока они ездили, в лесу стало совсем темно, но я дождался их возвращения. Ночью в лес они не пойдут, разве только утром. Я вернулся к машине, и, подкрепившись, лег спать. Спал хоть и чутко, но крепко.

Ночью прошёл дождь, и трава была влажной, как и воздух. Я выпил чай, закусил шоколадкой, галетами, затем достал карту, сверился с ней и, собравшись, взял курс на север к границе с Боливией. Надо было максимально пройти пока светло, там меня могли ждать, а я должен успеть раньше. У

меня в запасе времени уже не было, да и дату Джеймс мог назвать иную.

К лагерю я вышел до полудня. Подходя к дороге, что вела к нему, я услышал шум приближающейся машины, что ехала в сторону лагеря. Я нырнул в кусты и затих. Из-за деревьев выехал открытый джип, в котором ехали четверо, за рулем мой незнакомец. Не доезжая лагеря, почти напротив места, где я спрятался, джип остановился, и они вышли из него.

– Всё, дальше нельзя, – сказал мой незнакомец.

– Что будем делать Хорхе? Где его искать? – последний вопрос был явно о моей персоне.

– Откуда я знаю! Исчез, испарился. Может быть, кто из диких зверей на него нападет и он исчезнет совсем. Хотя это вряд ли, – с сожалением вымолвил Хорхе.

– Он что такой крутой?

– Для тебя хватит, если бы ты знал, как он умеет управляться. Даже то, что он исчез, говорит о его подготовке. Ладно, искать его в лесу – самим нарваться на неприятности, это я знаю не понаслышке. Надо осмотреться, где вам спрятаться. Завтра по этой тропе придет товар. Меня они знают, но то, что я им сообщу, не порадует, поэтому надо быть готовым к неожиданностям.

Неужели Джеймс замешан в контрабанде, – грустно подумал я. – Жаль. Я думал о нём лучше. Становилось ясно, что он не опасался моего появления и распространения той информации, что мне дал. Мертвые не говорят. Я не должен

отсюда вернуться, по его мнению, но это по его, с которым я был не согласен.

– Те, что придут завтра, очень недоверчивы. Никакого сигнала об опасности не ждите. Действуйте по обстановке, – продолжал Хорхе, и посмотрел в мою сторону. – Спрячьтесь с трех сторон.

– Не боишься?

– Они меня знают, но думаю, всё обойдется.

Они осмотрели места, где должны будут спрятаться завтра, и сев в машину уехали. Я вышел и тоже стал осматриваться. Джеймс обманул меня. Завтра прибудет товар, а завтра только двадцать четвертое. Хотя, мог быть вариант, что он тоже мог ошибаться, но это как вариант, если здесь замешан Хорхе, его информатор, который причастен к товару. Хорхе обманывал своих подельников, иначе он не устраивал бы игры в прятки. Он понимал, что информация о чужаке рядом с лагерем, внесёт подозрение, что его привел он, что частично было правдой. Я по обочине дороги пошел к лагерю. Это была территория, огороженная колючей проволокой, в центре стояло несколько деревянных зданий. Лагерь охранялся, и я постарался не попадаться на глаза охране, и перемещался по лесу очень осторожно, помня предыдущие встречи. Некоторые здания были жилыми. По территории никто праздну не ходил. В общем, лагерь, где можно проводить и военную подготовку и заниматься контрабандой. Я сделал несколько фотографий, обходя базу по пери-

метру.

В котором часу прибудет товар, мне было неизвестно, но время у меня было, и я пошёл по тропе, что указал Хорхе и углубился на пару километров. Затем вернулся и чтобы на меня завтра не наткнулись, выбрал место на выходе тропы на дорогу, а в глубине выбрал место для ночлега, возвращаться к машине я не собирался. Остаток дня провел в подготовке схрона. Посыпал вокруг него на траву химикаты, чтобы собаки не учуяли. Снова перекусил сухим пайком, воду брал из ручья, но бросал таблетки для обеззараживания. Вторая ночь прошла также тихо и спокойно, никто не донимал, ни насекомые, ни змеи.

Едва наступил рассвет, я убрал следы своего пребывания и выдвинулся к точке наблюдения. Время шло невероятно медленно. Вскоре прибыл Хорхе со своими поделщиками, которые спрятались и весьма неплохо. У каждого был автомат.

Когда издалека раздался еле уловимый шум, я посмотрел на часы. Было девять сорок пять, этот же звук услышал и Хорхе, который сидел в машине. Минут через десять на тропе показался всадник на лошади. За ним на привязи шла лошадь, за ней еще одна. Обе были гружены мешками. Вскоре за ним показались и остальные. Людей было десять человек и у каждого на привязи по две лошади. Я прикинул, что если каждая везла килограммов по семьдесят, то получалось почти полторы тонны товара.

Первый всадник, увидев Хорхе, остановился.

– Ты что здесь делаешь Хорхе?

– Жду тебя.

– Мы не договаривались о встрече, а незваных, гостей я не люблю. Говори, что ждешь.

– В округе появился чужой. Журналист. Хочет увидеть лагерь.

– Так проводи его, пусть посмотрит. Мы встретим, а вот обратно, он вряд ли уйдет. Вопрос главный. Кто навел его на этот лагерь?

– Откуда я знаю.

– Тогда откуда ты знаешь, что он здесь?

– По своим каналам. Как только он выехал из Байреса, его вели, но после Сан-Рамона, он исчез. Нет ни его, ни машины.

– И ты хочешь сказать, что это журналист?

– Черт его знает кто он. Он уже был в лагере на северо-востоке, попался. Но ушел.

– И вы не могли его там удержать, и даже потом убрать?

– Там он уложил несколько человек, а материал, что он имел, мог навредить другим людям. Я с СИДЕ и ЦРУ не хочу связываться.

– Что ты предлагаешь?

– В лагере я появляться не стану. Как всегда. Товар надо расфасовать, как можно быстрее. Завтра придет машина, заберёт и привезёт компоненты. Скажи охране, чтобы была внимательнее и прочесала округу с собаками, хотя он и с ни-

ми умеет управляться. Пусть собачки побегают.

– Сейчас и проверим. Спусти собаку, пусть разомнется, – обратился всадник к одному из седоков, который на длинном ремне держал овчарку.

– Да, зачем, – запротестовал Хорхе. Он побоялся, что она обнаружит его пособников. – Сделайте это массово.

– Ладно. Завтра я жду машину. Деньги будут?

– Как всегда.

Всадник дернул поводья, и лошадь направилась по дороге в сторону лагеря.

Когда караван скрылся, помощники Хорхе вылезли из своих укрытий, я же предпочел остаться.

– Всё, поехали. Вы уедете завтра утром, я а с той машиной.

Они уехали, и я выбрался из своего логова. До завтра я вновь был совершенно свободен. Неужели Хорхе ведет свою игру? Всё возможно, тогда я ему не завидовал. Я вернулся к спрятанной машине, с ней всё было в порядке. День провел в проработке программы действия.

На следующий день я видел, как трое уехали, а ближе к обеду в деревню въехал большой внедорожник. Я, лежа в кустах, сфотографировал номер, и когда она проехала, то вернулся к машине, пора было возвращаться в Байрес, там я должен был быть раньше Хорхе. В столице я был уже не нужным человеком, как минимум для троих. Вероятность, что меня там ждали, была велика, поэтому я гнал всю ночь и к утру въехал в Росарио. Поставил машину на какую-то плат-

ную стоянку, и поездом выехал в Буэнос-Айрес.

Появляться на своей квартире было безумием, поэтому направился на конспиративную квартиру. Столица город большой, операция была тайная, и моё фото не отдали полицейским, но и ходить открыто я пока не мог. Я перешел на нелегальное положение в полном смысле этого слова.

Первое, что я сделал – принял душ, переоделся, в тот минимум одежды, что у меня был здесь, выпил кофе. А затем обычная процедура гримирования. Скоро по улице шел мужчина с густыми бровями, в темных очках, с легким шрамом у глаза. В киоске я купил несколько газет, в том числе и вчерашние, чтобы знать, что происходит в городе. В Буэнос-Айресе издается несколько десятков газет, выходящих утром, днем, вечером. Каждая газета стремится сообщить самые свежие новости.

Неожиданности были. Меня извещали, что для меня оставлена информация.

Я позвонил по телефону и спросил:

– Могу я услышать Мигеля?

– Он уехал с ребенком в ботанический сад, – ответил мне мужской голос.

Я теми же ногами направился туда, и уже через три часа дома читал информацию. Мне сообщали, что через неделю я должен быть в Рио-де-Жанейро в отеле Granada, где был забронирован номер от имени компании Rio Turist, где была назначена встреча.

Ясно, что под именем Жана Марше, я не мог пересечь границу. Паспорт у меня был еще и не один. Больше всего меня расстроило то, что я должен был выйти на контакт. Сколько лет я избегал подобного. Что же такое произошло, что Центр решил пойти на такой шаг? Мне указали, что после одиннадцати мне надо прийти в номер 32. Столько лет на нелегальной работе и вдруг показать своё лицо? Хотя почему обязательно показать. Об этом ничего не говорить. Контакт это ещё не значит лицом к лицу, а значит, есть возможность себя не показывать. В любом случае причина видимо достаточно весомая.

С таким, несколько неопределенным, настроением я уснул, не в лесу, а на кровати, зная, что до поездки у меня ещё есть важное дело. Пора было закрывать счета.

20

Мне очень хотелось познакомиться с Хорхе. Он мог мне помочь прояснить некоторые детали, которые пока вызывали сомнения. Помочь он мог, но вот захочет ли? Я думаю, что нет. Оставался самый простой способ уговорить его, чтобы он согласился. А для этого требовалось с ним встретиться один на один, с учетом фактора внезапности. Я знал, где он живет, и следовало его навестить, только вот район там был беспокойный, не пройдёшь просто так по улице, не постучишь в дверь. Ну, да особого выбора у меня не было.

Так я рассуждал утром, глядя из окна на узкую улицу, покрытую синевой смога. Жил я там, потому, как меня наверняка искали, хотя для многих я был в поездке по странам. За окном снова было пасмурно, мне повезло, что пока я был на севере, там только раз прошел дождь, так, что не пришлось сидеть в земле под дождем. Изредка по улице проезжали машины, проходил кто-то. Я спокойно наблюдал за обстановкой, никто меня не тревожил, но счетчик времени был уже включен до предстоящей, неизвестной мне встречи в Бразилии. Как туда добраться я представлял, но не на машине.

Подойдя к зеркалу в ванной, я посмотрел на себя, провел рукой по щеке, зная, что пора менять внешность.

Легкий грим изменил меня. Цвет волос стал темнее, появились усы, положил маленькие шарики в рот, чтобы изменить скулы. Очки дополнили картину. Специально приглядеться, можно узнать, но в толпе, проблематично.

Повесив на плечо старую потертую сумку, где лежала бутылка с водой, банка с пистолетом, тряпка, чтобы вытереть руки, пара бутербродов. Одет тоже не броско, джинсы, футболка, легкая черная куртка, главное было в обуви. Она была на резиновой подошве, чтобы шаги были тихими.

Осмотрев себя, и удовлетворенный результатом, я вышел на улицу. Выход был сразу на тротуар, так что никаких дворов, где всегда всё видно из окон. А здесь вышел и пошел вдоль дома. С пересадками я добрался до автовокзала.

Почти весь день я болтался вблизи входа в район Villja –

31, в надежде, что Хорхе появиться либо туда, либо оттуда. Хотя не обязательно он мог пройти именно здесь, посетила меня мысль. Это же не лагерь с ограждением. Это заставило меня поискать иные пути попасть в данный район. Наверняка, где не проходит машина, полицейских не ставят. Я решил начать с той стороны, где находился дом, куда заходил Хорхе. Медленно проходя, я осматривал дома и, пройдя метров сто, заметил небольшой проход между домами, пройдя по нему, я уперся в невысокий забор, перелез через него и, свернув направо по двору, вышел в ещё один проход, а по нему на улицу. Вообще район не значит одна улица, как в деревне. Повернув голову, я увидел вдали стадион. Сделав вид, что углубился в свои мысли, направился вдоль улицы вглубь района и первым же переулком вышел на улицу, где стоял дом Хорхе. Минут через пять я был возле того дома. Показывать свой интерес к дому мне не хотелось, но он был. Пока шёл, я смотрел на дома. Нельзя сказать, что это были трущобы. Всю эту убогость скрашивали цвета домов. Жители, как могли, старались внести колорит радости в свой окружающий мир. Иногда по дороге мне попадались люди, но интереса я для них видимо не представлял. Возле дома Хорхе я остановился и подошёл к узкой лестнице, ведущей на второй этаж, так как на первом, двери не увидел.

– Эй, ты к кому? – услышал я за спиной женский голос и, обернувшись, увидел крупную женщину, что стояла возле дома напротив. Она была в яркой юбке, красной блузке.

Крупные руки, оголенные по локоть, не чурались работы. Смуглое лицо с характерными чертами, черные волосы, явно говорили, что в её крови течет индейская кровь. В руках она держала хозяйственную сумку. Глаза ее выражали простое любопытство.

– Хочу зайти к Хорхе.

– А его нет уже несколько дней. Он здесь редко появляется. Не понятно для чего ему эта халупа.

– А что есть и другая? – спросил я удивленно.

– А то. Я сама не видела, но думаю, что есть. Видела его как-то в городе в машине, а здесь всегда пешком.

– А что наличие машины значит, что есть квартира?

– Наверняка есть. Он родом с этого района, но сумел выбиться в люди. Приходит по каким-то своим делам, а может чтобы отдохнуть от городской суеты, а может... – тут она замолчала, вдруг подумав, что может сболтнуть лишнее. – Так что его нет, хотя поднимись, вдруг пришел. Иногда он и ночью может прийти.

– А вы что наблюдаете?

– Больно надо! Вечером нет, а утром смотришь, спускается. А ты кто ему будешь?

– Знакомый.

– Знакомый, значит, – окинула она меня взглядом. – Что же ты приходишь, когда его нет дома? Или не знаешь?

– Меня долго не было в городе, откуда мне знать дома он или нет.

– Долго не было... сказала она многозначительно, и тут до меня дошло, что она подумала, что я вернулся из тюрьмы. Это была не плохая идея, и я не стал её разубеждать в этом.

– Не всегда бывает возможность черкнуть пару строк, а иногда и не нужно этого делать, а письмо сюда не дойдет.

– Это верно, – засмеялась она, – почтальоны к нам не ходят.

– Вот и я о том же. Может, кто на первом этаже знает, где он? Спросил я, чтобы понять, есть ли еще жильцы в этом доме.

– На первом? Да это весь дом его. Он один живет на втором этаже, а что там на первом я не интересуюсь. Любопытство не является достоинством в этом районе. Ты поднимись и постучи, вдруг дома. Если нет, может, передать, кто приходил, – вот здесь, она проявила любопытство.

– Не стоит. Если нет, то я в следующий раз зайду.

– Ну, дело твое.

Понимая, что уходить она не собирается, мне оставалось только подняться по лестнице. Я насчитал 12 ступенек. Поднимался не спеша, третья и седьмая ступеньки скрипели. Поднявшись, постучал, подождал и постучал ещё. Прислушался, никакого движения внутри не было. Пока стоял и прислушивался, осмотрел замок, и, развернувшись, спустился вниз.

– Не повезло, – посетовал я, – зайду потом.

Женщина так и не ушла: – А ты откуда будешь? Говоришь

с акцентом.

– Я не местный, я с севера с границы с Бразилией, – вспомнил я, что когда там был, говор у местных жителей был иной. Вероятность, что она оттуда родом была мала. Не говорить же ей, откуда я.

– Ясно, ну, приходи.

– До свидания, – сказал я и направился вдоль улицы к шлагбауму. Я чувствовал, что она смотрит мне вслед. Пока шёл, прикидывал, что если Хорхе придет домой раньше меня, то она ему обязательно скажет и это его насторожит. Ищи его потом. Я мог рассчитывать только на удачу.

До наступления темноты я не появлялся вблизи района. Когда сумерки уже отступили, и темнота пришла мне в помощь, я тем же путем прошел к дому Хорхе. Людей на улице не было, а из окон домов лился свет, приглушенный занавесками и жалюзи. Никто не хотел пускать в свой личный мир, и прятали свои домашние тайны от чужих глаз. Я опасался, что мне могла попасться навстречу компания, и пришлось бы разбираться, а шума я хотел избежать, поэтому помня слова Андре, что здесь могут оставить без штанов, я был осторожен. К этому времени я уже достал пистолет из сумки и засунул за ремень, застегнув куртку.

Окна дома, где жила моя собеседница, были освещены и слышался звук телевизора. Фонарей по близости не было, и я тенью проскользнул к лестнице. Помня о скрипучих ступеньках, перешагнул их и оказался на площадке перед две-

рю. За ней было тихо. Окна были погружены в темноту. Стучать я не стал, полагая, что Хорхе, там нет, иначе он бы не спал, хотя полной уверенности не было. С замком я справился быстро и, открыв осторожно дверь, убедился, что она не скрипит. Быстро закрыл за собой дверь, чтобы свет Луны не давал тень в комнату, и постоял, привыкая к темноте. Некоторое время я прислушивался, всё было тихо. Осмотрелся, достал фонарик с узким лучом света, и начал осмотр. В доме второго этажа было две комнаты и кухня с туалетом. Хотя куда уходили стоки не понятно. В мойке не было грязной посуды, Хорхе поддерживал порядок в доме, не смотря на то, что жил здесь один. На полках были разные банки: соль, сахарный песок, специи, и прочая хозяйственная мелочь. В туалетной комнате был микроскопический душ. Из кухни вела узкая лестница на первый этаж, значит, оттуда он тоже мог появиться. В спальне стояла двуспальная кровать, зеркало над комодом. Я осторожно открывал ящики комода и шкафа в комнате, предварительно надев перчатки, и обнаружил, что в доме было оружие. Я проверил его, вынул патроны. Обыск не входил в мои планы. Сколько предстояло ждать, я не знал, рассчитывая лишь на то, что он появится здесь раньше, чем мне требуется уехать в Бразилию.

Я расположился на диване в углу, так чтобы когда он войдет не сразу меня увидел. Свет включался возле двери, а значит, ему потребуется повернуться и протянуть руку, тогда она будет занята.

Сидел долго. В окнах соседних домов уже давно погасили свет, и район погрузился во тьму, но не в тишину. С улицы раздавались голоса, то приближаясь, то удаляясь. Я задремал. Сколько прошло времени, я не знал, но когда посмотрел за окно, темнота ещё не отступила, но небо уже начинало светлеть. В этот момент я уловил легкие шаги по лестнице. В двери повернулся ключ и в проеме появился Хорхе. Он вошёл, закрыл за собой дверь и включил свет.

Выдержка у него была хорошая. Как только включился свет, освещающая комнату одной лампочкой из трех, он заметил меня, сидящего на диване, но ещё больше его внимание привлек пистолет с глушителем направленный на него.

– Подойди к столу, но не близко. Руки вытяни вперед. Делай всё медленно. Я умею стрелять быстрее, чем ты поворачиваться. Ко мне спиной, – приказал я ему.

Он послушно выполнил мои приказания. Я поднялся, подошёл, упер ствол пистолета ему в спину и свободной рукой проверил наличие оружия. Ничего не было. Отошёл: – Обойди стол и сядь на стул. Руки на стол.

Он всё выполнил, я сел, по другую сторону стола, предварительно отодвинув стул, чтобы он случайно не двинул стол в мою сторону.

– Я буду задавать тебе вопросы, а ты постарайся честно ответить на них

– А кто ты такой чтобы я отвечал?

– Потом узнаешь, если не будешь делать глупости. Счи-

тай, что я твой судья, простить или нет. Что тебя связывает с Джеймсом?

– Я на него работаю.

– Поподробнее.

– Выполняю отдельные поручения.

– Ты не многословен. Попробуем с другого конца. Джеймс и Дорадо знакомы?

По его лицу пробежала тень тревоги. Дорадо был личностью, которая не светится на людях, о нем знали только те, кому положено, если я назвал его имя, значит, что-то мне известно.

– Да они знакомы много лет. Мне приходилось выполнять задания с согласия Дорадо. Если бы у них был общий легальный бизнес, то их можно было бы считать компаньонами.

– Какова была их последняя договоренность. Говори. Не стесняйся.

– Французский журналист случайно, а может быть, и нет, попал в один из лагерей, на северо-востоке. Сумел сбежать, при этом убив несколько человек. На местной дороге его подобрала янки и привезли в свой лагерь. Тупые, – усмехнулся он, – они решили проверить его информацию и заодно сделали запрос на него, тем самым засветив, что он жив. Убирать было уже опасно, а оставлять в живых нельзя. Он видел лагерь подготовки и понял, что там еще контрабандой промышляют, алмазами. Начальник военной базы простой солдат, он ничего не знал. За журналистом прилетел Джеймс

и увез с собой. План Джеймса и Дорадо состоял в том, чтобы выманить журналиста из города. Ему предложили некую информацию, какую, я не знаю. Каждый из них играл свою роль, как бы друг против друга. Он клюнул, но решил сам проверить, что им и требовалось. У них доходы от контрабанды алмазов.

– Кто тебе велел его убрать?

– Приказ исходил от Джеймса. Сначала я должен был принять его, а уж потом подставить, чтобы его убрала охрана лагеря. Всё это преподнесли бы, что он погиб за идею. А СИДЕ сообщило бы, и правительство, направив в этот район войска, ликвидировало бы лагерь.

– Но он мог отдать кому-либо документы.

– Риск был, но они пошли на него. Бумаги всё равно бы не всплыли, а они не хотели шума по тому, первому лагерю, тем более он рассказал другим журналистам.

– Дорадо знал о лагере?

– Конечно, они хотели его уничтожить, предварительно предупредив об этом.

– Ты хочешь сказать, что они контролировали трафик?

– Нет, они занимались алмазами, но операцию хотели провести эффектно, сделав того журналиста героем, что он им помог, хоть и погиб. Документы, что они передали подлинные, но они знали, что он не должен вернуться живым.

– Значит они компаньоны, а его дурачили, и предложили игру, где ему отведена роль смертника. Твоя задача убрать

его? Почему не убрал?

– Он исчез. Его вели от самого Байреса. Сначала он ехал спокойно, а перед деревней, где я его ждал, ушел в отрыв. Под капотом его машины был, наверное, целый табун лошадей. Мы искали его, но не нашли. Теперь я понимаю, что он сделал то, что хотел, и понял больше, чем они думали.

– Как отнеслись они к этому?

– Джеймс в бешенстве, что его так провели, а что думает Дорадо, не знаю. И раньше они не доверяли ему, а теперь у него на руках бомба не только против того, что они знали о существовании базы и молчали, и знали тех, кто контролирует, но и против них. Они же сами дали ему документы. Теперь его ищут, чтобы убрать, но он исчез, как и его машина. Парень профи, получше их обоих.

– А что Джеймс передал тому журналисту?

– Я не знаю, точно, но бумаги, если они при нем, должен был забрать или выбить из него, где они спрятаны.

– В них было упоминание про Дорадо?

Хорхе усмехнулся: – Джеймс как-то сказал мне, что в случае опасности для него, я должен знать, что Дорадо в том списке проходит под именем Джино Вальтер.

– Откуда ты знаешь про базу на северо-востоке?

– Я там проходил подготовку, так, мышцы размять, и вот тогда туда и попал тот журналист.

– Значит, это ты рассказал Джеймсу об убитых?

– Я.

– А почему ты был заинтересован в лагере на северо-западе? Хорхе, ты же понимаешь, что работать против спецслужб опасно. Они решили уничтожить лагерь, а ты сообщил, что надо быстрее все расфасовать, а затем сопровождал товар в Байрес на машине, – и я назвал её номер.

Хорхе изумленно смотрел на меня.

– Да Хорхе я все знаю.

Я решил приоткрыться, потому как понял, что выйти отсюда живым, может только один. Он это тоже знал, слишком много сказал.

– Ты нарушил приказ. Я понимаю, там большие деньги и ты сообщил приятелю, получая свою долю. Хорхе ты сразу работал на разных хозяев. А зря.

– Так это ты!?! – произнес он. – Ты был везде. Какой ты к черту журналист. Значит и на востоке ты оказался не случайно. Уже одно то, как ты ушел и убрал ребят, и собаку, говорит о многом. И в лесу ты прятался. Ты был совсем близко, раз слышал разговор.

– Ну, то, что было это так же интересно, как вышедшая на пенсию проститутка.

Хорхе понимал тоже, что и я. Вопрос стоял, кто кого, но у меня пистолет, значит, у него было что-то в запасе. Пока он говорил, я не спускал с него глаз, глядя в его глаза, которые в доли секунды выдают намерения их хозяина, но чуть раньше действий.

Хорхе засмеялся: – Ты обвел две службы, обставил, как

детей, они даже не представляют твой уровень, но представляю я, и я тебе мешаю.

В порыве смеха он взмахнул руками, как делают люди, когда смеются от души, но это обычные люди, когда им весело. Я уловил его намерения по глазам. Лишь он только начал движение рук, я отклонился вправо, из правого рукава Хорхе вылетел стилет и, просвистев возле моего уха, вонзился в диван, но это я увидел потом. Как только я отклонился, мой палец нажал курок, раздался еле слышный хлопок, и во лбу у Хорхе образовалась дырка.

Он мгновение сидел, а потом упал головой на стол. Посмотрев на мертвое тело, я поднялся, задерживаться здесь не было смысла. Достал из кармана портативный магнитофон, выключил его и положил в сумку, что оставил на диване. Пишолет засунул за ремень. Стиллет вынимать из спинки дивана не стал, пусть потом полиция разбирается о разборке в этом доме. Подойдя к двери, выключил свет, прислушался и открыл её. Луна уже была еле видна на сером утреннем небе, и утренняя дымка уже была готова уступить место первым лучам солнца.

Я не стал закрывать дверь, оставив ее приоткрытой, чтобы соседи заметили и вошли. Ни к чему оставлять труп лежать, пусть о нем позаботятся. Осторожно спустился и быстрым шагом проделал обратный путь. Предутренние сумерки пока ещё скрывали меня. Выйдя из района я, стараясь не попадаться полицейским машинам, прошёл в парк, где и дождался

ся, пока начнет ходить общественный транспорт.

Дома первым делом смыл грим, принял душ, стер часть записи, где он говорил обо мне, что понял кто я, и спрятал пленку. Выпил ароматный кофе, а затем отправился спать. Несмотря на выпитый кофе, уснул мгновенно.

21

Проснулся я поздно, солнце уже перевалило зенит, и начало опускаться к западу. Обычный ритуал после пробуждения: чашка кофе, душ. Хотелось есть, почти сутки ничего не ел, но с этим придется подождать, дел было не мало. Я знал, что меня ищут и Джеймс при его связях не был так опасен, как полковник, вот у него действительно были для этого более широкие возможности, но всё равно ограничены. Он не мог моё фото отдать в розыск, он мог подключить только доверенных лиц. Я устал изменять свою внешность, но знал, что придется. Кардинально менять не стал, а так чуть подретушировал, иначе в самый неподходящий момент грим может потечь. Изменения были минимальны, чтобы соответствовать фото в паспорте, который уже был у меня. Паспорт был на имя англичанина Уильяма Блейка. Волосы светлые, в очках, легкая царапина на подбородке, как бы от неудачного бритья. Оделся в джинсы, клетчатую рубашку, светлую куртку взял с собой. Как багаж – небольшая дорожная сумка, в которой самое необходимое, для краткосрочной поезд-

ки из одной страны в другую.

Я решил, что в Бразилию полечу сегодня же, рейсом в 22 часа, посчитав, что Аргентину надо покинуть временно, и как можно быстрее, чтобы исключить срыв встречи, а в Рио-Жанейро меня искать не будут.

Выйдя из дома, направился к ближайшей улице, где можно взять такси. Доехал до ближайшей кассы и купил билет на самолет, а затем отправился на железнодорожный вокзал, где сдал сумку в камеру хранения, чтобы быть налегке. Доехав до Риколетты, я из телефона-автомата позвонил в офис, трубку сняла Симона.

– Привет, дорогая.

– Жан, ты куда пропал? – услышал я ее радостный голос. – Опять что случилось?

– Всё в порядке, много дел.

– И не заходишь и не звонишь.

– Поздно возвращаюсь, устаю. У вас всё хорошо?

– Да, только тебя не хватает. Ты вообще где?

– Здесь в Байресе. На днях появлюсь. Всё, пока, до встречи.

Я повесил трубку и вышел на залитую летним солнцем улицу. Звонок был сделан. Я был почти уверен, что телефон офиса прослушивается, как и домашний. Этим звонком, я хотел дать понять полковнику, что я в столице. Следующий мой маршрут пролегал в районе моего дома, где я жил под именем Жана Марше. Сделав круг, я вошёл в один из домов

с другой улицы и вышел со стороны моего дома, направляясь мимо него. Не доходя, я заметил машину, которую ранее не видел здесь. Она была пуста. Да и не должен никто в ней быть. Согласно логике водитель ушёл по своим делам, но где-то здесь и наверняка не один, наблюдает за домом. Кто знает, может быть сейчас кто-то сидит и смотрит на меня в прицел.

Я дошёл до конца улицы, пройдя мимо булочника, у которого покупал круассаны, он мельком взглянул на меня, но не узнал, а я сел в такси, направляясь в аэропорт, забрав сумку с вокзала.

Голод давал о себе знать, и я успел поесть в ресторане аэропорта до вылета. При посадке пограничник посмотрел на мои документы и вернул. Я его не заинтересовал. Самолет вылетел по расписанию и через три часа я ступил на землю Бразилии. Пограничный и таможенный контроль прошел без осложнений, лишь пограничник спросил:

- На какой срок?
- На семь дней.
- Цель?
- Бизнес.

Он вежливо кивнул, и усталыми глазами от бессонной ночи, взглянув на меня, отдал паспорт.

- Добро пожаловать в Бразилию.

На такси я добрался до ближайшего приличного отеля, где и прожил два дня до встречи. Эти дни я посвятил изучению Рио-де-Жанейро, других дел у меня не было.

В назначенный день я выписался из одного отеля и вошёл в вестибюль отеля Granada,

– Мне забронирован номер от компании Rio Turist. – обратился я к администратору – мужчине. Он посмотрел записи и подтвердил:

– Да, номер забронирован с открытой фамилией, на трое суток. Ваши документы, пожалуйста.

Я протянул паспорт, он сделал запись и отдал его вместе с ключами.

– Ваш багаж?

– У меня только дорожная сумка.

– Ваш номер на третьем этаже, левое крыло. Спасибо, что выбрали наш отель.

Я кивнул головой в знак благодарности и направился к лифту. «Выбрал – подумал я, про себя, – всё выбрали за меня, я только чуть-чуть поживу».

Номер оказался достаточно приличный: две комнаты, из окна отрывался вид во внутренний дворик, где находился бассейн, вокруг которого расположились проживающие. Что будет вечером, я не знал, кроме того, что должна была произойти встреча.

В начале двенадцатого ночи я вышел в коридор, который был пуст и, пройдя дальше, подошел к нужному номеру, что располагался по другую сторону, окнами на улицу, открыл её и вошёл. В номере было темно, лишь свет от уличной рекламы освещал его, да доносился шум улицы.

– Проходите, – услышал я голос из глубины номера. – Закрыйте дверь.

Я закрыл дверь, прошёл по коридору, откуда вели двери в ванную и туалет. В самой комнате от рекламы было чуть светлее, но лица сидящего в правом углу мужчины я различить не мог, лишь силуэт. Он сидел спиной к окну.

– Слева от вас, кресло, присаживайтесь, – голос его звучал приглушенно.

Я сел в кресло. Не могу сказать, что был абсолютно спокоен, но такого в моей практике не было. Легкое беспокойство было именно от самой встречи, подвохов я не опасался.

– Я не знаю, кто вы, откуда, чем занимаетесь в жизни, я имею в виду легальный бизнес. Спрашивать об этом тоже не буду. Любопытство в нашем деле плохой спутник.

Судя поговору, он был американец. Разговор велся на английском, и голос принадлежал достаточно взрослому мужчине: – Я не хочу слышать ваш реальный голос, наденьте марлевую маску, что лежит рядом на столике. Я не хочу поддаваться соблазну, если вдруг однажды услышу знакомый голос и появится желание, чтобы посмотреть, обернуться на его владельца.

Я протянул руку; на столике, что стоял рядом, взял марлевую повязку, какие надевают медработники.

– Надел – сообщил я.

– Я не буду также говорить кто я. Наша встреча – встреча двух невидимок в этом реальном мире. Проверять под ка-

ким именем я или вы зарегистрировались наивно. Но к делу. Я уже много лет являюсь нелегалом, как и вы, только значительно дольше вас. Мне много лет, но я ещё пока в деле, как в нелегальном, так и в легальном. Я решил уйти. Хочу просто просыпаться и наслаждаться тем, что наступил новый день, а я ещё жив, и не важно, какая на улице погода. Хочу пожить жизнью обычного человека. Это не значит, что раньше не радовался ей, но всегда были какие-то дела, обязанности. Пришло время уйти. Об этом я известил всех, что ухожу. Кстати совсем не важно, кто вы по национальности, и на кого конкретно работаете. Не в этом суть. Раз встречу организовали, значит, доверяют. У меня было последнее задание, я его выполнил. В бумагах, тех, что лежат рядом с вами – информация о сети ЦРУ в Латинской Америке. Теперь её надо передать в Центр.

– Почему я?

– Я не знаю. Я не имел в виду конкретно вас, когда известил, что мне нужен надёжный человек для контакта.

– Но вы могли передать информацию сами. Как вы сказали, уже давно работаете, а значит, у вас должны быть отработанные каналы.

– Всё есть, но учитывая, что это моё последнее задание, то я не хочу рисковать. Я поставил в известность, что встреча должна быть не с резидентом или кем-то подобным. Встреча должна быть с нелегалом, как и я, которого почти никто не знает и не видел. Это сводит мой риск к минимуму. И мне

сообщили, что такая возможность есть и видимо выбрали вас.

– Но в этом случае можем подставиться оба. А вдруг за мной следят?

– Вероятность есть, – согласился он, – всё-таки минимальна. Как понимаю, вы не тот, кого можно просто так выследить, но, конечно, как и сказал, вероятность есть всегда.

– Место встречи кто выбирал?

– Я. Третья страна, что ещё лучше. Ни я, ни вы, надо полагать, здесь не наследили.

– Но я мог не успеть приехать.

– Я это учитывал, иначе вообще не согласился бы. Но раз вы здесь, значит, не летели сюда через полмира. Риск, конечно, есть всегда, не без этого, в этом случае вернулся бы обратно.

– Если я все правильно понял, то я просто должен переправить вашу информацию в Центр.

– Правильно.

– Она зашифрована?

– Нет, вам разрешено её знать. Наверное, вас это тоже касается. Я понял, что вы нелегал высокого уровня, иначе бы не прислали. Глубоко окопались?

– Я не работаю в контакте. Я одиночка.

– Вот потому на вас никто и не выйдет из руководства, да и сдать не смогут. Провалы у всех нелегалов по двум причинам: первая – теряют осторожность, привыкают, вторая их

сдают свои. Вас сдавать некому, а первый случай, вы соблюдаете. Я думаю, вы и сейчас загрированы.

– Да, это так.

– Разумно.

– Интересно, что мне было дано почти такое же задание, по сети ЦРУ.

– Это отвлекающий момент. Не думайте, вас никто подставлять не собирался, я шёл параллельно. У меня значительно больше возможностей. Когда вы возвращаетесь?

– Не знаю, но скоро, – я вдруг понял, что этот мужчина, фигура высшего эшелона и может работать где угодно: в ЦРУ, АНБ или рядом с ними. Я решил рискнуть. – Меня там ищут и ждут.

– Даже так? Значит наследили?

– Следом это назвать нельзя, там не знают, кто я, но получилось так, что ЦРУ и контрразведка работают в паре. Вернее их отдельные представители. Случайно я узнал информацию, и они решили разыграть меня, так как убрать сразу было нельзя, опасно для них. Мог быть резонанс. Но я сорвал их планы и ушел. Для них я обычный человек, они не знают, что я не тот, за кого себя выдаю.

– Да такое бывает. Тогда придется нарушить условия, что я сказал ранее. Откуда вы приехали?

– Из Аргентины.

– Ясно, – он замолчал, обдумывая информацию. – Вам знаком полковник Дорадо?

– Да.

– А под каким именем он проходит в ЦРУ?

– Да.

– Вы не так мало знаете, наверняка, знаете, и на каких условиях он сотрудничает

– Знаю. Он работает на пару с американцем. На пару занимаются контрабандой.

– Я это знаю. С Джеймсом. Такого знаете?

– И его знаю.

– Молодец. Если вы знаете хотя бы часть их работы, то конечно, вы для них опасны. Помолчите. Мне надо подумать.

Он замолчал, а я прокручивал в голове варианты приезда, и чем мне может помочь сидящий напротив нелегал.

– Они точно не знают, кто вы? – нарушил он молчание.

– Нельзя быть уверенным на сто процентов, но у них личные счета, иначе всё было бы по-другому. В официальный розыск я не объявлен, значит, Дорадо может рассчитывать на только очень верных ему лиц, а таких много не бывает.

– Это так. Жаль, конечно, что так случилось, но надо закончить дело, чтобы обезопасить вас. Иначе неизвестно, насколько отложится передача моей информации. Дорадо уже начал терять чувство меры. Так, когда вы намеревались вернуться?

– Может быть и завтра или через пару дней.

– Поживите здесь пару дней, посмотрите город, а потом спокойно возвращайтесь. Он не будет вас искать.

– Почему?

– Видите ли вы один из немногих, а может быть, и единственный, кто может помочь завершить моё последнее дело. К тому же часть информации вам знакома, вы одиночка, как и я. Раз работаете давно и до сих пор живы, то вас надо беречь. Считайте, что это помощь от старшего товарища. Так что возвращайтесь спокойно.

– Надеюсь, вы не собираетесь меня светить, чтобы он получил указание свыше? – надеюсь, что он понял, что я говорю о Джеймсе. Он понял.

– Я понимаю ваше беспокойство, но все будет иначе. Такими, как вы, не разбрасываются. Как часто у вас были реальные встречи?

– Раза три-четыре, – ответил я, чуть задумавшись, вспоминая свои операции. – На первом задании, да пару раз с человеком из Центра, которого знаю с юности.

– Вот потому и живы, что сумели выстроить свои отношения. Надо полагать, и финансируете себя сами?

– Так. Я не бедствую.

– Да, деньги оставляют след. Ясно, что семьи нет. Пора заканчивать встречу. Бумаги на столе. Сумеете их перевезти через границу?

– Через эту да, зашифрую, и запомню, а дальше и не повезу. Опасно.

– Хорошая память?

– Иначе нельзя.

– Вопросы ко мне есть?

– А Джеймс?

– О нем не думайте. Он успокоится. Возможно, сам предложит сделку молчания. Скажу, что намекать ему, чтобы вас не трогал, никто не будет, иначе он поймет больше чем необходимо. Сумеете с ним договориться?

– Думаю, да. Он умеет думать, а значит, ему нет смысла лишний раз светиться в делах, что к работе не имеют отношения.

– Договорились. Удачи вам, а я передаю свою работу в ваши руки. Пока подождите, ситуация подскажет, как действовать.

– А не будет скучно на покое? Или вдруг пройдет время и обратятся?

– Не будет. Я уеду так, чтобы не тревожили. В мире много мест, где можно наслаждаться жизнью, не думая об опасностях, кроме собственных болезней. Ещё что? Если есть вопросы, спрашивайте, на что смогу отвечу.

– Меня смущает то, что я вынужден был идти на контакт. Вы сами сказали, что мы профессионалы, стоило ли так все усложнять. Это не мой профиль задания.

– Понимаю. Конечно, можно считать это прихотью старика. Но всё не так. Не считайте себя курьером. Я предпочел доверить информацию не тайнику, а проверенному человеку лично. К тому же ваша информация вместе с моей значительно весомей, и надо чтобы о ней знали как можно меньше

людей. Но и это не главное. Я, как и сказал, не зашифровал информацию, а значит, вам её надо знать, возможно, пригодится в будущем. Вам же. Там она нужна, чтобы наметить план работы, а вам нужна в целом.

– Это я понял, но я могу оказаться в другом месте, в другой стране.

– Разве известно кого и где встретишь? Не думайте пока о том, пригодится вам информация или нет. Она у вас есть, и в нужный момент вы можете ей воспользоваться.

Наступила короткая пауза, и я сообщил: – У меня всё.

– Тогда прощайте.

– Прощайте, – я снял маску, взял со столика несколько листов и вышел из номера, тихо закрыв за собой дверь.

Войдя в свой номер, спрятал бумаги, привёл лицо в свой естественный вид и сел в кресло, включив торшер. Я мог думать о чем угодно перед встречей, но такого я не ожидал. Кто он, как я и думал раньше, гадать было бессмысленно, да и не нужно. Какая разница, кто он. Я поймал мысль, что придет время, и передо мной тоже будет выбор. Возвращаться на родину, где у меня никого нет, где я ничего не знаю, не знаю образа жизни, или как он, уехать и жить, вспоминая прошлое, наслаждаясь настоящим, и не стремясь заглядывать в будущее.

Размышлять об этом – тратить время. Я достал бумаги и стал их изучать. Информация была ценной. Там были схемы финансирования операций, координаты перевалочных баз,

каналы транспортировки, а главное люди, кто все это осуществлял. Разумеется руководители. Резиденты в странах Латинской Америки. Их характеры, плюсы и минусы. Но и это не всё. Был и общий куратор по странам Южной Америки, его характеристика. Я бы не очень удивился, если бы узнал, что среди тех, о ком здесь упоминалось, был и мой вечерний собеседник, вполне возможно, что он и был главным. Сколько бы я ни старался, ни прилагал усилий и не тратил времени, достать подобное я бы не смог. Такой информацией мог владеть только тот, кто в цепи и принимает решения. Поэтому он точно в списке, иначе, если вдруг всплывет всё, то начнут с тех, кого здесь не упомянули. Да, в этом случае уйти на пенсию хороший вариант. Центр не будет работать грубо. Им там важно знать сеть, а не рушить её, знать, что в ней происходит, а вербовку, найдут, кому поручить, важно знать к кому подходить и с чем.

Два последующих дня мне отдыхать, поэтому всю ночь провел, запоминая информацию, зашифровал её. Когда всё было закончено, за окном уже было светло. Я убрал бумаги, уничтожил первоначальные записи. Повесил на дверь табличку «не беспокоить» и лег спать.

На следующий день, около двенадцати я спустился в ресторан, пообедал в одиночестве и отправился в город. Кто

знает, может быть, придется ещё побывать здесь, так, почему не потратить время на то, чтобы узнать его лучше. Что, хотел предпринять мой ночной собеседник, по моей защите от Дорадо, я не знал, но лишь одна мысль зависла, что это может быть, и она периодически возвращалась по время моих прогулок по городу. Я не покупал аргентинских газет, потому как не нашел их. Здесь государственный язык – португальский, а не испанский, поэтому спрос на испано-язычные газеты, не велик. Два дня прошли спокойно. Вечером, выходя из номера, я обратил внимание, что в тот номер, где была встреча, входит молодая пара, вероятно, он уехал в ту же ночь. На вторые сутки вечерним рейсом я вылетел в Буэнос-Айрес, который встретил меня прохладой душной ночи. Я сразу проехал на конспиративную квартиру, потому как, опасался ещё ехать на основную, и там придал себе свой реальный вид. Подумал, что пора заканчивать с переодеваниями.

Мне хотелось прояснить ситуацию с Дорадо, но выяснить это, я мог только через Лауру. Поутру я проверил ещё раз все записи, зашифровал, продублировал и подготовил к передаче. Операция подходила к концу. Возможно, наступил период относительно спокойной жизни.

А я ее знаю? Моя жизнь, как поездка в поезде, все время вперед, качает и относительный покой только на станциях, типа Монмартра, когда я могу смотреть на мир, не напрягаясь.

Утром, для страховки я позвонил из телефона-автомата Лауре, но трубку никто не взял. И тогда я решил, что надо забрать машину и отправился поездом в Росарио, забрал машину со стоянки и к вечеру вернулся в Байрес.

Для страховки я ещё раз проверил улицу, где была моя основная квартира. Все было чисто, наблюдение сняли. Интересно, кто дал указание. Поставив машину в гараж, я поднялся к себе. Тонкий слой пыли покрывал мебель. За несколько дней моего отсутствия это очевидно, а убираться я никого не нанимал.

Положил продукты, что купил по дороге, в холодильник и снова набрал номер Лауры. Раз сняли наружку, то и прослушки уже можно не опасаться.

– Слушаю, – прозвучал её спокойный, уверенный в себе голос, но с мягкими интонациями.

– Лаура, это я Жан.

– Рада тебя слышать, что жив и не вредим. Ты совсем пропал. Откуда звонишь? – голос звучал неподдельно искренне.

– Из дома. Предлагаю поужинать?

На некоторое время в трубке повисла тишина, а затем она сказала: – Я уже ужинала, но давай посидим. Часов в девять в «I Latina». Сможешь?

– Конечно.

До улицы Murillo, где располагался ресторан, было добираться не так близко, и я поехал на такси, потому как, там было односторонне движение и вечером не хотелось крутить-

ся по улочкам на машине. К тому, же прибыв заранее, я мог осмотреться, не стоило забывать, на кого она работала, хотя если она шла на встречу, то глупо ещё задействовать ради меня людей.

Свободных мест в ресторане не было, и я, постояв у входа, решил дожидаться Лауру на улице. Она появилась в начале десятого.

– Нет мест, – огорченно произнес я. – Поедем в другой?

– Всё будет, – возразила она и направилась в ресторан, я за ней. Подошедшему метрдотелю она сказала, что столик зарезервирован. И нас проводили к столику на двоих.

– Ты здесь постоянная клиентка?

– Не постоянная, но для меня место найдется. А ты изменился, – поведала она, посмотрев на меня.

– И в какую сторону?

– Ни в какую, изменился и всё. Мало спал?

– Было дело.

– И чем занимался?

– Мне обязательно отвечать?

– Нет, если не хочешь. Хотя догадываюсь, что проблемы были. Тебя искал Дорадо. Он не говорил мне прямо, но как-то поинтересовался, видимся ли мы? И если я тебя увижу, то просил сообщить ему. Но больше не возвращался к этому разговору.

– Мы не встречались.

– И больше не встретитесь.

– Почему?

Лаура несколько удивленно посмотрела на меня: – А ты разве не знаешь?

– А что я должен знать про жизнь сотрудников СИДЕ?

– Он умер, – сообщила она словно диктор по телевидению, без тени сочувствия.

– Умер!?! Он казался здоровым человеком. От чего?

– Отчего умирают здоровые люди?

– Я так полагаю, что от владения большой информацией, которой захотели воспользоваться в личных целях.

– Вот именно.

Я посмотрел ей в глаза и та мысль, что посетила меня в Бразилии, была верной. Здоровые люди просто так не умирают, их убивают. Я это понял, но она не хотела произносить это вслух.

– Официальная версия – сердечная недостаточность? – поинтересовался я.

Она лишь кивнула в знак согласия.

– И что это людям порой не хватает сердца? Сердечная недостаточность, – произнес я глубокомысленно. – Может быть, оно у них высыхает, и его нехватка их и убивает. А реально – пуля?

– Снайпер. В сердце. Он был в своем саду.

– И что вот так легко?

– Не думаю. Он хоть особо и не боялся, но меры предосторожности принимал. Видимо недостаточные. Те, кто это

сделал, хорошо знали его, и его привычки. Если человека решили убить, то от этого не спасёт никто. Вопрос как-то всё быстро. Неожиданно. Словно срочно надо было закрыть какое-то дело. Кому-то он сильно мешал.

– Нашли кто? Или подозревают?

– Нет, конечно, – усмехнулась она. – В таких случаях ищут недолго и не рьяно. Я думаю, заказ был не из Аргентины.

– Почему?

– Он здесь был влиятелен.

– Это не показатель.

– Тоже верно. Но приказ был отдан наверняка на высоких инстанциях.

– Тебе его жаль?

– Чисто по-человечески, а так нет. Я вообще думаю, что он кому-то помешал.

– Чем?

– Наверное, знал что-то лишнее.

– Да, лишние знания бывают опасны.

– Это ты по себе судишь?

– И по себе тоже, с разницей в том, что я жив. Всё это в прошлом, раз его нет. Надо думать о будущем. У тебя придет новый начальник. Я просмотрел газеты, там об этом ничего нет.

– И не может быть. Он не был публичным человеком, о таких, некрологи не публикуют.

Я не поднимал тему моего отсутствия. Зачем ей знать, где

я был. Пусть спит спокойно, если сможет в сложившейся ситуации.

– Как твои дела теперь?

Она в задумчивости осмотрела зал, перевела взгляд на меня: – Не знаю. Думаю, подожду, всё само отрегулируется. Как будут развиваться события.

– Но они могут изменить твою жизнь.

– Не факт, что кардинально.

– А отношения с Джеймсом?

– Я ему ничем не обязана, а знает ли кто о нём ещё кроме Дорадо, мне не известно. Возможно, он уедет.

– С чего бы?

– Я думаю, у них были общие дела с Дорадо.

– Думаешь или знаешь?

– Жан, а тебе не кажется, что ты задаешь не те вопросы?

Она была права, что-то я увлекся, а сказать что мне известно, не мог: – Это просто забота о тебе. Задам тот. Может быть тебе замуж выйти?

– Спасибо, но я о себе позабочусь сама. Если только за тебя? Пригласи.

– Ты знаешь, что я отвечу.

– Потому так и сказала. Замуж не проблема.

– А Мигель?

– Ты это серьезно? – усмехнулась она. – Кстати после того вечера, он как-то исчез из поля моего зрения. До меня дошли слухи, что у его парней были проблемы. Не отвечай, –

сказала она, – правды не скажешь, но думаю, что не без твоего участия.

– Ты наделяешь меня невероятными способностями.

– Я отдаю тебе должное, как мужчине, и не хотела бы я оказаться на твоём пути.

– Это, смотря в какой роли.

– Роль женщины не обсуждаем, но и здесь ты взял своё.

– Я ничего не брал.

– Не говори ерунды, ты всё понимаешь. Ты интересный мужчина, но и опасный. Оставим эту тему.

Вечер прошёл спокойно. Лаура была немногословна. Её можно было понять, так как она не знала, как будут развиваться события далее. Её посредничество между Дорадо и Джеймсом оборвалось, и сейчас она была порванным звеном в цепи, никем ещё не подобранное. Но это дело времени.

Через час я отвез её домой, напрашиваться в гости не стал, а она не предлагала, и вернулся домой.

Теперь становилось ясно. Чтобы прикрыть меня, его убрали. Большие возможности у моего собеседника, если он смог убрать такого человека и так быстро. «Не важно, нанял, у таких людей всегда есть исполнители, или имеет право отдавать такие приказы – размышлял я. – Джеймс всё прекрасно понял и теперь затихнет. Он знает, что это не месть обиженного бизнесмена. Это серьёзный уровень. Где гарантия, что не он следующий».

Время было позднее, но я решил ему позвонить.

– Доброй ночи, – пожелал я, когда он ответил.

После непродолжительной паузы, я услышал: – Вы считаете, что она добрая? После вашего звонка?

– Да бросьте. Чем вам мой звонок плох. Пусть с меня всё началось, я хочу и закончить. Давайте завтра встретимся? Пообедаем?

– Нам есть о чем поговорить?

– Был бы собеседник, а тема всегда найдется.

Мы договорились о встрече в три часа.

Ну вот, пора заканчивать свои дела. Подчищать всё за собой. На другое утро, я посетил квартиру, протер пыль, чтобы по возможности убрать свои отпечатки пальцев, хотя абсолютной стерильности добиться трудно. Сложил вещи в сумку, достал рацию и на высокой скорости передал информацию в эфир. Засечь её трудно, она работала секунд пятнадцать. Примерный район можно. Но меня здесь уже не будет. Разобрал её, часть узлов поломал и все положил в небольшую дорожную сумку. Прошёлся по квартире, окинул её взглядом. Всё, мне здесь больше делать нечего. Вышел через запасной выход и, спустившись по винтовой лестнице, оказался на другой улице. Обойдя дом, я расположился на скамейке метрах в пятидесяти, и вскоре увидел, что мимо дома проехала машина, в предназначении которой я не сомневался. Ехала она медленно. Засекли. Точного места не знают, но начнут проверять квартиры. Потому и не пользовался рацией раньше.

Ждать больше нечего, и я пошел к концу улицы. По пути выбросил части радиации в разные мусорные баки, сумку с одеждой оставил, тоже возле мусора, пригодиться кому-то. Позвонил, в агентство, и сообщил, что квартиру освободил. Срочно уезжаю. В первое время приходили и проверяли, всё ли у меня в порядке. Затем достал информацию из резервного тайника и уничтожил. Я выжил, информация передана, а значит, надо исключить лишнее дублирование, которое могло быть рискованным.

Когда я пришёл в ресторан, то Джеймс был уже там. Мы поздоровались, и я ему сообщил:

– Мне известно о смерти Дорадо.

– Лаура сказала?

– Она. Но меня это не касается. Я не хочу ничего иметь с вашими тайнами. Я вообще ушел из журналистики, пора заниматься своим бизнесом. Он и прекрасен и интереснее для меня. Но мне хочется закрыть некоторые темы. Те базы, на северо-западе и на границе с Боливией реально существуют, но мне лично в этих знаниях мало толку. Они вообще мне не интересны.

– Разговор идет об одном лагере.

– Разговор идет обо всех, но, как понимаю, тема для обсуждения тот, в котором я не был. У вас осталось намерение сдать его властям? Теперь это согласовывать с Дорадо не требуется, а преемнику это будет на пользу.

– И кто будет это делать? Лаура? – поинтересовался

Джеймс.

– Начнем с того, вы согласны на моё предложение и публикацию?

– Он мне безразличен.

– Тогда так. Я забываю про лагерь на северо-востоке. Я там был случайно и случайно всё забыл. Информацию по другому лагерю я передам коллеге, а они преемники, пусть решают на кого выходить. Как такой вариант?

– А откуда они узнали?

– У журналистов всегда есть источники информации, которые они не выдают.

– Это ваше дело.

– Ошибаетесь. Это наше дело.

– Не впутывайте меня сюда.

– И не собирался, хотя желание есть.

– С чего вдруг?

– Да увязались за мной, когда я туда поехал, а о моей поездке знали только вы.

Мы оба лгали друг, другу делая честное выражение глаз. Он знал, что я выехал раньше, но, ни разу не упомянул об этом, как и, то знал, что увязались с его подачи. К тому же контролировал всё Хорхе, а он мертв. Интересно знает он об этом?

– Всё может быть. Я мог случайно проговориться.

– Что это вдруг? И кому? Дорадо? Не думаю, что вы не знакомы. Ладно, не буду углубляться. Это ваш промах. Так

вот статью публикуем без упоминания вас, меня.

Мне очень хотелось дать ему послушать запись Хорхе, но возникал вопрос. Откуда она у меня. Прислал доброжелатель? Мне? Почему? Джеймс был умен и знал, что Хорхе мог такое сказать, только под дулом пистолета, и как вывод этот пистолет был у меня в руках. Зачем давать ещё один повод против меня. Я не мог ему об этом сказать, как и то, что знал, что они меня ищут. А он не мог сказать всего, потому что Хорхе был мертв, да и откуда я мог его знать. В настоящий момент Джеймс в этой операции оказался один. Его многолетняя связь с Дорадо порвана. Ему нужно прийти в себя, и тот лагерь ему точно безразличен, лишь бы не светили его.

– И ещё, – продолжил я. – Вот вам информация, – и протянул ему листок, – это о фонде, где вы работаете. Её мне дал Дорадо. Я не имею ни возможности, ни желания её проверять. Правда там или нет. Но, даже если и не правда, то она может доставить неприятности уже своим фактом существования. Кто знает? Зачем вам внутренние разборки? Будем считать это моя страховка, от вас. Вы забудете обо мне, а я о вас.

– Думаете это возможно?

– Ну, хотя бы не вспоминайте. Я точно не буду. Мало ли у нас бывает встреч в жизни.

Он взял листок и посмотрел: – Интересно проверить.

– Вам, возможно. Я не очень верю Дорадо, вернее верил, но может быть, что-то и проскочит, если вы надумаете за-

теять что-то против меня. Важно породить зерно сомнения. Так что, дубликат у меня. Я пойду. Пришло время нам проститься. У меня много других дел. Не надо устраивать мне аварии.

– Нужно очень.

– А хотелось, – утвердительно сказал я, глядя ему в глаза.

– Это факт или догадки?

– Догадки.

– Оставьте их при себе.

– Я хочу, чтобы вы оставили их и при себе тоже. Прощайте, – и, поднявшись из-за столика, ушёл, не протянув ему руки.

Я бы не сказал, что опустошен, но у меня появилось чувство, которое наступает, когда завершаешь дело и не так плохо. Я понимал, что основная моя функция была не том, чтобы добыть информацию, а в той встрече. Передать информацию дальше. Я всё сделал, хотя для меня это было неожиданным заданием. Знали бы в Центре, тогда сказали бы просто сиди тихо и жди. Но всё закончилось.

Примерно через пару дней, я получил информацию, что моя миссия в Аргентине закончена, и я могу уезжать, чего я делать не собирался

В течение двух месяцев я ездил по странам Латинской Америки, где встречался с искусствоведами, по рекомендации Густаво. Подбирал и отправлял экспонаты в Париж. Я занимался своим делом, и оно мне нравилось. Но перед сво-

ими вояжами я встретился с Симоном и Андре.

– Возьми, здесь наброски одной статьи, – протянул я ему рукопись. – Андре, помоги выйти на местных, а там решите. Но предупреждаю, что меня там не должно быть. Откуда информация сами придумаете. Согласуйте время публикации. Если раньше, то всё сорвёте, тогда вам придется уезжать. А так, это вам даст возможность открывать многие двери.

– Но это, же твое. Ты рисковал, – возразил Симон.

– Мне это не интересно. Считай, что пришёл человек с улицы, обеспокоенный ситуацией, дал информацию и ушёл. Себя не называл, боясь мести. Ты провел расследование, и передаешь информацию властям. Информация точная. Поверь.

23

Время неумолимо двигалось, и летом наступил момент моего отъезда. Накануне я встретился с Лаурой. Она опять была в деле, и настроение у нее было не плохое. Мы расстались, как хорошие знакомые, без сожаления, но с легкой грустью. попрощался с журналистами, кого знал.

В самолете, что возвращал меня в Париж, были другие стюардессы, наверное, Жаннетт уже работала в офисе. Сам Париж встретил меня летним зноем города, по которому я скучал.

На другой день по прибытии в Париж, проверив, нет ли

слежки, оставил в тайнике дубликат шифровки и позвонил по телефону.

– Вам привет от Саманты. Она передала посылку. Можете её забрать завтра. Я буду в торговом центре Самаритен с двенадцати до часу, в кафе на втором этаже. У меня красная рубашка и сумка с надписью «Adidas».

– Хорошо. Спасибо.

Конечно, ни в какой Самаритен я не собирался. Информация оставлена и забрать её надо сегодня, в том же торговом центре, но только в другом месте, где знал связной. В тот же день заехал в редакцию, где пообщался с главным редактором. Перед моим уходом он спросил:

– Статью ты готовил?

– Какая разница.

– Симон отказался от гонорара.

– Я тоже отказываюсь. Знаешь, направь его на благотворительность.

– Как скажешь. Хоть ты и дергал меня за нервы, но я пережил тот период. Будешь искать работу приходи. Возьму.

Я его поблагодарил, а в последующие дни занялся вместе с Элен подготовкой новой коллекции экспонатов в салоне. Экспозиция имела успех, и многие экспонаты были проданы.

– Поедешь еще? – спросила Элен.

– Ну, уж нет. Так пришлют.

В один из дней я заметил метку, что для меня оставлена информация. Это огорчило. Я только что вернулся, и хоте-

лось перевести дух. Записка была краткой. «Благодарим за проделанную работу. Представлены к награде».

Я прочитал её и сжег. И надо было меня дергать для этого? Что толку мне от этой информации. На какое имя выписан документ о награде? Или в графе кому, оставлен прочерк. Да и как она выглядит, эта награда?

Так прошло несколько дней в заботах, что я не мог выбраться на Монмартр. Но в тёплый летний вечер, я, бросив всё, сидел в кафе на площади, где так давно вёл разговор со своим другом, держа стакан красного сухого вина.

– Скучаем? – услышал я знакомый голос, который очень меня порадовал.

– Скажем так, грущу, – ответил я, не поворачиваясь на голос. – Жду, когда ты придёшь и составишь компанию.

– Это я тебя жду почти год.

– Вот потому и грусть. Скука это более грубо. Бездеятельно, безнадежно, а грусть она всё-таки легче. Вот, вспоминаю тебя, как мы сидели. Садись старина, я рад, что с тобой всё в порядке, что ты жив и снова рядом.

Николя опустил на стул. Мимо шли туристы. Мы, молча, наблюдали за ними, просто отмечая про себя их вид. Одна женщина, смуглая, остановилась у лавки с сувенирами, напротив места, где мы расположились. Всё было, как год назад.

– Откуда она? – спросил Николя.

– Испанка, – был мой ответ.

– Пари? – предложил он.

– А давай, – оживился я, и поднялся со стула.

2014 г.

(фото Горюнов Ю.)